

No2(2)

ИЮНЬ 2026

г. Омск

ISSN 3033-7887 (online)

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И
СТУДЕНТОВ

Scientia Juvenum студенческий научный журнал

НОМЕР (2), 2026

Учредитель: АВТОНОМНАЯ
НЕКОММЕРЧЕСКАЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «СИБИРСКИЙ
ИНСТИТУТ БИЗНЕСА И
ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ»

Статьи публикуются в
авторской
редакции. За достоверность
фактического материала
и научную ценность статей
ответственность несут
авторы
и рецензенты. Точки зрения
авторов
и редакционной коллегии
могут не совпадать. 16+

Адрес редакции фактический:
644116, Омская Область, г.
Омск, ул. 24-я Северная, д.
196, к. 1
тел.: +7(3812)62-59-89
e-mail: sibir-nauka@mail.ru

Адрес издателя и
распространителя
фактический: 644116,
Омская Область, г. Омск, ул.
24-я Северная, д. 196, к. 1
тел.: +7 (3812) 62-59-89
e-mail: rector@sano.ru

ББК 95
УДК 08

Главный редактор

М.Г. Родионов (кандидат экономических наук)

Ответственный редактор

А.В. Васильева (кандидат исторических наук)

Технический редактор

М.Ю. Левценюк (студент 2 курса по направлению
подготовки «Юриспруденция» (бакалавриат),
направление «Гражданское право»)

Редакционная коллегия

В. А. Абилькенова (кандидат социологических наук)
Т. Ф. Алхассан (кандидат экономических наук)
Д. Д. Барамидзе (кандидат юридических наук)
К. Э. Борблик (кандидат экономических наук)
К. В. Бугаев (кандидат юридических наук)
Е. А. Василькова (кандидат юридических наук)
Е. Ю. Воробьева (кандидат философских наук)
А. Л. Вусик (кандидат филологических наук)
И. А. Вялкова (кандидат наук по социальным
коммуникациям)
В. В. Гайдукова (кандидат экономических наук)
Д.С. Жамангарин (доктор PhD)
А. В. Катрыч (кандидат юридических наук)
С.П. Качесова (кандидат исторических наук)
Н. В. Лохман (доктор экономических наук)
Т. И. Николенко (кандидат экономических наук)
С. А. Образцов (кандидат технических наук)
Э. В. Плучевская (кандидат экономических наук)
Т. В. Русских (кандидат юридических наук)
К.Р. Руссу (кандидат филологических наук)
Ю.В. Рябуха (кандидат исторических наук)
А. А. Самойлов (кандидат психологических наук)
Т. А. Санькова (Юрина) (кандидат технических наук)
О. А. Сивак (кандидат педагогических наук)
А. В. Синдецкая (кандидат юридических наук)
Н.В. Стаурская (кандидат филологических наук)
С. А. Тесленок (кандидат географических наук)
Э. М. Л. Тчибола (кандидат юридических наук)
Ю. Г. Федорова (кандидат филологических наук)
Е. В. Христинина (кандидат юридических наук)
Л. В. Шикова (кандидат экономических наук)
Е. В. Юдина (кандидат экономических наук)

Содержание

FUTURUM DIGITALIS (ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ)

- 5 Бугасов Илья Александрович**
Особенности измерения электрофизических параметров строительных материалов
- 12 Жуматий Екатерина Витальевна**
Некоторые аспекты проектирования информационной системы контроля знаний слушателей центра дополнительного образования
- 16 Желобецкий Максим Вадимович**
Английская техническая терминология бпла: анализ структуры, заимствований и неологизмов
- 20 Коноваленко Матвей Валерьевич**
Разработка учебно-тренировочного веб-приложения для подготовки операторов беспилотных летательных аппаратов с интеграцией симулятора полётов
- 25 Нажекенова Жанель Наурызбайқызы**
Исследование технологического процесса сушки в составе окрасочной линии с применением автоматизированной системы управления

IUS ET SOCIETAS (ПРАВО И ОБЩЕСТВО)

- 32 Башева Дарья Александровна**
Трансграничная передача персональных данных: современная аналогия «плана барбаросса» в борьбе за цифровое доминирование
- 40 Волхова Мария Денисовна**
Этика адвоката в современных условиях
- 45 Зуев Данил Александрович**
Проблемы перевода англоязычных юридических терминов в российской правоприменительной практике: эмпирический аспект
- 53 Кельм Элла Александровна**
Налогообложение адвокатов: актуальные вопросы
- 58 Пономарева Елизавета Андреевна**
Необходимая оборона: грань между правом и преступлением
- 63 Тельнова Алена Вячеславовна**
Нотариальное удостоверение корпоративных договоров

OECONOMIA ET GUBERNATIO (ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ)

- 67 Гайфутдинов Максим Викторович**
Эффективность господдержки малого и среднего предпринимательства в Омской области: опыт центра «мой бизнес»

74 Зингер Анастасия Витальевна
Анализ налоговых льгот в сфере ИТ: сравнительный обзор на основе опыта Российской Федерации и стран ЕАЭС

80 Иванова Маргарита Максимовна
Рост самозанятости как фактор изменения налоговых поступлений от физических лиц за 2022-2024 годы.

86 Ибрагимова Нурлана Афиг кызы
Модель межотраслевого баланса Леонтьева как инструмент анализа региональной экономики. Численный эксперимент для трёхсекторной системы

CULTURA ET ANIMUS (КУЛЬТУРА И ДУХ)

93 Большова Софья Александровна
Черты лидерства в политическом образе Б.Н. Ельцина во второй половине 1980-х – 1990-х гг.

98 Джабраиллы Умара Эльсу кызы, Эйвазова Нигяр Араз кызы, Джафарзаде Айдан Эльмар кызы
Развитие навыков наблюдения и педагогического предвидения в деятельности будущих учителей начальных классов

104 Корженевская Ангелина Константиновна
Аксиологический аспект молодежной субкультуры современной России: эмо-культура

111 Рамазонова Бибисоро Олтибойовна
Историческая память как фактор формирования идентичности современной молодежи стран центральной Азии

116 Русецкая Каролина Евгеньевна
Развитие навыков наблюдения и педагогического предвидения в деятельности будущих учителей начальных классов

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ЭЛЕКТРОФИЗИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

УДК 53.089.4

¹**Автор:** Бугасов И.А., студент,
Крымский федеральный универси-
тет им. В.И. Вернадского, Физи-
ко-технический институт, Симфе-
рополь, Россия
E-mail: ibugasov@yandex.ru

²**Научный руководитель:** Поле-
таев Д.А., канд. физ.-мат. наук,
Крымский федеральный универси-
тет им. В.И. Вернадского, Физи-
ко-технический институт, Симфе-
рополь, Россия

Бугасов Илья Александрович¹
Полетаев Дмитрий Александрович²

Введение

Электрофизические параметры строительных матери-
алов — относительная диэлектрическая проницаемость (ϵ_r) и
тангенс угла диэлектрических потерь ($\tan \delta$) являются инфор-
мативными характеристиками, позволяющими осуществлять
объективную и воспроизводимую оценку их качества и экс-
плуатационных свойств. Указанные параметры не являются
постоянными величинами: они претерпевают изменения под
воздействием внешних факторов и условий эксплуатации, что
обуславливает необходимость их систематического контроля.
В контексте современного строительства мониторинг дина-
мики (ϵ_r) и ($\tan \delta$) приобретает характер одной из приоритет-
ных научно-практических задач.

Актуальность настоящего исследования определяется
интенсивным развитием новых строительных технологий и
материалов, сопровождающимся повышением требований к
их эффективности, долговечности и экологической безопас-
ности. В данных условиях систематическое наблюдение за из-
менением электрофизических параметров становится инстру-
ментом как технического контроля, так и прогнозирования
поведения материалов в условиях эксплуатации. Помимо это-
го, использование диэлектрических характеристик открывает
возможности для научно обоснованного выбора материалов
применительно к конкретным конструктивным решениям.

В настоящей работе рассматриваются особенности и
методы измерения электрофизических параметров строитель-
ных материалов, получаемых из побочных продуктов и отхо-
дов промышленного производства, — фосфогипса и отходов
переработки диабазовых горных пород. Особое внимание уде-
ляется анализу влияния внешних факторов — влажности, те-

Данная статья посвящена особен-
ностям измерения электрофизи-
ческих параметров строительных
материалов из отходных продуктов
промышленности — фосфогипса
и диабазовых пород. В работе рас-
сматриваются методы определения
относительной диэлектрической
проницаемости (ϵ_r) и тангенса угла
потерь ($\tan \delta$) с использованием
резонансных и ёмкостных техно-
логий, а также проведён анализ
влияния частоты и условий эксплу-
атации на точность измерений. В
рамках исследования разработан
прототип автоматизированного
измерителя на базе микрокон-
троллера Arduino, что позволило
повысить воспроизводимость и
чувствительность полученных дан-
ных. В результате экспериментов
выявлены оптимальные параметры
для проведения неразрушающего
контроля этих материалов, что спо-
собствует развитию экологически
безопасных технологий производ-
ства строительных конструкций
из отходных продуктов. Статья
содержит практические рекоменда-
ции по применению разработанных
методов в строительной промыш-
ленности и позволяет расширить
возможности диагностики характе-
ристик материалов.

Ключевые слова: электрофизиче-
ские параметры, диэлектрическая
проницаемость, тангенс угла
потерь, неразрушающий контроль,
строительные материалы, отходы
промышленности

температуры и давления — на точность и воспроизводимость результатов измерения (ϵ_r) и ($\tan \delta$), поскольку именно данные факторы в значительной мере определяют достоверность получаемых характеристик.

Целью работы является систематизация существующих научных представлений об особенностях и методах измерения электрофизических параметров строительных материалов из промышленных отходов и побочных продуктов производства с целью установления их практической значимости для строительной отрасли. Для достижения поставленной цели в работе решается следующая задача: определить оптимальные методы и условия проведения измерений, а также установить характер влияния факторов окружающей среды на электрофизические параметры исследуемых материалов.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные данные об электрофизических параметрах могут быть использованы при проектировании и разработке новых строительных материалов на основе промышленных отходов, а также при формировании нормативно-технической базы для их применения в строительстве.

Теоретическая часть

Электрофизические параметры строительных материалов представляют собой фундаментальные характеристики, характеризующие их поведение в электрическом и электромагнитном полях, а также определяющие характер взаимодействия с электрическими токами. К числу основных электрофизических параметров относятся относительная диэлектрическая проницаемость (ϵ_r) и тангенс угла диэлектрических потерь ($\tan \delta$). Указанные величины обладают высокой информативностью и широко используются для объективной оценки эксплуатационных характеристик материалов.

В условиях нарастающей потребности в создании строительных технологий с минимальным негативным воздействием на окружающую среду особую актуальность приобретает проблема утилизации промышленных отходов и их вовлечение во вторичное. В этом направлении учёные Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского ведут активные исследования, направленные на разработку новых экологически безопасных строительных материалов на основе побочных продуктов промышленного производства. Одним из перспективных направлений является создание стеновых строительных блоков с использованием фосфогипса и отходов переработки диабазовых горных пород.

Целью настоящего проекта является снижение экологической нагрузки за счёт утилизации промышленных отходов и уменьшения объёмов их захоронения, а также сокращение выбросов углекислого газа (CO_2) в атмосферу за счёт применения технологий минерализации.

Технология изготовления данных изделий включает ряд последовательных этапов. На первом этапе осуществляется формование блоков методом вибропрессования (длина блока = 4 см, диаметр поперечного сечения = 3 см), обеспечивающего высокую однородность структуры и повышающую механическую прочность конечного продукта. На втором этапе сформированные блоки подвергаются обработке в специализированной камере карбонизации, в которой используется углекислый газ (CO_2). В результате данного процесса происходит затвердевание и минерализация: минеральные компоненты смеси - фосфогипс и гидратная известь - вступают в реакцию с CO_2 , образуя прочные карбонатные соединения, что существенно повышает механическую устойчивость и долговечность изделий.

Рисунок 1. Образцы строительных стеновых изделий из побочных продуктов и отходов промышленности – фосфогипса и отходов переработки диабазовых горных пород.

Электрофизические параметры исследуемых образцов планируется выразить через значения сопротивления и ёмкости.

Вообще, для измерения электрофизических параметров используют специальные системы, основанные на методах ёмкостных, резонансных, СВЧ - измерений и АЦП (аналогово - цифровых преобразователей).

Образец вставляется в измерительный контур, в котором регистрируются параметры электромагнитной волны или ёмкости.

В выполненной работе образцы вставляются в реактор, с откачанным из него воздухом и затем насыщаемый углекислым газом.

В ходе работы на базе платформы Arduino была собрана схема (рисунок 2.4), основанная на работе омметра.

На рисунке 2 показана полная экспериментальная установка со всеми дополнительными объектами, необходимыми для откачки воздуха и насыщения углекислым газом. Оборудование находится в лаборатории Академии строительства и архитектуры КФУ им. В. И. Вернадского. На рисунке 2 обозначено R_1 – тестовый резистор, R_2 - исследуемый образец, C – конденсатор.

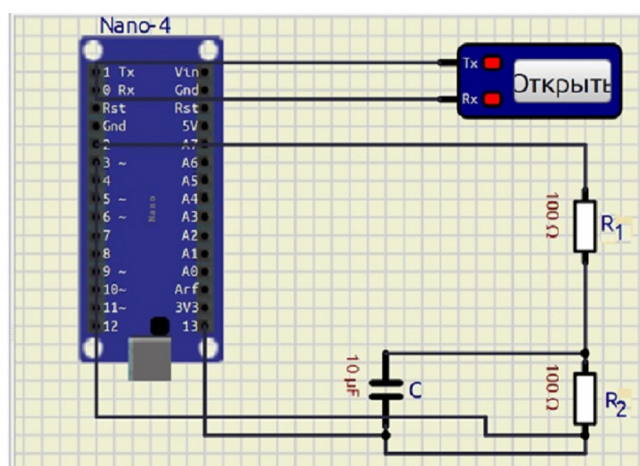

Рисунок 2. Схема измерителя ёмкости и сопротивления на Arduino Nano в программе SimulIDE

Большое значение имеют величины диэлектрической проницаемости и потерь так как измерения образцов с небольшой величиной диэлектрической проницаемости оказываются непригодными для образцов с высокими значениями диэлектрической проницаемости (ϵ) и тангенса угла диэлектрических потерь ($\tan\delta$). При измерении диэлектрической проницаемости важным является простота методики, точность полученных результатов, а также вид расчетных формул:

$$E = E_0 \cos \omega t$$

$$\delta_{\text{пр}} = \sigma E = \sigma E_0 \cos \omega t$$

$$\delta_{\text{см}} = \frac{\partial \vec{D}}{\partial t} = \frac{\partial}{\partial t} (\epsilon_a E) = \frac{\partial}{\partial t} (\epsilon_a E_0 \cos \omega t) = -\omega \epsilon_a E_0 \sin \omega t$$

$$|\delta_{\text{пр}}| = \sigma E_0 \quad \left| \frac{\delta_{\text{пр}}}{\delta_{\text{см}}} \right| = \frac{\sigma}{\omega \epsilon_a} = \tan \Delta \cdot \text{тангенс угла диэлектрических потерь}$$

$$|\delta_{\text{см}}| = \omega \epsilon_a E_0$$

если $\tan \Delta \gg 1$ - проводящая среда.

$\tan \Delta \ll 1$ - диэлектрическая среда.

При измерении диэлектрической проницаемости в широком диапазоне частот не всегда получается точно измерить вещественную и мнимую часть. Измерения вещественной части всегда более точны. Зная зависимость вещественной части от частоты, можно найти зависимость мнимой части от частоты. Экспериментальная методика измерения электрофизических свойств при использовании коаксиальных линий совпадает с методикой измерения диэлектрической проницаемости волноводным методом, за исключением некоторых моментов для тех или же других установок.

Диэлектрическая проницаемость состоит из действительной и мнимой части. Вещественная часть называется диэлектрической постоянной и характеризует запас энергии электрических колебаний в диэлектрике, а мнимая часть – фактором диэлектрических потерь. Потери представляют ту часть энергии, которая рассеивается в диэлектрике в виде теплоты.

На рисунке 3 представлена векторная диаграмма для получения $\tan\delta$.

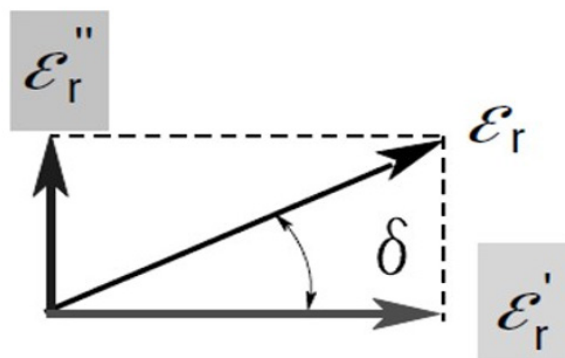

Рисунок 3. Векторная диаграмма для получения тангенса угла диэлектрических потерь ($\tan\delta$)

3. Результаты и их обсуждение

Сравнительная обработка данных, представленных на рисунках 4 и 5, демонстрирует, что вариация условий эксперимента приводит к увеличению относительной диэлектрической проницаемости и росту тангенса угла диэлектрических потерь исследуемых образцов, что снижает воспроизводимость результатов. Данный эффект коррелирует с повышением влажности в рабочей зоне реактора карбонизации. Несмотря на указанное влияние, анализируемые зависимости позволяют достоверно идентифицировать точки фазовых переходов и отследить эволюцию диэлектрических параметров в ходе карбонизации. Для верификации выявленных закономерностей планируется проведение серий экспериментов в строго контролируемых условиях.

При определённых сочетаниях внешних параметров фиксируются резкие скачки измеряемых величин, что обосновывает необходимость стабилизации экспериментальных условий при исследовании электрофизических свойств рассматриваемых материалов.

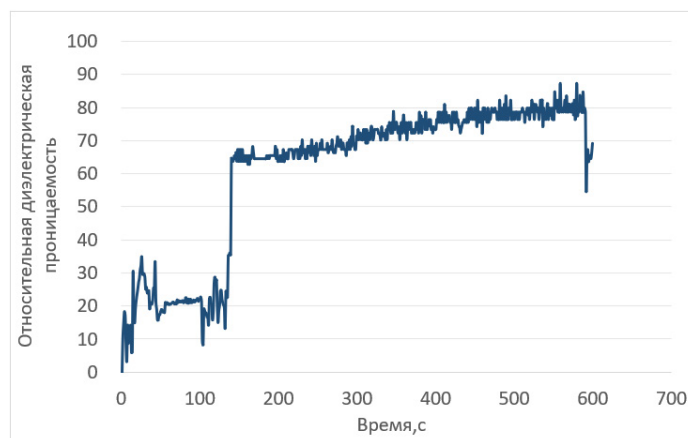

Рисунок 3. Изменение относительной диэлектрической проницаемости, ϵ_r в процессе карбонизации

Анализ кривой на рисунке 3 позволяет выделить три временных интервала, соответствующих различным стадиям физико-химических процессов. Указанная особенность свидетельствует о том, что интенсивная фаза карбонизации инициируется с задержкой порядка двух минут относительно начала регистрации. Представленная зависимость отражает динамику диэлектрической проницаемости и достижение ею установившегося значения при фиксированном уровне влажности материала.

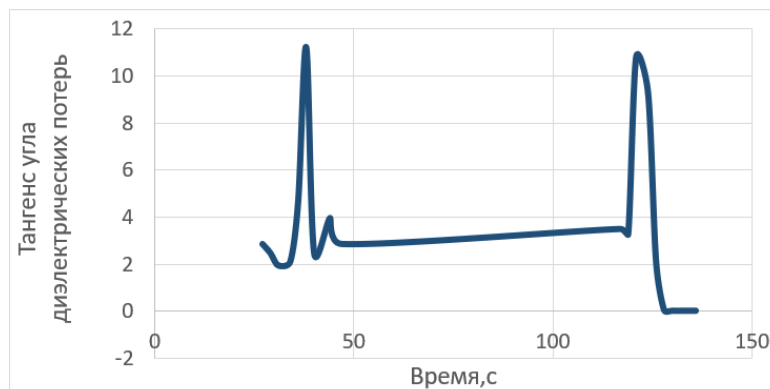

Рисунок 4. Изменение тангенса угла диэлектрических потерь, $\tan\delta$ в процессе карбонизации

График на рисунке 5 демонстрирует начальное возрастание тангенса угла диэлектрических потерь с последующим снижением и стабилизацией. Подобная кинетика объясняется процессами релаксации дипольных моментов и структурными перестройками в объёме материала.

Анализ показывает, что при стабилизированных условиях эксперимента диэлектрическая проницаемость и тангенс угла потерь достигают стационарных значений. Указанная стабилизация свидетельствует о формировании оптимального комплекса электрофизических свойств, обеспечивающего пригодность материалов для применения в строительстве. Установлено, что выход на плато электрофизических характеристик совпадает по времени с завершением основных стадий структурообразования.

4. Практические рекомендации

Для обеспечения стабильности характеристик и повышения эксплуатационной надёжности материалов необходимо комплексное применение технологических и организационных мероприятий.

Первоочередным условием является применение сырья с паспортизированными свойствами, обеспечивающими минимальные значения диэлектрической проницаемости и тангенса угла потерь. Данный подход снижает систематические погрешности измерений и повышает стабильность параметров в условиях эксплуатации.

При использовании промышленных отходов и вторичного сырья требуется учёт их физико-механического состояния, структурной гетерогенности, а также режимов хранения. Необходимо исключать условия, провоцирующие резкие изменения диэлектрических характеристик, в частности, значительные градиенты влажности и температуры, а также механические нагрузки.

Реализация указанных требований минимизирует риск структурных дефектов и метрологических ошибок, обеспечивая повышенную точность и достоверность экспериментальных данных.

Заключение

В настоящей работе выполнена оценка существующих методов неразрушающего контроля диэлектрических материалов применительно к новым строительным материалам на основе промышленных отходов.

Проведён анализ электрофизических параметров — относительной диэлектрической проницаемости ϵ_r и тангенса угла диэлектрических потерь $\tan\delta$ — строительных материалов из побочных продуктов и отходов промышленности.

Разработана схема экспериментальной установки, позволяющая регистрировать значения сопротивления и ёмкости строительных материалов в процессе карбонизации и выявлять закономерности их изменения в ходе данного процесса.

Установлено, что исследуемые строительные материалы демонстрируют повышенную стойкость к внешним воздействиям, что определяет их долговечность и эксплуатационную надёжность.

На основании полученных данных сформулированы практические рекомендации по применению метода неразрушающего контроля для диагностики строительных материалов из вторичного сырья.

Предложенная методика апробирована совместно с сотрудниками Академии строительства и архитектуры КФУ имени В. И. Вернадского и получила положительную оценку, что подтверждает её актуальность и практическую эффективность. Полученные результаты позволяют расширить возможности своевременного выявления дефектов и повышения надёжности строительных конструкций.

Работа продемонстрировала эффективность использования методов измерения сопро-

тивления и ёмкости для оценки электрофизических параметров строительных материалов.

Библиографический список

1. Физика диэлектриков, учебное пособие для ВУЗов, Поплавко Ю.М., 1980.
2. Брандт А.А. Исследование диэлектриков на сверхвысоких частотах / А.А. Брандт. - М.: Физматиздат, 1963. - 404 с.
3. Agilent Technologies, "Basics of Measuring the Dielectric Properties of Materials", 5989-2589EN, Application Notes, April 2013.
4. Rhode & Schwarz, "Measurement of Dielectric Material Properties", RAC0607 0019_1_5E, Application Notes, April 2012.
5. Agilent Technologies, "Basics of Measuring the Dielectric Properties of Materials", 5989-2589EN, Application Notes, April 2013.
6. James Baker-Jarvis, M. D. Janezic, J. H. Grosvenor, Jr. and Richard G. Geyer, "Transmission/Reflection and short-circuit line methods for measuring permittivity and permeability", Natl. Inst. Stand. Technol., Tech. Note 1355-R, 236 pages, Dec. 1993.
7. J. K. Vaid, A. Prakash and A. Mansingh, "Measurement of dielectric parameters at microwave frequencies by cavity perturbation technique", IEEE Trans. Microwave Theory Tech., vol. 27, 791-795, Sep. 1979.
8. S. N. Dudorov, D. V. Lioubtchenko and A. V. Räisänen, "Open resonator technique for measuring dielectric properties of thin films on a substrate", presented from Radiolaboratory/SMARAD, Helsinki University of Technology, Finland.
9. W. W. Ho, "High temperature millimeter wave dielectric characterization of radome materials", Proc. SPIE Int. Soc. Opt. Eng., vol. 362, pp. 190-195, 1982.
10. Шестопалов В.П., Кириленко А.А., Рудь Л.А. Резонансное рассеяние волн. Том 2. Волноводные неоднородности/ Наукова Думка, 1986. - 216 с.
11. Лебедев И.В. Техника и приборы СВЧ / И.В. Лебедев. - М.: Высш. школа, 1970. - 440 с.
12. Орлов С.И. Расчёт и конструирование коаксиальных резонаторов / С.И. Орлов. - М.: Радио, 1970. - 256 с.
13. Гордиенко Ю.Е. Оценка направлений оптимизации СВЧ резонаторных датчиков контроля влагосодержания порошковых материалов электронной технологии / Ю.Е. Гордиенко, Ф.М. Хаммуд // Радиотехника и информатика. - 2004. - № 2. - С. 34 - 38.
14. Егоров В.Н. Резонансные методы исследования диэлектриков на СВЧ / В.Н. Егоров // Приборы и техника эксперимента. - 2007. № 2. - С. 5 - 38. EDN: HZUKSJ
15. Ханин Я.И. Лекции по квантовой радиофизике. - Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2005 - 224 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ СЛУШАТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Жуматий Екатерина Витальевна¹
Виштак Наталья Михайловна²

Введение

Современный этап цифровой трансформации затрагивает все сферы, включая образование, что стимулирует развитие интеллектуальных систем обучения. В условиях роста спроса на дополнительные профессиональные программы и дистанционные форматы обучения возникает необходимость в эффективных инструментах контроля знаний, способных обеспечить оперативность, объективность и прозрачность оценки учебных достижений [1,2,3,12 и др.].

Анализ предметной области показывает, что, несмотря на широкое распространение систем управления обучением (LMS), таких как Moodle или «1С:Образование», многие специализированные образовательные центры сталкиваются с проблемой фрагментарности используемых решений. В Центре дополнительного образования (ЦДО) процессы контроля знаний в значительной степени реализуются с использованием ручных или разрозненных цифровых средств. Отсутствие единой информационной системы приводит к высокой нагрузке на преподавателей, задержкам в проверке работ, сложностям в формировании целостной аналитической картины успеваемости и затрудняет документооборот [1,4,12 и др.].

Исследования в области адаптивного тестирования и интеллектуального анализа образовательных данных, прово-

УДК 004.4

¹**Автор:** Жуматий Е.В., студент, Балаковский инженерно-технологический институт — филиал «Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», г. Балаково, Россия.
E-mail: zhumatiy.katya@bk.ru

²**Научный руководитель:** Виштак Н.М., канд. пед. наук, доцент, Балаковский инженерно-технологический институт — филиал «Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», г. Балаково, Россия.

В работе представлено проектирование программного модуля информационной системы контроля знаний для автоматизации процессов обучения, тестирования и учёта учебных достижений в Центре дополнительного образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью цифровизации процедур оценивания в условиях роста спроса на дополнительные профессиональные программы и отсутствия единой автоматизированной среды в организации. Целью работы является создание методологически обоснованного проекта модуля, охватывающего полный цикл образовательного процесса — от заключения договора до выдачи сертификата. В ходе исследования проведён функциональный анализ деятельности организации с использованием методологий IDEF0 и DFD, разработаны логическая и физическая модели данных, выполнено моделирование процессов на основе IDEF3, а также предложена многоуровневая архитектура системы с применением современных технологий. Новизна работы заключается в комплексном подходе, интегрирующем административный документооборот с процедурами контроля знаний, что отличает предложенное решение от универсальных LMS.

димые в НИУ ВШЭ, демонстрируют эффективность персонализированных подходов к оценке знаний. Однако их реализация требует сложных математических моделей и обширных банков калиброванных заданий, что часто является барьером для небольших образовательных центров [9]. Опыт корпоративных систем (SAP SuccessFactors, Cornerstone OnDemand) показывает важность модульности и интеграции процессов контроля с управленческими и HR-задачами.

Таким образом, целью данной работы является проектирование специализированного программного модуля информационной системы контроля знаний, который закроет специфические потребности ЦДО в автоматизации контроля знаний в неразрывной связи с процессами документального сопровождения обучения.

Анализ и классификация информационных систем контроля знаний

Информационная система контроля знаний (ИСКЗ) представляет собой программно-аппаратный комплекс, предназначенный для автоматизации процессов создания, проведения, проверки, анализа и хранения результатов оценки учебных достижений. Для определения места проектируемой системы в ландшафте существующих решений была проведена их классификация по ряду ключевых признаков [3, 6, 12 и др.].

По архитектуре и способу развертывания выделяют локальные (standalone), клиент-серверные, веб-ориентированные (облачные) и гибридные системы. Наиболее перспективными для современных образовательных задач являются веб-ориентированные системы, обеспечивающие доступность с любого устройства и централизованное обновление. По уровню интеллектуальности системы делятся на статические (линейные), адаптивные и интеллектуальные обучающие системы. По охвату образовательного цикла различают узкоспециализированные системы, интегрированные модули в составе LMS и системы полного цикла управления обучением.

Проектируемая система для ЦДО по данной классификации относится к веб-ориентированным системам с элементами гибридного доступа. На первом этапе предполагается реализация статической модели тестирования с возможностью дальнейшего развития адаптивных алгоритмов. Ключевой особенностью является ориентация на полный административно-учебный цикл, что отличает её от универсальных LMS, и нацеленность на суммативный (итоговый) контроль с поддержкой самоподготовки слушателей.

Архитектура и проектирование серверной части

В основе проектируемой системы лежит многоуровневая (трехзвенная) клиент-серверная архитектура, которая обеспечивает четкое разделение ответственности, масштабируемость и безопасность [5, 7, 9, 10, 11 и др.].

Результатом стало готовое к реализации проектное решение, направленное на повышение эффективности образовательного процесса, обеспечение объективности оценки и снижение административной нагрузки на персонал.

Ключевые слова: информационная система, контроль знаний, автоматизация обучения, моделирование процессов, база данных, веб-ориентированная архитектура

Клиентский уровень (Frontend) представляет собой одностраничное веб-приложение (SPA), построенное с использованием JavaScript-фреймворка React. Это обеспечивает высокую отзывчивость интерфейса. Серверный уровень (Backend) реализуется на Python с применением высокопроизводительного асинхронного фреймворка FastAPI. Выбор обусловлен его скоростью, простотой создания автоматической документации API и встроенной поддержкой валидации данных [4]. Уровень данных базируется на СУБД PostgreSQL, поддерживающей транзакции, внешние ключи и сложные типы данных, что оптимально для хранения структурированной информации о пользователях, курсах, тестах и результатах [3]. Взаимодействие между уровнями осуществляется через RESTful API.

Процесс прохождения теста выглядит следующим образом: фронтенд отправляет асинхронный запрос на сервер, где middleware проверяет JWT-токен. Контроллер принимает запрос, валидирует данные, а сервис «Тестирование» извлекает из БД вопросы, создает запись о попытке и возвращает данные клиенту. Ответы пользователя сохраняются через PATCH-запросы. По завершении теста сервис «Оценки» вычисляет итоговый балл и, при успешном результате, инициирует создание записи в таблице «Сертификат».

Пользовательский интерфейс и практическая реализация

Проектирование пользовательского интерфейса ведется с учетом принципов User-Centered Design (UCD). Интерфейс является адаптивным (responsive) и поддерживает два основных ролевых сценария: слушатель и администратор.

Интерфейс слушателя включает личный кабинет с визуализацией прогресса, раздел «Мои курсы» с четкой навигацией по модулям и материалам, а также специализированный интерфейс тестирования, сфокусированный на вопросе и обеспечивающий минимальное количество отвлекающих элементов.

Интерфейс администратора обладает расширенной функциональностью: конструктор курсов, редактор тестов с банком заданий, панель мониторинга активности слушателей в реальном времени, инструменты проверки открытых ответов, модули управления документацией и генерации отчетов. Ключевой функцией является привязка учетных записей слушателей к договорам на обучение и автоматическая генерация сертификатов на основе успешных результатов.

Разработанная физическая модель данных (рисунок 1) отражает взаимосвязи основных сущностей системы: «Обучающийся», «Договор», «Тест», «Результаты», «Сертификат», что обеспечивает целостность данных и поддержку полного цикла обучения.

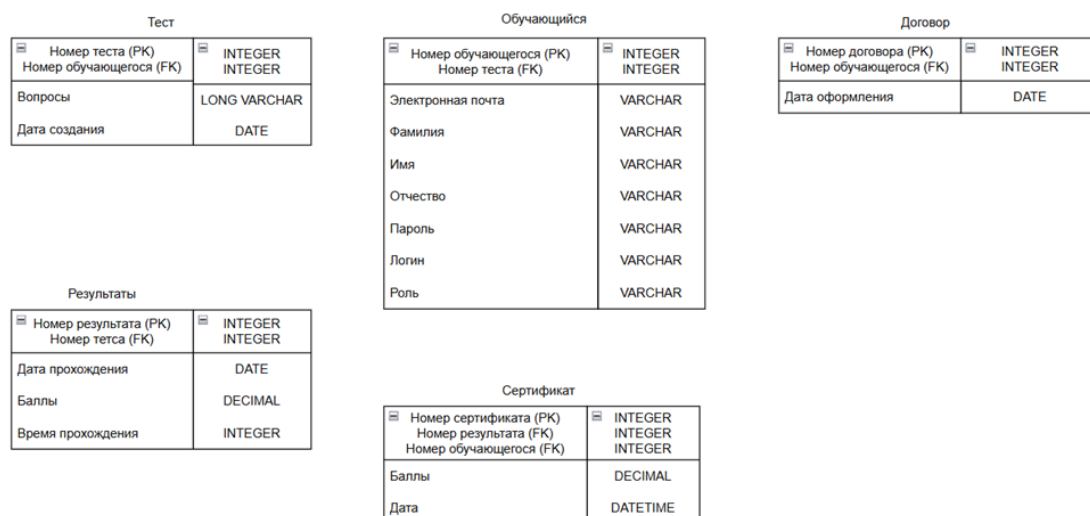

Рисунок 1. Физическая модель взаимосвязей данных в информационной системе

Закключение

Результатом проведённой работы стал проект программного модуля информационной системы

контроля знаний, способный автоматизировать процессы тестирования, оценивания и документооборота в Центре дополнительного образования. Уникальная особенность разработанного решения заключается в его целостности и специализации: система охватывает полный цикл обучения — от заключения договора до выдачи сертификата, что отличает её от универсальных LMS.

Благодаря использованию современных технологий и многоуровневой архитектуре, система обеспечивает высокую производительность, безопасность и масштабируемость. Поддержка ролевых интерфейсов, адаптивного дизайна и интеграции с внешними сервисами делает разработанный модуль гибким инструментом, отвечающим специфическим потребностям центра ДПО.

Практическая значимость проекта заключается в кардинальном снижении временных и трудовых затрат персонала, повышении объективности процедур оценки и создании условий для справедливой и прозрачной аттестации. Внедрение системы позволит значительно повысить эффективность учебного процесса и служит готовой основой для цифровой трансформации образовательной деятельности, которая может быть адаптирована для использования в других учебных заведениях.

Библиографический список

1. Михеев И.В., Кондратов Д.В., Виштак О.В. Анализ функциональных возможностей тестирующего программного комплекса для обучения программированию: сб. науч. тр. // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 3-1. С. 65-69.
2. Vishtak O., Zemskov V., Mikhcev I., Vishtak N., Gritsyuk S. Key aspects of the implementation of an automated system module for assessing the quality of academic software products. //В сборнике: Procedia Computer Science. Postproceedings of the 10th Annual International Conference on Biologically Inspired Cognitive Architectures, BICA 2019. - 2020. - С. 423-429.
3. PostgreSQL 15 Documentation [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.postgresql.org/docs/15/index.html> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Ramírez S. FastAPI Documentation [Электронный ресурс]. – URL: <https://fastapi.tiangolo.com> (дата обращения: 01.04.2026).
5. Аналитический отчет Gartner «Market Guide for Corporate Learning Systems» [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.gartner.com/en/documents> (дата обращения: 03.04.2026).
6. Баранов А.А., Симонова И.В. Методологии моделирования бизнес-процессов: IDEF0, DFD, IDEF3 // Информационные технологии в проектировании и производстве. – 2019. – № 3. – С. 45–52.
7. Гагарина Л.Г., Кириллов В.В. Проектирование баз данных: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 320 с.
8. Документация Django Framework [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.djangoproject.com> (дата обращения: 05.04.2026).
9. Официальная документация React [Электронный ресурс]. – URL: <https://react.dev> (дата обращения: 05.04.2026).
10. Качков М.С., Очкур Г.В. Проектирование программного обеспечения с использованием методологии AGILE. //В сборнике трудов IV Международной научно-практической конференции Современные технологии и автоматизация в технике, управлении и образовании. – Балаково. - 2022. - С. 240-247.
11. Виштак О.В., Коновалов Э.Н. Моделирование информационной системы с использованием UML. //В сборнике трудов V Юбилейной Международной научно-практической конференции: Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты. – Брянск., - 2023.- С. 239-244.
12. Виштак О.В., Очкур Г.В., Виштак Н.М. Компьютерная поддержка обучения и контроля знаний персонала энергетического предприятия. //Энергобезопасность и энергосбережение. - 2025. - № 4. - С. 53-58.

АНГЛИЙСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ БПЛА: *АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ, ЗАИМСТВОВАНИЙ И НЕОЛОГИЗМОВ*

Желобецкий Максим Вадимович¹
Кожевникова Ирина Юрьевна²

Введение

Беспилотные летательные аппараты прочно вошли не только в военную, но и в гражданскую сферу: сельское хозяйство, логистику, мониторинг, киноиндустрию, картографию. Однако большинство интерфейсов управления, технической документации, полётных заданий и даже команд голосового управления на земле (при работе с операторами или в международных проектах) составлены на английском языке [2, с. 45]. Будучи студентом СИБИТ и занимаясь профессиональным пилотированием БПЛА, автор столкнулся с тем, что понимание английской терминологии - это не просто академическое требование, а реальная необходимость. Без знания таких слов, как *throttle*, *yaw*, *gimbal* или *loiter*, невозможно ни безопасно управлять дроном, ни корректно интерпретировать ошибки полётного контроллера.

Вместе с тем, активное использование англицизмов в русскоязычной профессиональной среде ставит вопрос: является ли такое заимствование неизбежным или возможен полноценный перевод? Данная проблема остаётся малоисследованной в отечественной лингвистике [1; 4].

Цель статьи — на основе личного практического опыта проанализировать структуру, заимствования и неологизмы английской технической терминологии БПЛА, а также обосновать необходимость её критического осмысления с точки зрения перевода и адаптации в русском языке.

Задачи исследования:

1. Классифицировать английские термины БПЛА по структурному признаку.

УДК 811.111:623.746.4

¹**Автор:** Желобецкий М.В., студент, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.
E-mail: maxkimzhk@gmail.com

²**Научный руководитель:** Кожевникова И.Ю., канд. пед. наук, доцент, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

В статье рассматривается английская техническая терминология, используемая в сфере беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). На основе личного практического опыта автора как пилота БПЛА проводится анализ структуры терминов, выявляются заимствования из общей и военной авиации, а также изучаются современные неологизмы (например, *loiter*, *gimbal*, *throttle*, *yaw*). Показано, что владение англоязычной терминологией является обязательным условием безопасного и эффективного пилотирования. Статья предназначена для студентов технических специальностей, начинающих пилотов БПЛА и всех, кто интересуется профессиональной коммуникацией в сфере беспилотной авиации.

Ключевые слова: БПЛА, английский язык для специальных целей, терминология, неологизмы, заимствования, пилотирование дронов, профессиональная коммуникация

2. Выявить основные источники заимствований.
3. Проанализировать неологизмы и сленговые единицы.
4. Обсудить возможность и способы перевода данных терминов на русский язык.

Теория: особенности англоязычной терминологии бпла

Английская терминология БПЛА представляет собой интересный лингвистический пласт, который сформировался на стыке нескольких областей: общей и военной авиации (altitude, attitude, waypoint), компьютерных технологий (firmware, flashing, waypoint navigation), робототехники и сенсорики (gimbal, payload, IMU — Inertial Measurement Unit). Как отмечает И. Г. Хухуни [1, с. 58], данная терминосистема находится в стадии активного становления, что объясняет высокую степень вариативности и наличие неологизмов.

По своей структуре термины можно разделить на несколько типов:

1. Простые (однословные): throttle (газ/тяга), yaw (рыскание), loiter (зависание в воздухе/патрулирование).
2. Составные (атрибутивные группы): remote controller, ground control station, fail-safe mode, return-to-home altitude.
3. Аббревиатуры и акронимы: UAV, UAS, VTOL, RTK, EO/IR [3].

Важная особенность: многие термины многозначны в зависимости от контекста. Например, loiter может означать «зависание в режиме удержания позиции» или «полёт по кругу над точкой»; arm — это и «рука» (механическая), и глагол «включить моторы (подготовить к взлёту)».

Практика: анализ терминов из личного опыта пилотирования

В этом разделе приводятся реальные примеры терминов, с которыми автор ежедневно сталкивается при работе с полётными контроллерами (Pixhawk, Ardupilot, PX4), наземными станциями (Mission Planner, QGroundControl) и полётной документацией.

2.1. Loiter — пример неологизма. Изначально это слово означало «бездельничать, слоаться без дела». В современной терминологии БПЛА оно трансформировалось в значение режима удержания дрона в заданной точке или полёта по кругу над позицией [4, с. 112]. В интерфейсе Mission Planner автор использует режим Loiter, когда нужно удерживать дрон на месте без управления джойстиком. Это пример сужения значения и закрепления его как точного технического понятия.

2.2. Yaw — пример заимствования из аэродинамики. Из авиации пришёл термин yaw — рыскание (поворот вокруг вертикальной оси). Без понимания этой оси невозможно ни взлететь в режиме Stabilize, ни выполнить поворот камеры на gimbal. В практике автора: если полётный контроллер выдаёт ошибку «Yaw drift», это означает сбой в показаниях компаса — критическая ситуация.

2.3. Throttle — не интуитивный для новичка термин. В бытовом английском он означает «дроссель». В дроностроении же — управление вертикальной скоростью. Ошибка понимания ведёт к резкому взлёту или просадке высоты. Автор приводит случай на тренировке, когда новичок перепутал throttle и pitch, что едва не привело к аварии.

2.4. Gimbal — термин, уже активно заимствуемый в русский язык как «гимбал». В технической документации он описывает сложную систему с тремя осями стабилизации. Исторически слово gimbal происходит от карданного подвеса, но сегодня это самостоятельный термин в БПЛА-лексике [2, с. 47].

Помимо официальных терминов, в профессиональной среде используются сленговые неологизмы:

- RTH (Return to Home) — «возврат домой»;
- Failsafe — «аварийный режим при потере связи»;
- Disarmed / Armed — моторы выключены / готовы к запуску;
- Flyaway — неконтролируемый улёт дрона (последствие сбоя).

Проблема заимствования и перевода терминов бпла

Как показал анализ, большинство англоязычных терминов БПЛА используются русскоязычными пилотами без перевода. Возникает закономерный вопрос: возможно ли и нужно ли переводить данные термины?

С одной стороны, некоторые термины имеют адекватные русские соответствия:

- throttle → «газ», «тяга»;
- yaw → «рыскание»;
- failsafe → «аварийный режим».

Однако, как справедливо отмечает В. А. Новосёлова [4, с. 114], использование русских аналогов затруднено по нескольким причинам:

- отсутствие кратких эквивалентов (loiter не имеет однословного перевода);
- интернациональный характер профессиональной коммуникации (совместные полёты, международные стандарты);
- унификация интерфейсов (перевод интерфейса Mission Planner нарушил бы совместимость с англоязычной документацией).

Таким образом, полный отказ от заимствований на современном этапе развития отрасли представляется невозможным. Вместе с тем, возможны стратегии адаптации: калькирование (return-to-home → «возврат-домой»), транслитерация («гимбал») или гибридные формы («ло-итер-режим»). Выбор стратегии требует дальнейшего лингвистического исследования [1; 3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы, соответствующие поставленным цели и задачам:

1. Английская терминология БПЛА разнородна по структуре (простые термины, составные, аббревиатуры) и активно развивается за счёт неологизмов и заимствований из авиации и IT [2; 4].
2. На основе личного практического опыта выявлено, что непонимание терминов ведёт к реальным рискам: ошибкам пилотирования, неправильной настройке полётного контроллера, потере дрона.
3. Полный отказ от англоязычных заимствований в профессиональной среде БПЛА на современном этапе невозможен в силу отсутствия кратких русских эквивалентов, интернационального характера отрасли и унификации интерфейсов.
4. Перспективным направлением является выработка стратегий адаптации англоязычных терминов к русскому языку: калькирование, транслитерация или создание гибридных форм.
5. Для студентов технических вузов (особенно таких, как СИБИТ) целесообразно внедрять курс английского языка для специальных целей (ESP) с практико-ориентированными заданиями - разбором интерфейсов, терминов, чек-листов и аварийных сообщений, а также элементов переводческого анализа.

Практический опыт автора подтверждает: чем лучше пилот понимает английскую техническую лексику, тем увереннее он управляет беспилотником в небе и тем безопаснее становятся полёты. Однако осмысленное владение терминологией предполагает не просто запоминание слов, но понимание границ их переводимости и адаптации.

Библиографический список

1. Хухуни, И. Г. Новая терминосистема: пути формирования (на материале терминологии беспилотных летательных аппаратов) / И. Г. Хухуни // Вопросы современной лингвистики. - 2021. № 4. С. 55 - 62.
2. Шершукова, Н. В. Словообразовательные модели новых английских терминов в сфере беспилотных систем / Н. В. Шершукова, А. А. Михайлова, Д. С. Бондарев // Современная наука. - 2024. № 2. С. 44 - 49.

3. Соловьёв С. В. Терминология беспилотных летательных аппаратов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3.
4. Новосёлова, В. А. Военная терминология в медиатекстах: тематическая группа «Беспилотные летательные аппараты» / В. А. Новосёлова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. - 2025. № 1. С. 110 - 117.

РАЗРАБОТКА УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОГО ВЕБ-ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ОПЕРАТОРОВ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ С ИНТЕГРАЦИЕЙ СИМУЛЯТОРА ПОЛЁТОВ

Коноваленко Матвей Валерьевич¹
Ковалёв Василий Александрович²

Введение

Беспилотные летательные аппараты находят применение в мониторинге инфраструктуры, аэрофотосъёмке, сельском хозяйстве, поисково-спасательных операциях и образовании [1]. Расширение областей применения повышает потребность в качественной подготовке операторов, способных управлять аппаратом, понимать принципы его работы и соблюдать требования безопасности полётов [2].

Анализ существующих средств обучения показывает их принципиальную разрозненность. Специализированные симуляторы обеспечивают реалистичную физику полёта и поддержку пульта управления, однако не содержат теоретического материала и не формируют управляемый учебный маршрут [3]. Онлайн-курсы предоставляют теорию и тестирование, но лишены возможности практической отработки навыков управления [4]. Корпоративные тренажёрные комплексы объединяют теорию и практику, однако недоступны для массового применения в вузах ввиду высокой стоимости [5]. Таким образом, на рынке отсутствует доступное решение, последовательно ведущее обучаемого от теории через контро-

УДК 378.147.88:004.4

¹**Автор:** Коноваленко М.В., студент, Омский государственный технический университет, г. Омск, Россия.
E-mail: mayn.rid.2001@mail.ru

²**Научный руководитель:** Ковалёв В.А., д-р. экон. наук, Омский государственный технический университет, г. Омск, Россия.

В статье рассматривается разработка учебно-тренировочного веб-приложения для подготовки операторов беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Актуальность работы обусловлена разрозненностью существующих средств обучения: теоретические курсы, системы тестирования и симуляторы полёта применяются изолированно, что снижает качество подготовки. Целью исследования является создание программного решения, объединяющего теоретический курс из шести тематических блоков, поблочное тестирование с управляемым учебным маршрутом и практический модуль на основе симулятора полёта с поддержкой физического пульта управления. Предложена двухкомпонентная архитектура: браузерная платформа на стеке FastAPI, React и PostgreSQL и десктопный клиент на Python с библиотекой pygame, принимающий сигнал пульта по протоколу HID. Новизна работы состоит в объединении теории, контроля знаний и тренажёрной практики в едином управляемом учебном контуре с блокировкой доступа к следующему этапу до подтверждения освоения предыдущего, а также в реализации офлайн-режима для учебной лаборатории вуза. Приведены результаты апробации в учебной лаборатории, подтвердившие работоспособность и применимость решения в образовательном процессе.

ль знаний к практике в едином программном продукте.

Целью исследования является разработка учебно-тренировочного веб-приложения для подготовки операторов БПЛА, объединяющего теоретический курс, поблочное тестирование и симулятор полёта с поддержкой физического пульта управления. Для достижения цели решаются задачи: определение структуры учебного курса; проектирование архитектуры приложения; реализация интеграции симулятора по протоколу NID; апробация решения в условиях учебной лаборатории.

1. Анализ существующих решений

Для обоснования выбора подхода к разработке выполнен сравнительный анализ существующих программных решений в области подготовки операторов БПЛА. В качестве критериев сравнения выбраны: наличие теоретического курса, встроенная система тестирования, поддержка физического пульта управления по протоколу NID, реализация управляемого учебного маршрута (последовательной блокировки этапов) и возможность офлайн-работы в условиях локальной сети учебного заведения. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительный анализ средств обучения операторов БПЛА

Критерий	DJI Flight Simulator	Realflight 9.5	Онлайн-курсы (Stepik, Coursera)	Корпоративные тренажёры	Разработанное решение
Теоретический курс	Нет	Нет	Да	Да	Да
Встроенное тестирование	Нет	Нет	Да	Частично	Да
Поддержка NID-пульта	Да	Да	Нет	Да	Да
Управляемый учебный маршрут	Нет	Нет	Частично	Да	Да
Офлайн-режим (ЛВС вуза)	Нет	Нет	Нет	Нет	Да
Доступность для вузов	Ограничена	Коммерческая	Высокая	Низкая	Высокая

Как следует из таблицы 1, ни одно из рассмотренных решений не обеспечивает одновременно полного учебного цикла (теория → тест → практика), поддержки физического пульта по NID и возможности развёртывания в изолированной сети вуза. Разработанное приложение закрывает все выявленные пробелы, что подтверждает актуальность проекта.

2. Структура учебного курса

Курс построен по принципу «изучил — сразу проверил» и состоит из шести тематических блоков.

1. Типы и классификация БПЛА.
2. Источники питания и бортовая электроника.
3. Настройка пульта управления.
4. Настройка и предполётная подготовка дрона.
5. Правила полётов и безопасность.
6. Предполётная подготовка оператора.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, оператор БПЛА, веб-приложение, симулятор полёта, тестирование, пульт управления

Каждый блок завершается тематическим тестом. Доступ к следующему блоку открывается только после успешного прохождения теста с результатом не ниже 80 %. Данный порог определён с учётом рекомендаций в области симуляционного обучения: систематическое освоение каждого этапа перед переходом к следующему обеспечивает формирование устойчивых навыков [6].

После прохождения всех шести блоков обучаемый сдаёт итоговый тест, охватывающий весь курс. Успешное прохождение итогового контроля открывает доступ к практическому модулю — симулятору полёта. Практические задания разбиты на три уровня сложности: базовое управление (висение, горизонтальные перемещения); навигационные задачи (маршрутный полёт, разворот, снижение); сценарные миссии с имитацией внешних условий (ветровое возмущение, ограниченная видимость).

3. Архитектура приложения

Система реализована в виде двух взаимодействующих компонентов: браузерной веб-платформы и десктопного клиента симулятора.

3.1. Веб-платформа

Веб-платформа реализована на стеке React (frontend), FastAPI (backend) и PostgreSQL (база данных). Компонент обеспечивает авторизацию пользователей, доступ к теоретическому контенту шести блоков, проведение тестирования с автоматической проверкой ответов, управление учебным маршрутом (блокировку доступа к непройденным этапам) и аналитику прогресса обучаемых. Развёртывание выполняется средствами Docker, что обеспечивает воспроизводимую установку в локальной сети учебного заведения без подключения к сети Интернет.

3.2. Десктопный клиент симулятора

Десктопный клиент реализован на языке Python с использованием библиотеки pygame. Клиент запускает симулятор полёта, принимает сигналы физического пульта управления, подключённого по USB и определяемого операционной системой как HID-устройство (Human Interface Device), и транслирует их в управляющие команды симулятора. По завершении полётной сессии клиент передаёт результаты на веб-платформу через REST API.

Клиент функционирует в офлайн-режиме во время полётной сессии и синхронизирует данные при наличии соединения. Данный режим критически важен для учебной лаборатории вуза с ограниченным доступом к сети, где компьютеры обучаемых могут не иметь постоянного подключения к серверу [6].

3.3. Взаимодействие компонентов

Обмен данными между веб-платформой и десктопным клиентом осуществляется по REST API. Веб-платформа хранит информацию о прогрессе обучаемого и управляет доступом к модулям; десктопный клиент запрашивает права на запуск симулятора и отправляет результаты выполненных заданий. Все компоненты развёртываются в Docker-контейнерах под управлением Windows 10/11 — основной платформой компьютерных классов ОмГТУ.

4. Реализация интеграции пульта управления

Физический пульт управления (RC-контроллер) подключается к компьютеру обучаемого по интерфейсу USB. Операционная система Windows идентифицирует устройство как HID-джойстик. Библиотека pygame предоставляет кросс-платформенный API для чтения осей и кнопок HID-устройств без установки дополнительных драйверов.

Цикл обработки входных данных в десктопном клиенте реализован следующим образом. При инициализации клиент перебирает доступные джойстики через pygame.joystick и выбирает первое обнаруженное устройство. В игровом цикле с частотой 60 Гц считываются значения осей: ось 0 — крен (roll), ось 1 — тангаж (pitch), ось 2 — рыскание (yaw), ось 3 — тяга (throttle). Нормализованные значения (диапазон $-1...+1$) передаются в физическую модель симулятора, реализующую упрощённую модель квадрокоптера с учётом инерции и гравитации.

Данный подход обеспечивает совместимость с широким классом RC-контроллеров, по-

держивающих протокол HID, без привязки к конкретному производителю. В ходе разработки тестировались контроллеры Taranis Q X7 и RadioMaster TX16S в режиме USB-джойстика; оба устройства определялись корректно.

5. Результаты апробации

Апробация проводилась в учебной лаборатории БПЛА ОмГТУ на группе из 12 обучаемых очной формы обучения. Участники последовательно прошли все шесть теоретических блоков, выполнили тематические и итоговый тесты, а затем выполнили практические задания первого и второго уровней сложности в симуляторе с подключённым пультом управления.

Основные результаты апробации:

- 1) среднее время прохождения полного курса (теория + тесты + практика уровней 1–2) составило 4,5 часа;
- 2) доля обучаемых, прошедших итоговый контроль с первой попытки, — 83 %;
- 3) все 12 участников успешно выполнили задания первого уровня сложности («базовое управление»);
- 4) 9 из 12 участников (75 %) завершили задания второго уровня («навигационные задачи»);
- 5) задания третьего уровня («сценарные миссии») не входили в программу апробации и запланированы для следующей итерации.

Зафиксированные затруднения преимущественно относились к блоку «Настройка пульта управления»: 4 из 12 обучаемых потребовали второй попытки для прохождения соответствующего теста. Анализ ответов показал, что причиной служит недостаточное количество иллюстративного материала в данном разделе. Это указывает на необходимость расширения визуальной составляющей теоретического блока в следующей версии приложения.

Функциональность HID-интеграции подтверждена на обоих типах тестируемых контроллеров. Задержка передачи управляющих сигналов от пульта к симулятору не превышала 16 мс, что соответствует приемлемому порогу для тренажёрных применений.

Заключение

В работе разработано учебно-тренировочное веб-приложение для подготовки операторов БПЛА, объединяющее теоретический курс из шести блоков, поблочное тестирование и практический модуль на основе симулятора полёта с поддержкой физического пульта управления по протоколу HID.

Ключевым отличием от рассмотренных аналогов является реализация полного управляемого учебного контура в едином продукте с последовательной блокировкой доступа к следующему этапу, а также возможность автономного развёртывания в локальной сети учебного заведения. Апробация на группе из 12 обучаемых подтвердила работоспособность системы и её применимость в образовательном процессе.

Направлениями дальнейшей работы являются: расширение банка заданий симулятора и добавление нештатных сценариев третьего уровня; улучшение иллюстративного материала в блоке настройки пульта управления; адаптация системы под различные типы БПЛА (мультироторные, самолётного типа, гибридные); добавление модуля аналитики для преподавателя с отслеживанием ошибок управления.

Библиографический список

1. Бочаров С. А. Симуляционные тренажёры в системе профессиональной подготовки операторов беспилотных авиационных систем // Вестник авиации и космонавтики. 2021. № 3. С. 12–19.
2. Воронов А. М. Разработка учебно-тренировочных комплексов для подготовки операторов беспилотных воздушных судов // Научный вестник МГТУ ГА. 2019. Т. 22, № 5. С. 147–158.
3. Захаров В. П., Сомов А. Н. Методика подготовки операторов БПЛА с применением

программных симуляторов // Известия МГТУ «МAMI». 2020. № 2. С. 58–65.

4. Скрипниченко Д. Г. Цифровые образовательные платформы в техническом образовании: структура, функции, эффективность // Открытое образование. 2022. Т. 26, № 1. С. 34–44.

5. Шафеева О. П. Программирование C/C++. Проектирование алгоритмов и программ: метод. указания. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 40 с.

6. McGaghie W. C., Issenberg S. B. A critical review of simulation-based medical education research: 2003–2009 // Medical Education. 2010. Vol. 44. P. 50–63.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СУШКИ В СОСТАВЕ ОКРАСОЧНОЙ ЛИНИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Нажекенова Жанель Наурызбайқызы¹
Жамангарин Дусмат Саматович²

Введение

В современных условиях развития промышленности особое внимание уделяется повышению качества и эффективности технологических процессов обработки строительных материалов. Одним из актуальных направлений является совершенствование процессов нанесения и сушки лакокрасочных покрытий на фиброцементных панелях, широко применяемых в строительстве благодаря высокой прочности, долговечности и устойчивости к внешним воздействиям.

Качество готовой продукции в значительной степени определяется условиями протекания технологических процессов, в частности равномерностью нанесения покрытия и стабильностью режимов его сушки. Отклонения температурных параметров, скорости транспортировки или интенсивности воздушного потока могут привести к образованию дефектов, снижению адгезии покрытия и ухудшению эксплуатационных характеристик изделий [7].

Современные валиковые покрасочные линии, в том числе оборудование компании Purete, позволяют реализовать непрерывный технологический процесс с высокой степенью механизации и автоматизации. Использование автоматизированных систем управления обеспечивает контроль и регулирование ключевых параметров в реальном времени, что способствует повышению стабильности и эффективности

УДК 681.51

¹**Автор:** Нажекенова Ж.Н., студентка, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.
E-mail: nazhekenovaa06@mail.ru

²**Научный руководитель:** Жамангарин Д.С., PhD, ассоциированный профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.

В данной работе рассматривается технологический процесс сушки фиброцементных панелей в составе валиковой покрасочной линии компании Purete. Основное внимание уделяется анализу параметров, влияющих на качество формирования лакокрасочного покрытия, включая температурный режим сушильной камеры, скорость движения конвейера, интенсивность воздушного потока и время экспозиции. Нанесение покрытия осуществляется механическим способом с использованием валиковых механизмов, обеспечивающих равномерное распределение материала по поверхности изделия и снижение расхода краски. Процесс сушки реализуется в туннельной камере с организованной системой тепло- и воздухообмена, что позволяет обеспечить равномерное высыхание покрытия по всей поверхности панели. Рассматриваемая линия относится к автоматизированным производственным системам, в которых управление технологическими параметрами осуществляется с использованием исполнительных механизмов и средств контроля [1]. Проведённый анализ позволяет определить влияние основных технологических факторов на качество сушки и обосновать необходимость поддержания стабильных режимов работы оборудования для повышения эффективности и надежности производственного процесса.

Ключевые слова: валиковая покрасочная линия, фиброцементные панели, процесс сушки, автоматизированная система управления

производства.

В связи с этим актуальной задачей является исследование технологического процесса сушки в составе покрасочной линии с целью выявления влияния основных параметров на качество покрытия и повышения эффективности работы оборудования.

Техническая характеристика и функциональная структура оборудования

Объект исследования представляет собой многомодульный комплекс Purete, спроектированный для потоковой обработки фиброцементных изделий.

Рисунок 1. Автоматизированная линия для нанесения и сушки лакокрасочных покрытий Purete

С позиций системного анализа линия классифицируется как детерминированная автоматизированная система с распределенными параметрами. В состав линии входят следующие ключевые сегменты:

Узел прецизионного вальцового нанесения (Roller Coater): Данный модуль реализует метод механического переноса лакокрасочного материала (ЛКМ) на поверхность панели. Конструкция включает в себя дозирующий и наносящий валы с эластичным покрытием. Высокая точность нанесения (до $\pm 2-5 \text{ г/м}^2$) достигается за счет автоматизированной юстировки межвалкового зазора и стабилизации угловой скорости вращения валов, что обеспечивает адгезионную однородность перед входом в зону сушки.

Комбинированная туннельная сушильная камера: Является основным звеном тепловой обработки. Модуль интегрирует две технологии теплопередачи:

- Конвективная система: обеспечивает удаление летучих фракций растворителя путем принудительной циркуляции разогретого воздушного потока. Система оснащена регулируемы дефлекторами для создания ламинарного течения воздуха.

- Инфракрасный (ИК) излучатель: воздействует непосредственно на молекулярную структуру покрытия, инициируя процесс полимеризации «изнутри», что предотвращает образование поверхностной корки и последующее растрескивание фиброцемента.

Интеллектуальная транспортная система: Включает ленточный конвейер, кинематика которого управляется асинхронным электродвигателем с частотно-регулируемым приводом (ЧРП). Интеграция привода в общую шину управления позволяет динамически изменять время экспозиции панелей в камере сушки в зависимости от текущих показателей влажности и температуры, обеспечивая инвариантность процесса к внешним возмущениям.

Система автоматизированного контроля и управления: Построена на базе промышленного контроллера (ПЛК), осуществляющего сбор данных с первичных преобразователей (датчиков температуры, расхода воздуха и оптических датчиков положения). САКУ реализует алгоритмы поддержания заданных технологических уставок и обеспечивает синхронизацию

всех модулей линии в режиме реального времени.

Методы и алгоритмы управления технологическим процессом

Научное обоснование методов управления процессом сушки базируется на интеграции аппаратных средств и программных алгоритмов, представленных на структурной схеме управления. Основным методом организации системы является создание единого информационного канала связи между центральным контроллером и исполнительными узлами по протоколу RS-485. Использование последовательного порта COM2 обеспечивает помехоустойчивую передачу данных, что позволяет реализовать концепцию синхронного управления всеми звеньями линии в режиме реального времени.

Процесс перемещения фиброцементных панелей регулируется методом частотного управления скоростью приводного двигателя через инвертор Shihlin SS2-043 [6]. Данный подход гарантирует высокую стабильность скорости конвейера, что является критическим фактором для соблюдения расчетного времени нахождения изделия в зоне облучения. Программный алгоритм ПЛК динамически сопоставляет заданные оператором параметры на НМИ-панели с текущей частотой инвертора, обеспечивая тем самым инвариантность процесса к изменениям механической нагрузки.

Особое значение в методологии исследования имеет алгоритм адаптивного регулирования мощности ультрафиолетового излучения. Работа модулей 10CPU-V53 координируется на основе сигналов от оптических датчиков присутствия заготовки. Система активирует номинальный режим сушки непосредственно в момент вхождения панели в рабочую зону, что позволяет значительно снизить удельные энергозатраты и предотвратить термическую деградацию материала при кратковременных остановках линии. Таким образом, достигается оптимальный баланс между интенсивностью полимеризации покрытия и энергоэффективностью всего технологического комплекса [6].

Безопасность и отказоустойчивость методов управления обеспечиваются через реализацию логических блокировок в среде программирования контроллера. Метод непрерывного мониторинга состояния аварийных выходов и датчиков температуры позволяет системе мгновенно реагировать на любые отклонения от технологического регламента. В случае возникновения нештатных ситуаций алгоритм инициирует защитный останов всей линии, блокируя силовые цепи через систему магнитных контакторов, что подтверждает высокую надежность выбранной архитектуры автоматизации.

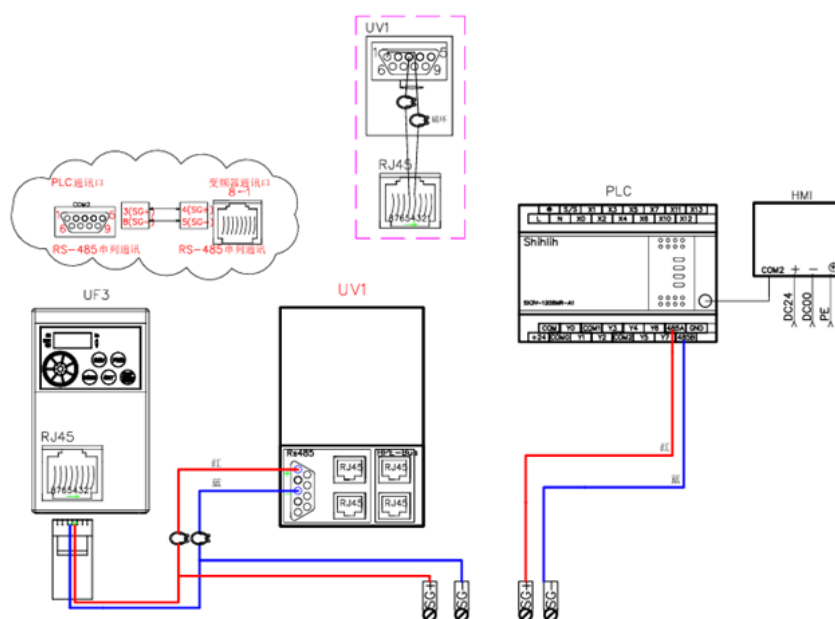

Рисунок 2. Структурная схема автоматизированной системы управления
FUTURUM DIGITALIS (ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ)

Для анализа и оптимизации процесса сушки фиброцементных панелей было проведено математическое моделирование в среде MATLAB. Процесс включал в себя идентификацию объекта, синтез классического ПИД-регулятора и разработку адаптивной системы управления [4].

Идентификация и анализ динамики объекта управления

Объектом исследования является сушильная камера линии Purete, динамические свойства которой аппроксимированы инерционным звеном второго порядка. Передаточная функция объекта имеет вид:

$$G(s) = \frac{17}{8s^2 + 3s + 1}$$

Анализ разомкнутой системы (без регулятора) показал, что объект обладает высокой статической чувствительностью ($K=17$) и значительной инерционностью. Как показано на Рис. 3, при подаче единичного ступенчатого воздействия выходной сигнал стремится к значению 17, что недопустимо для технологического регламента, требующего точности поддержания температуры.

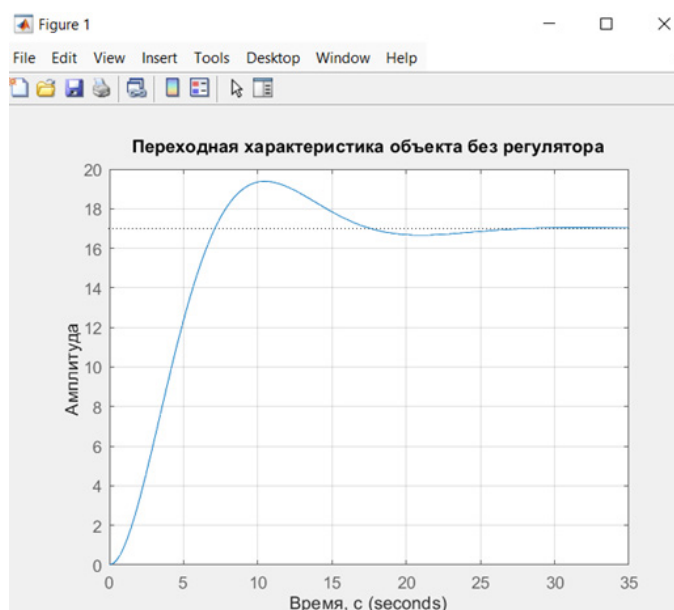

Рисунок 3. Переходная характеристика объекта без регулятора

Синтез и верификация ПИД-регулирования

Для стабилизации системы на уровне заданной уставки ($y=1$) был внедрен ПИД-регулятор. Структура замкнутой системы описывается передаточной функцией:

$$T_{PID}(s) = \frac{C(s)G(s)}{1 + C(s)G(s)}$$

На Рис. 4 представлен переходный процесс системы с ПИД-регулятором. Использование функции `stepinfo` позволило определить точные количественные показатели качества:

- Время установления (t_s): 15.89 с;
- Перерегулирование (σ): 1.91%;
- Статическая ошибка (e_{st}): 0.

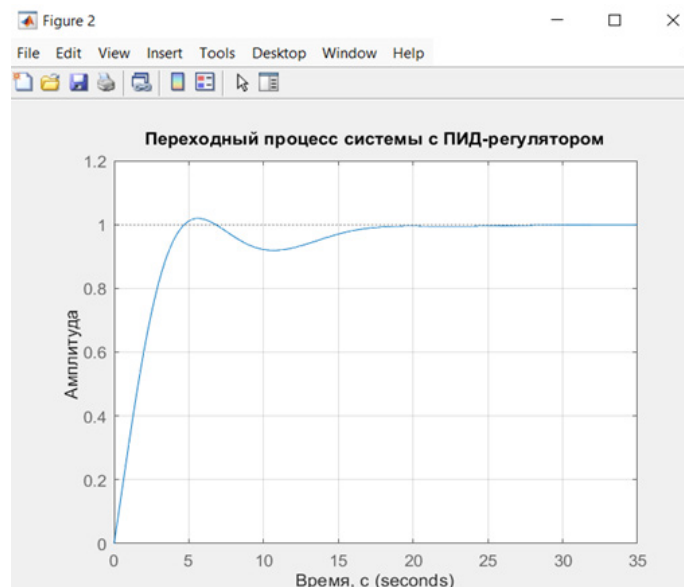

Рисунок 4. Переходный процесс системы с ПИД-регулятором

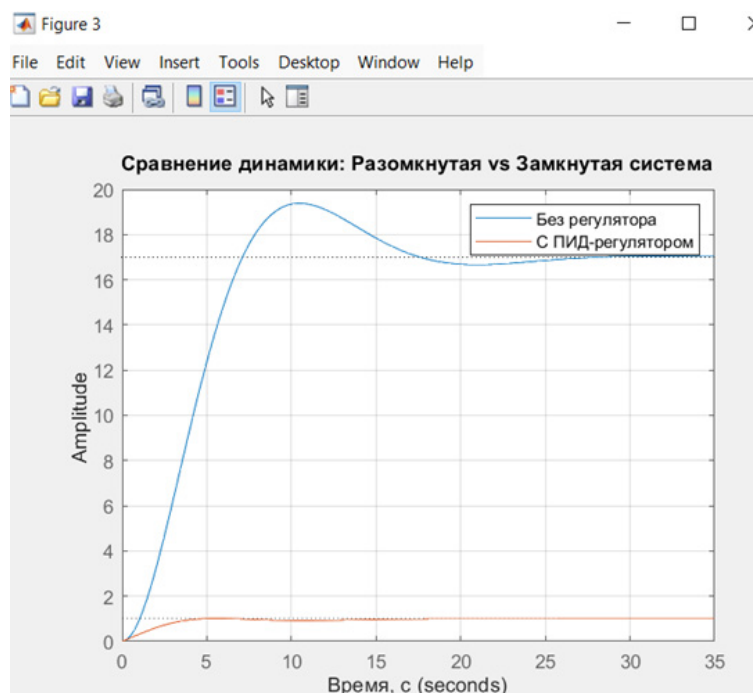

Рисунок 5. Сравнение динамики: Разомкнутая и Замкнутая система

Реализация адаптивного управления (MRAC)

Для компенсации возможных неопределенностей параметров объекта применен алгоритм адаптивного управления с эталонной моделью (Model Reference Adaptive Control). В качестве эталонной динамики выбрана модель

$$M(s) = 1 / (5s + 1).$$

Параметры регулятора корректируются в реальном времени по градиентному закону:

$$\dot{K}_{ad} = \gamma \cdot e(t) \cdot r(t)$$

где $e(t)$ — ошибка рассогласования. На Рис. 6 показано высокоточное следование выхода системы за траекторией эталона.

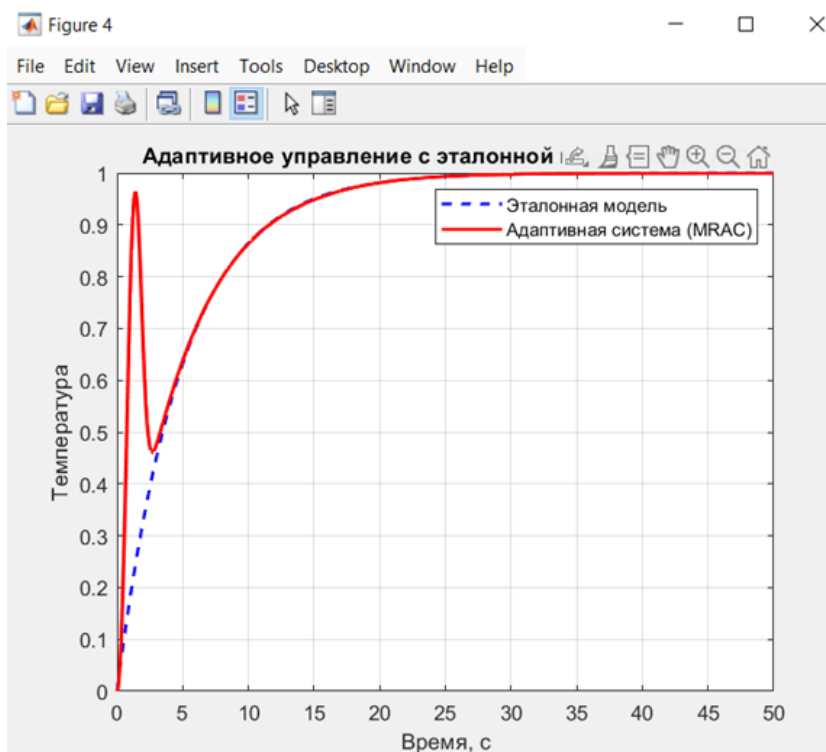

Рисунок 7. Сравнительный анализ: ПИД vs Адаптивный алгоритм

Анализ помехоустойчивости системы

Важным критерием надежности АСУ ТП является способность подавлять внешние возмущения. Для проверки устойчивости в модель введено гармоническое воздействие $d(t)=0.3\sin(0.4t)$. Результаты моделирования подтвердили высокую робастность разработанной системы: амплитуда колебаний выходного параметра остается в пределах технологического допуска, что гарантирует стабильное качество сушки лакокрасочных покрытий [4].

На Рис. 7 представлен выходной сигнал системы автоматического управления при воздействии внешнего гармонического возмущения. Результаты моделирования показали, что система сохраняет устойчивость и эффективно компенсирует влияние внешних возмущений. Несмотря на наличие колебаний, выходной сигнал остается в пределах допустимых значений, что подтверждает высокую помехоустойчивость и надежность разработанной системы управления.

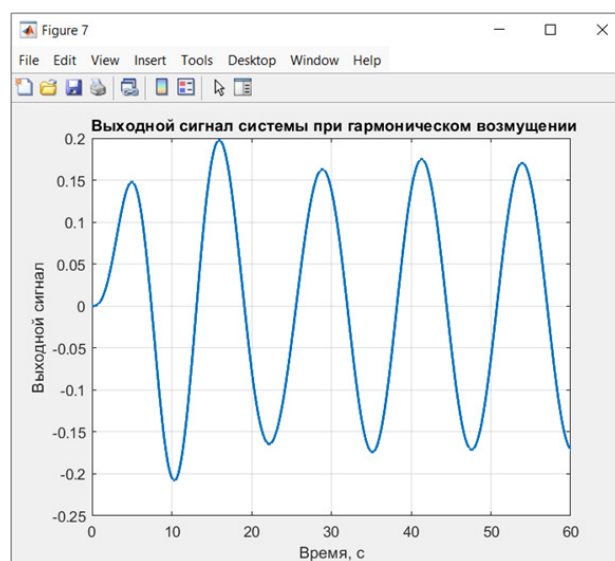

Рисунок 8. Выходной сигнал системы при воздействии гармонического возмущения

Заключение

В рамках проведенного исследования была решена актуальная задача автоматизации температурного режима сушильной камеры промышленной линии Purete. Комплексный подход, сочетающий методы классического и адаптивного управления, позволил достичь следующих научно-практических результатов:

Во-первых, на основе идентификации динамических свойств объекта была разработана математическая модель сушильной печи в виде инерционного звена второго порядка. Предварительный анализ показал, что высокая чувствительность и инерционность объекта требуют применения высокоточных алгоритмов регулирования для исключения технологического брака.

Во-вторых, синтезированный ПИД-регулятор продемонстрировал высокую эффективность в стабилизации системы. Численный анализ переходных процессов в среде MATLAB подтвердил достижение оптимальных показателей качества: время установления составило 15.89 сек, а величина перерегулирования не превысила 1.91%. Эти данные свидетельствуют о способности системы поддерживать заданный температурный режим с минимальными отклонениями.

В-третьих, внедрение адаптивного управления с эталонной моделью (MRAC) позволило значительно улучшить динамику системы. Сравнительный анализ подтвердил, что адаптивный алгоритм обеспечивает более плавный выход на рабочий режим без осцилляций, характерных для классических схем. Это гарантирует бережную эксплуатацию нагревательных элементов и стабильность качества покрытия при изменении внешних условий.

В завершение, проверка системы на помехоустойчивость подтвердила робастность предложенных решений. Разработанная автоматизированная система управления способна эффективно подавлять внешние возмущения, обеспечивая прецизионное соблюдение технологического регламента. Результаты работы могут быть рекомендованы для внедрения на автоматизированных линиях покраски и сушки фиброцементных панелей с целью повышения энергоэффективности и качества выпускаемой продукции.

Библиографический список

1. Александров А. Г. Оптимальные и адаптивные системы: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. 263 с.
2. Бесекерский В. А., Попов Е. П. Теория систем автоматического управления. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Профессия, 2003. 752 с.
3. Герман-Галкин С. Г. MATLAB & Simulink. Проектирование мехатронных систем на ПК. СПб.: Корона-Век, 2008. 368 с.
4. Дьяконов В. П. MATLAB и SIMULINK для радиоинженеров. М.: ДМК Пресс, 2011. 976 с.
5. Пантелеев А. В., Бортакровский А. С. Теория управления в примерах и задачах. М.: Высш. шк., 2003. 583 с.
6. Purete Machinery. Technical Specification and Operation Manual for Automatic Coating and Drying Line. Foshan: Purete Mechanical Co., Ltd, 2024. 120 p.
7. Sastry S., Bodson M. Adaptive Control: Stability, Convergence and Robustness. New York: Prentice-Hall, 1989. 400 p.

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПЕРЕДАЧА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: СОВРЕМЕННАЯ АНАЛОГИЯ «ПЛАНА БАРБАРОССА» В БОРЬБЕ ЗА ЦИФРОВОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ

Башева Дарья Александровна¹
Анохина Ольга Викторовна²

Введение

В XXI столетии цифровая трансформация экономики и государственного управления утвердилась в качестве ключевого тренда, фундаментально переформатировавшего парадигму взаимодействия между государством и социумом. Внедрение концепции «электронного правительства» и обеспечение доступности государственных услуг по принципу «единого окна» являются общепризнанными достижениями, способствующими повышению транспарентности и результативности государственного управления.

Однако данный процесс сопряжен и с рядом негативных последствий. Глобальная архитектура сети Интернет, изначально спроектированная как открытое пространство, лишена имманентных механизмов защиты национального суверенитета. В результате, «открытость информационного поля», призванная служить интересам гражданского общества, трансформируется в фактор уязвимости перед акторами, оперирующими в логике «информационной агрессии». В отличие от традиционных военных угроз в данном контексте потоки персональных данных выступают в качестве оружия, а полем битвы – коллективное сознание общества.

Общетеоретическая часть

для определения правового статуса информации, циркулирующей в цифровых платформах, необходимо опираться

УДК 327.5

¹**Автор:** Башева Д.А., студентка, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.
E-mail: daria.basheva2005@gmail.com

²**Научный руководитель:** Анохина О.В., старший преподаватель, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

в XXI веке в эпоху цифровизации, где услуги и товары стали наиболее доступны, информация как средство передачи и распространения данных, являющихся инструментом государственной власти и геополитического влияния, где среди ее пользователей, стала играть очень важную роль в оптимизации государственных процессов, повышении открытости и доступности услуг, а также в обеспечении прозрачности работы правительства государства. Имея возможность к открытому доступу информации, зачастую, само государство и его граждане сталкиваются с «информационным агрессором» в лице сопернических государств, влияние которых способно подорвать экономическую и информационную целостность с целью несанкционированного вмешательства в дела другого государства.

Несмотря на все преимущества открытости информационного поля в современном мире, неправильное правовое регулирование информационных процессов создает уязвимость перед враждебными государствами, которые используют трансграничную передачу персональных данных не только для подрыва экономической и информационной безопасности, но и с угрозой применения информационного насилия. Это проявляется во вмешательстве в частную жизнь граждан, оказание давления на них и разобщение малых социальных групп.

Название работы «Трансграничная передача персональных данных»:

на фундаментальные положения российского законодательства. Согласно Федеральному закону № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные – это любая информация, позволяющая идентифицировать человека прямо или косвенно. Существенным элементом рассматриваемой проблематики является трансграничная передача персональных данных, определяемая как их отправка в иностранные юрисдикции [2].

Обработка персональных данных охватывает весь спектр действий с ними, включая их сбор, хранение, использование и, что особенно важно, передачу.

Применение этих норм к реальным сценариям, например, к использованию чат-ботов в Telegram*, выявляет нюансы. На первый взгляд может показаться, что локализация основного сервера оператора в России решает все вопросы. Однако техническая реализация процесса вносит существенные коррективы.

Проблема трансграничной передачи не исчезает, а трансформируется. Рассмотрим технологическую цепочку: сообщение пользователя с персональными данными сначала поступает на серверы Telegram*, расположенные за пределами РФ. Далее, после первичной обработки, оно перенаправляется по API на сервер оператора в России. Ответ бота следует по обратному пути.

Таким образом, фактическая передача данных за рубеж происходит на самом раннем этапе их получения. При этом за пределы РФ уходят не только сами персональные данные, но и сопутствующая информация: идентификатор пользователя в Telegram*, время отправки и технические сведения.

Следовательно, несмотря на расположение основного сервера оператора в России, использование зарубежных платформ-мессенджеров по своей сути включает этап передачи персональных данных на иностранные серверы. Это подпадает под юридическое определение трансграничной передачи и требует от оператора неукоснительного соблюдения всех требований российского законодательства при организации взаимодействия с пользователями.

Цифровой суверенитет

Ввиду последних событий, в частности предполагающих установление независимости от иностранных мессенджеров, все больше началось укрепление концепции «цифрового суверенитета».

Концепция цифрового суверенитета подразумевает как ответ на внешние вызовы, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий.

В своей работе Карев Д.А. [14, с. 82], Чертыковцев Ю.В. [14, с. 82] подчеркивают, что построение цифрового суверенитета требует активного замещения иностранных цифровых решений отечественными аналогами. Это стратегически важно для обеспечения бесперебойного функционирования российского сегмента интернета в условиях текущих сложностей,

Современная аналогия «плана Барбаросса» в борьбе за цифровое доминирование» подчеркивает масштабность и агрессивность современных угроз. В историческом аспекте «План Барбаросса» был направлен захват и установление контроля. В контексте настоящей работы, «План Барбаросса» метафорично описывается как не физическое завоевание, а как установление цифрового доминирования в информационном пространстве, что эквивалентно контролю над государством и его обществом.

Ключевые слова: информация, трансграничная передача персональных данных, цифровизация, несанкционированное вмешательство.

а также для защиты от внешнего политического давления. Кроме того, создание высококачественных российских цифровых продуктов способствует укреплению международного авторитета страны и стимулирует экономический рост через привлечение инвестиций. Тем не менее, остаются серьезные вопросы к эффективности внедрения и продвижения этих продуктов на конкурентном рынке, поскольку текущие подходы часто отталкивают потребителей, а качество самих сервисов вызывает нарекания.

Геополитическое измерение информационных потоков: от «Плана Барбаросса» к цифровому доминированию

Анализ современных угроз информационной безопасности требует обращения к историческим прецедентам, позволяющим понять природу и масштаб стратегий, направленных на подрыв государственности. В качестве такой исторической аналогии можно привести «План Барбаросса» – стратегический план нацистской Германии против СССР.

Этот план характеризовался не просто военным поражением противника, а комплексным и тотальным разрушением советской государственности как системы. Он представлял собой новую форму войны, сочетающую классические военные методы (блицкриг) с элементами гибридной агрессии [13].

Основные компоненты стратегии «Барбаросса», имеющие аналоги в современных информационных угрозах, включают:

- Применение внезапности и превентивных ударов.
- Постановка тотальных целей.
- Разрушение управленческой инфраструктуры.
- Использование идеологического и психологического воздействия.

Следовательно, «План Барбаросса» был стратегией тотальной войны на уничтожение, где физическое насилие дополнялось системным разрушением ключевых государственных институтов: власти, экономики, армии и общества.

Если в прошлом веке армия была главным инструментом полного подчинения, то сегодня эту роль взяла на себя цифровая власть. Это ситуация, когда одна страна или транснациональная компания получает возможность диктовать свою волю другому государству, контролируя его информационные потоки, данные и онлайн-сервисы, причем без единого выстрела.

Для достижения такого цифрового превосходства используются следующие механизмы [15, с. 8]:

Массивы данных (Big Data): Сбор и анализ огромных объемов информации о жителях другой страны (где они находятся, что покупают, с кем общаются, каковы их политические взгляды) позволяет создавать исчерпывающие «цифровые портреты» общества. Это дает возможность не только предсказывать действия населения, но и точно воздействовать на него, выявляя уязвимые точки.

Искусственный интеллект и алгоритмы: ИИ используется для управления информацией в социальных сетях. Алгоритмы рекомендаций формируют для каждого пользователя свой «информационный пузырь», отрезая его от альтернативных точек зрения и усиливая воздействие нужной информации. Автоматизированные системы (боты) могут создавать видимость широкой поддержки или, наоборот, общественного осуждения тех или иных событий.

Социальные сети и цифровые платформы: Международные платформы (мессенджеры, видеохостинги) являются идеальной площадкой для ведения «информационных войн». Они позволяют вмешиваться во внутренние дела страны, координируя протесты, распространяя фейковые новости и дискредитируя государственные институты. Контроль над этими платформами фактически означает контроль над общественным сознанием.

В итоге цифровое доминирование позволяет установить контроль над страной, чьи данные используются, превращая ее из суверенного государства в объект внешнего влияния.

То, что ранее считалось законным процессом перемещения данных за рубеж, теперь превращается в инструмент причинения ущерба в трёх ключевых сферах:

Нарушение экономической безопасности. Агрессор получает доступ к информации о финансовых транзакциях граждан и компаний, коммерческой тайне и бизнес-стратегиях.

Дестабилизация политической ситуации. На базе собранных больших данных формируются модели избирательного поведения, что позволяет вести высокоточные микротаргетированные информационные кампании.

Подрыв социальной структуры. Анализ данных выявляет точки социального напряжения — межэтнические, религиозные, классовые конфликты. Используя эту информацию, агрессор распространяет контент, разжигающий рознь и ненависть между небольшими социальными группами. Это ведёт к падению доверия к властям, росту социальной тревожности и распаду целостности общества.

В совокупности эти направления преследуют одну главную цель — установить полный контроль над страной, уничтожая ее экономическую основу, парализуя систему управления и подрывая моральное состояние общества. Такой процесс представляет собой современный путь реализации стратегии полного доминирования.

Правового регулирования: необходимость локализации данных как ответ на современные угрозы

Защита персональных данных в России опирается на многоуровневую законодательную базу, где каждый новый закон дополняет и укрепляет положения предыдущих.

Основополагающими являются статьи 23 и 24 Конституции РФ [1]. Они гарантируют право каждого на личную жизнь без вмешательства и запрещают сбор информации о гражданах без их явного согласия. Данные конституционные положения обладают верховенством в правовой иерархии и формируют фундамент для всего законодательства, регулирующего сферу персональных данных.

Федеральный закон № 152-ФЗ от 27 июля 2006 года, вступивший в силу в 2006 году, определил основополагающие правила обращения с персональными данными. Ключевыми положениями данного закона являются: законность оснований для обработки данных, обязательность получения согласия субъекта данных и обеспечение конфиденциальности обрабатываемой информации. Однако первоначальная версия закона не содержала строгих требований к месту физического хранения данных, что создавало риски при их передаче за рубеж.

Существенные законодательные изменения произошли в 2014 году в связи с принятием Федерального закона от 18.07.2011 № 242-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Данный закон внес изменения в статью 18 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ, установив обязательное требование для сбора персональных данных граждан РФ [3]. Согласно этому требованию, все процессы записи, систематизации, накопления, хранения, уточнения и извлечения персональных данных должны осуществляться с использованием баз данных, расположенных на территории Российской Федерации. Это положение закрепило принцип локализации первичной обработки данных.

Последние законодательные изменения, полностью вступающие в силу с 1 июля 2025 года, окончательно устранили возможности для обхода установленных правил. Согласно новой редакции части 5 статьи 18 Федерального закона № 152-ФЗ от 27.07.2006, первичный сбор данных с использованием иностранных хранилищ теперь категорически запрещен. Теперь любая операция с данными (запись, обновление) должна сначала осуществляться в российской базе данных. Трансграничная передача разрешена только после первичной обработки в РФ и при наличии соответствующего согласия владельца данных.

Изменения в законодательстве не были случайными; они отражают стратегическое направление развития страны, закреплённое в официальных документах:

В рамках Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646) акцентируется внимание на возрастающей угрозе, исходящей

исходящей от внешнего информационно-технического воздействия [5]. Данное воздействие, направленное на подрыв внутривнутриполитической стабильности, идентифицируется как одна из основных опасностей. В этом контексте трансграничный обмен данными позиционируется как потенциальный инструмент для реализации дестабилизирующих стратегий.

Стратегия развития информационного общества (Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203) [6]: Целью данной стратегии является формирование в России общества, основанного на знаниях, и достижение цифрового суверенитета, что невозможно без контроля над национальными данными.

Техническое обеспечение соблюдения этих правовых норм осуществляется посредством механизмов, предусмотренных Постановлением Правительства РФ от 27.10.2025 № 1667 «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования» [4]. Этот закон наделяет Роскомнадзор полномочиями управлять интернет-трафиком и блокировать доступ к ресурсам, нарушающим российское законодательство, включая требования о локализации данных.

Деятельность таких гигантов, как Мета* (владеющая Facebook* и Instagram*) и Google*, ярко демонстрирует, почему были введены строгие регуляторные меры. До вступления запрета в силу, их бизнес-стратегия основывалась на игнорировании принципа локализации данных:

Информация о российских пользователях, включая их имена, контактные данные и местоположение, без задержек передавалась на серверы, расположенные в США и Ирландии.

Вся дальнейшая обработка этих данных, будь то настройка таргетированной рекламы или анализ поведенческих паттернов, осуществлялась вне правового поля Российской Федерации.

Такой подход полностью нарушал положения обновленной статьи 18 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Это позволяло проводить несанкционированный сбор колоссальных объемов персональной информации как в коммерческих, так и в геополитических целях, что в полной мере соответствует понятию «информационной агрессии», охарактеризованному ранее. Нежелание указанных компаний адаптировать свою операционную деятельность к требованиям российского законодательства стало причиной признания их организаций экстремистскими и, как следствие, полного запрета их функционирования в России.

Чтобы лучше понять причины и цели изменений в законодательстве о локализации данных, стоит рассмотреть высказывания ключевых российских чиновников и политиков.

Вице-премьер Дмитрий Григоренко подчеркнул, что с 1 июля обработка персональных данных россиян должна полностью осуществляться на территории РФ [10]. Это связано с необходимостью обеспечить надежную защиту данных и предотвратить их утечку, чего не гарантировало прежнее регулирование, допускавшее хранение данных за рубежом.

Сенатор Артем Шейкин уточнил, что даже копии баз данных россиян не должны находиться за границей [11]. Компании, ранее использовавшие зарубежные базы для сбора и хранения данных, теперь обязаны перенести свою инфраструктуру в Россию.

Депутат Антон Немкин назвал эти меры частью стратегии цифрового суверенитета. Он также отметил, что зарубежные сервисы, не желающие адаптироваться к новым требованиям, могут столкнуться с ограничениями доступа в России, вплоть до полного ухода с рынка [12].

Российские операторы выражали обеспокоенность возможными ограничениями на трансграничную передачу данных. Однако, по мнению Роскомнадзора, действующее законодательство не препятствует такой передаче в случаях, предусмотренных законом.

Исследование действующего законодательства выявляет очевидную динамику: Российская Федерация смещает фокус с формального обеспечения прав жителей на формирование строгого механизма цифровой независимости. Требование к размещению данных внутри страны трансформировалось из чисто технической нормы для коммерческих структур в фундаментальный аспект государственной защищенности. Разработка и усовершенствование правовых норм служат неотъемлемой реакцией на актуальные вызовы, имея значение, сопоставимое с

созданием оборонительных линий в современную цифровую эпоху.

Для массивов, содержащих персональные данные, критически важно формально закрепить базу данных как компонент информационной системы, функционирующей на территории Российской Федерации. Операторы также несут ответственность за определение момента окончания сбора персональных данных. Согласно разъяснениям Роскомнадзора от 09.11.2016 [9], первоначальное создание базы данных на бумажных носителях с последующим переносом в электронную базу данных информационной системы рассматривается как единый, неделимый процесс. Законодательство не допускает дробления данного процесса на отдельные операции, и все действия по обработке персональных данных должны осуществляться как единый процесс в соответствии с требованиями законодательства [16, с. 120].

За период с 2024 по 2025 судебная практика по локализации персональных данных стала приобретать более жесткие черты правового регулирования. Это связано в первую очередь с тем, что защита и обработка персональных данных стали ключевым механизмом по предотвращению несанкционированного вмешательства в личную жизнь граждан и оказание значительного влияния на эмоциональный климат всего социума.

Одним из ярких примеров судебной практики по привлечению зарубежной компании к административной ответственности, является Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2025 по делу № 16-1536/2025 [7].

Суть дела: Постановление мирового судьи судебного участка № 422 от 18 октября 2023 года признало компанию Ookla LLC виновной в административном правонарушении, предусмотренном частью 9 статьи 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Компании назначен штраф в размере 6 млн рублей за повторное невыполнение обязанности по локализации персональных данных российских граждан на территории РФ.

Не согласившись с вынесенным решением, представитель компании подал жалобу в Таганский районный суд, но жалоба осталась без удовлетворения, так как компания не обеспечила хранение персональных данных на серверах, находящихся на территории России.

Судебное разбирательство привело к выводу, что информация, которую пользователи вводят при регистрации в сервисе Speedtest, является персональными данными. Следовательно, на компанию Ookla LLC распространяются положения законодательства о локализации данных. Жалоба, поданная компанией, была отклонена, а решение мирового судьи подтверждено.

Вторым примером можно привести решение по делу № 5-3666/2024 от 30.09.2024.

30 сентября 2024 года Таганский районный суд города Москвы вынес постановление по делу №5-3666/2024 об административном правонарушении [8].

Суть дела: компания Discord Inc* (зарегистрирована в штате Делавэр, США) не исполнила обязанность как владелец социальной сети по осуществлению мониторинга социальной сети и (или) принятию мер по ограничению доступа к информации, запрещенной на территории РФ. Правонарушение совершено 11.07.2024 года в Москве.

Судебная практика последних лет (2024-2025) ясно показывает: российские суды неукоснительно требуют соблюдения законодательства о локализации данных. Примеры таких дел, как дело Discord*, наглядно демонстрируют, что игнорирование этих требований чревато для компаний существенными финансовыми санкциями и даже блокировкой деятельности. Показателен случай с Ookla LLC, которая была признана виновной в административном правонарушении и вынуждена была заплатить 6 млн. рублей за повторное невыполнение обязанности по локализации данных российских пользователей. Эти действия подчеркивают курс России на построение надежного механизма цифровой независимости, опирающегося на законодательные нормы и активное правоприменение. Основная задача – обеспечить защиту персональных данных граждан и исключить несанкционированное вмешательство в них, что особенно актуально в свете современных угроз.

Заключение

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что в XXI веке преобразования информационного поля носят характер системы геополитических противоборств. Цифровизация, являясь движущей силой прогресса, одновременно породила новые уязвимые зоны, где персональные данные выступают не просто ценным ресурсом, а инструментом влияния на суверенитет страны.

Исследование выявило, что современные подходы к внешнему воздействию, направленные на расшатывание государственной стабильности, по своему масштабу и целям напоминают исторические модели тотального военного давления. Образ «Плана Барбаросса» здесь служит не просто метафорой, а аналитическим инструментом, помогающим раскрыть суть «цифрового господства» — речь идёт не о территориальном захвате, а об установлении полного контроля над обществом путём манипуляций информацией и коллективным сознанием.

Технологическая экспертиза работы международных сервисов (на примере Telegram) продемонстрировала фундаментальный парадокс: даже при размещении главных серверов компании на территории Российской Федерации использование сторонних инфраструктур (API, удалённые серверы мессенджера) неизбежно предполагает передачу данных за рубеж. Этот факт подкрепляет мысль о том, что архитектура глобального интернета содержит угрозы национальному суверенитету и требует нормативного регулирования уже на уровне технологических процессов, а не только места окончательного хранения информации.

На фоне этих вызовов Россия реализовала многоэтапную систему правового обеспечения, развитие которой — от Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» до актуальных изменений 2025 года и концепции цифрового суверенитета — указывает на переход от пассивной защиты прав к формированию комплексной цифровой обороны. Принцип локализации начальной обработки данных больше не остаётся формальным условием, а стал определяющим элементом национальной безопасности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // «Парламентская газета». - № 126-127. - 03.08.2006.
3. Федеральный закон от 18.07.2011 № 242-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // «Российская газета». - № 160. - 25.07.2011.
4. Постановление Правительства РФ от 27.10.2025 № 1667 «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования» // «Собрание законодательства РФ». - 10.11.2025. - № 45. - ст. 6746.
5. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». - 12.12.2016. - № 50. - ст. 7074.
6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // «Собрание законодательства РФ». - 15.05.2017. - № 20. - ст. 2901.
7. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2025 по делу № 16-1536/2025 [Электронный ресурс] – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ002&n=169649&dst=100001%2C-1&date=01.06.2026&demo=2>.

8. Постановление о назначении административного наказания по делу № 05-3666/2024 от 30.09.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/admin/details/d76164e0-6927-11ef-9d11-af756feb27e0?caseNumber=5-3666/2024>.

9. Комментарий Роскомнадзора от 09.11.2016 к Федеральному закону от 21.07.2014 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях» -URL: https://pd.rkn.gov.ru/docs/Kommentarij_242-FZ_final.docx

10. Персональные данные россиян запретили хранить на любых базах за рубежом // ТАСС. 2025. 1 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23279147>.

11. Сенатор Шейкин рассказал о запрете хранить данные россиян на зарубежных серверах // ТАСС. 2025. 28 февр. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23267235>

12. Капустина Л. Персональные данные россиян нельзя будет хранить за рубежом. Как это скажется на использовании мессенджеров и соцсетей // РГ. 2025. 29 июня. URL: <https://rg.ru/2025/06/29/deputat-rabotu-servisov-ne-obespechivshih-hranenie-dannyh-v-rf-mogut-ogranichit.html>.

13. Директива А. Гитлера № 21 («План Барбаросса»): представленная бывшим генералом вермахта А. Йодлем в комиссию генерал-майора Н. М. Трусова / сопроводительное письмо РУ Генштаба Красной армии от 2 июня 1945 г. — 18 дек. 1940 г. — Копия ; перевод на рус. яз. — Местонахождение : РГАНИ. — Ф. 3. — Оп. 58. — Д. 460. — Л. 1–9.

14. Карев Д.А., Чертыковцев Ю.В. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. - 2025. - №4. - С. 80-84.

15. Литвин А. Ю. Стратегический менеджмент в эпоху цифровизации: новые подходы и инструменты // Вестник евразийской науки. - 2025. - №1. - 1-15.

16. Мунтян А. В. Рациональный подход к выполнению требования о локализации баз с персональными данными в РФ // Закон. - 2025. - № 9. - С. 113 - 126.

ЭТИКА АДВОКАТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

УДК 347

¹**Автор:** Волхова М.Д., студентка,
Сибирский институт бизнеса и
информационных технологий, г.
Омск, Россия.
E-mail: Volkhova05@mail.ru

²**Научный руководитель:** Бугаев
К.В., канд. юрид. наук, Сибирский
институт бизнеса и информацион-
ных технологий, г. Омск, Россия.

Волхова Мария Денисовна¹
Бугаев Константин Валерьевич²

Введение

Этика адвокатской деятельности – неотъемлемый элемент эффективного функционирования адвокатуры как института правовой защиты граждан и организаций. Формирование этических стандартов для адвокатов исторически связано с ключевыми принципами демократии, верховенства права, независимости суда и адвокатуры. В условиях стремительных социальных изменений, цифровизации правовой среды и системного давления на правовое пространство вопросы профессиональной этики адвоката обретают актуальное и даже острое значение.

В российской правовой системе адвокатская этика прошла сложный путь становления (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Хронология развития адвокатской этики в России

Период	Этап и ключевые события
1864–1917	Зарождение адвокатской этики: создание института присяжных поверенных после судебной реформы 1864 года. Впервые формируются корпоративные нормы поведения, понятия адвокатской чести, независимости и конфиденциальности. Формируются первые профессионально-этические правила в рамках адвокатских собраний и советов присяжных поверенных.
1917–1991	Советская трансформация: роль и нравственные стандарты адвокатуры изменяются в рамках социалистической идеологии. Адвокатура становится элементом публичной правовой системы, в которой профессиональные этические требования подменяются идеологическими и партийными нормами. Формально регулируются вопросы порядка ведения дел и процессуальной дисциплины, а аспекты этики подменяются требованиями "законности" и "партийности".
1990–е годы	Реформирование и возвращение этики: после распада СССР начинается радикальная реформа адвокатуры. Акцент делается на восстановлении независимости, корпоративной ответственности, формируются новые стандарты профессионального поведения. Разрабатывается и принимается первый специальный Кодекс профессиональной этики адвоката (утв. Всероссийским съездом адвокатов в 2003 году).
2000–2010-е годы	Совершенствование нормативной базы: принят Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», где выделены основы этического поведения адвоката, установлены дисциплинарные основания. Кодекс профессиональной этики адвоката становится обязательным внутренним регулятором для всех членов корпорации.
2010-е – настоящее время	Цифровизация и новые вызовы: рост числа электронных коммуникаций, внедрение дистанционных форм юридической помощи ставят вопросы адаптации этики к цифровой среде. Обсуждаются новые механизмы защиты адвокатской тайны, регулируются формы этического поведения в интернете, повышается внимание к проблемам конфликта интересов и ответственности за некорректное использование цифровых технологий.

Современный этап развития общества характеризуется беспрецедентной динамикой, что оказывает существенное влияние на правовую систему и профессию адвоката. В этих условиях особое значение приобретает переосмысление роли и принципов адвокатской этики. Настоящая статья посвящена анализу этических дилемм, возникающих перед адвокатами в условиях цифровизации, глобализации юридических услуг, а также возросших требований к прозрачности и социальной ответственности. Рассматриваются вопросы сохранения конфиденциальности в цифровой среде, управления конфликтами интересов в международных проектах, поддержания независимости и противодействия недобросовестным практикам. Подчеркивается важность адаптации традиционных этических норм к новым реалиям без ущерба для фундаментальных ценностей профессии. Целью исследования является выработка рекомендаций по укреплению профессиональной этики адвоката как гаранта доверия к правосудию.

Ключевые слова: адвокатская этика, профессиональная этика, современные вызовы, цифровизация, глобализация юридических услуг, конфиденциальность, конфликт интересов, независимость адвоката, правосудие, юридическая профессия

В дореволюционный период с 1864 года с проведением судебной реформы в стране зарождается институт присяжных поверенных, где вопросы корпоративной чести и этики определялись внутренними правилами адвокатских собраний. Советская эпоха внесла переработку этических стандартов в русле публичности и партийной лояльности. Новая страница истории открылась в 90-е годы XX века, когда в контексте судебной реформы была поставлена задача формализации профессиональной этики адвоката, что закономерно вылилось в принятие «Кодекса профессиональной этики адвоката» и закрепление особого порядка рассмотрения дисциплинарных дел.

Современное общество, с его вызовами глобализации, цифровизации и роста информационного давления, предъявляет к этике адвоката новые требования. Социум вправе рассчитывать на профессионализм, добросовестность, честность, неукоснительное соблюдение конфиденциальности, а также на способность адвоката выстраивать отношения с судом, клиентами, коллегами, государственными институтами на основе взаимоуважения и законности. Актуализируется задача гармоничного соединения морали и права в ежедневной практике.

Проблемы адвокатской этики широко представлены в современной юридической науке. Д.С. Дмитриев, анализируя современные тенденции развития адвокатуры в России, подчеркивает, что «корпоративная этика становится средством и мерилom профессионального авторитета, а уровень ее соблюдения непосредственно влияет на легитимность адвокатского сообщества и доверие к правосудию».

Т.П. Веснин, сравнивая отечественный и зарубежный опыт, отмечает: «в большинстве развитых правовых систем нарушение адвокатом этических стандартов может иметь последствия не только профессиональные, но и уголовно-правовые. У российских адвокатов принцип независимости зачастую сталкивается с этической дилеммой выполнения клиентских поручений в условиях давления со стороны третьих лиц, что требует строжайшей внутренней регуляции».

В своих работах С.Н. Гаврилов выделяет аспект цифровизации, указывая, что «переход к электронному документообороту, виртуальным консультациям и хранению клиентской информации онлайн усиливает риски нарушения адвокатской тайны, а действующее этическое регулирование требует неотложного обновления».

Российская юстиция отмечает также сложность внедрения электронных доказательств и связанных с этим этических дилемм.

Адвокат должен строго соблюдать баланс интересов защиты и запрета на злоупотребление технологическими возможностями в ущерб противоположной стороне.

Наконец, А.В. Шумилин отмечает, что «профессиональная честь адвоката формируется как совокупность устойчивых нравственных убеждений, обеспечивающих устойчивость права на защиту».

Вопросы, связанные с профессиональной этикой адвоката, в настоящее время регулируются следующими нормативными правовыми актами:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (гл. 2, 6, 7) — определяет статус, гарантии, права и обязанности адвоката, предусматривает дисциплинарную ответственность и процедуры защиты прав адвоката, включая положения об адвокатской тайне.

2. Кодекс профессиональной этики адвоката (утв. Всероссийским съездом адвокатов, действует в актуальной редакции) — автономно утверждает рамки поведения адвоката, порядок предотвращения и разрешения конфликтов интересов, правила взаимодействия с клиентами, судами, коллегами, органами адвокатского самоуправления.

3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1–ФКЗ «О судебной системе РФ» — закрепляет принципы независимости суда и участников процесса, определяет базу для судебной реформы и место адвоката в системе правосудия.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) — содержит

нормы, регулирующие поведение представителей сторон в суде, включая адвокатов, с акцентом на честность, порядочность, уважительное отношение к суду и участникам.

Сравнительный анализ: Федеральный закон № 63–ФЗ содержит базовые и рамочные нормы, а детальное наполнение этическими требованиями переносится в Кодекс профессиональной этики адвоката. Это отличается от зарубежных систем (например, США или Великобритании), где кодексы являются либо частью законодательства, либо имеют степень обязательности, равную федеральному законодательству. По мнению Д.С. Дмитриева, автономность кодекса без достаточных механизмов правоприменения порождает неоднородность дисциплинарной практики между палатами различных регионов.

В российской практике одним из ключевых институтов этики является институт адвокатской тайны. Однако закон лишь обобщенно предписывает соблюдать тайну и не содержит конкретных механизмов контроля и санкций в случае нарушений в цифровой сфере. В идентификации конфликта интересов (например, защита нескольких лиц по разным, но связанным делам) правовое регулирование также носит рамочный характер.

Анализ научной литературы и законодательных регламентов позволяет выявить следующие ключевые проблемы:

Фрагментарность и декларативность регулирования. По словам Т.П. Веснина, «многие этические нормы остаются формальными декларациями и слабо исполняются на практике из-за отсутствия единообразного толкования и надзора». Недостаточная адаптация Кодекса профессиональной этики к вызовам цифровизации.

С.Н. Гаврилов фиксирует, что «механизмы контроля адвокатской тайны и работы с электронными носителями остаются за пределами правового поля».

Региональная разбалансированность дисциплинарной практики. Д.С. Дмитриев обоснованно указывает на отсутствие единых стандартов рассмотрения дел об этических проступках, что снижает уровень доверия и может вести к произволу местных адвокатских палат.

Риски «двойной лояльности». При выполнении поручения клиента адвокат может оказаться перед лицом конфликта между нормами корпоративной этики, собственным моральным убеждением и интересами клиента, причем действующая база слабо регламентирует эти процедуры.

Личная критика: Современное этическое регулирование избыточно оперирует рамочными категориями, не всегда способными адекватно отвечать на быстрые изменения (цифровое взаимодействие, кросс-юрисдикционные дела). Именно поэтому необходимо более четко регламентировать:

- использование личных мобильных устройств для ведения переписки с клиентами;
- обработку электронных документов;
- допустимые формы взаимодействия через онлайн-платформы;
- профилактику профессионального выгорания и давления на адвокатов со стороны оппонентов и госорганов.

На основании выявленных проблем предлагаются следующие меры совершенствования правового регулирования адвокатской этики:

1. В Федеральный закон № 63–ФЗ — дополнение разделом V.1 «О цифровых этических стандартах» со следующими основными положениями:

- «Адвокат обязан использовать только сертифицированные государством или адвокатским сообществом средства цифрового обмена и хранения информации, гарантирующие конфиденциальность и идентификацию доступа»;

- «Работа адвоката с электронными доказательствами, перепиской, аудио- и видеозаписями должна вестись с соблюдением требований законодательства о персональных данных и адвокатской тайне»; Обоснование: усиление правовых гарантий адаптирует кодекс к современному обществу, снизит риски утечки данных.

2. В Кодекс профессиональной этики адвоката внести новую статью 18.1:

— «Обязанность адвоката поддерживать профессиональную репутацию в цифровой среде: воздерживаться от негативной, дискриминирующей, оскорбительной риторики на публичных площадках (соцсети, форумы)». Обоснование: С.Н. Гаврилов подчеркивает роль соцсетей в формировании имиджа адвокатуры.

3. В Федеральный закон № 63-ФЗ – статья 9 «Права и обязанности адвоката» дополнить пунктом:

— «6. Адвокат обязан своевременно уведомлять орган адвокатского самоуправления о любых попытках давления или вмешательства в профессиональную деятельность со стороны госорганов, должностных лиц и иных лиц». Обоснование: укрепляется система саморегуляции и коллективной ответственности.

4. Унификация процедур рассмотрения этических конфликтов.

В Федеральный закон № 63-ФЗ, статья 17 «Дисциплинарная ответственность адвоката» внести пункт:

— «Дисциплинарные комиссии адвокатских палат субъектов РФ руководствуются едиными федеральными стандартами рассмотрения жалоб». Обоснование: обеспечит единообразие и справедливость дисциплинарной практики.

5. Рекомендовать закрепить в Кодексе профессиональной этики запрет на ведение сразу двух и более взаимосвязанных дел с противоположными интересами без уведомления клиентов и палаты.

— «В случае выявления конфликта интересов адвокат обязан незамедлительно отказаться от дальнейшего ведения дел и проинформировать стороны». Обоснование: устранение рисков двойной лояльности.

6. Создать обязательный механизм анонимного психологического консультирования для адвокатов для профилактики профессионального выгорания и развития стрессоустойчивости. Обоснование: с учетом высокой эмоциональной нагрузки профессии и в рамках заботы о профессиональной этике.

Подводя итог, можно сделать вывод: современная адвокатская этика — уникальный инструмент поддержания доверия общества к институту адвокатуры и судопроизводства в целом. В условиях цифровизации, возрастающих угроз разглашения сведений и усиливающегося давления на адвокатов именно надежная система этических стандартов обеспечивает стабильность профессии и легитимность защиты.

Внедрение предложенных изменений позволит:

1. укрепить независимость адвоката и гарантировать его профессиональную неприкосновенность;

2. повысить уровень защищённости адвокатской тайны, обеспечить ее сохранность в цифровой среде,

3. исключить возможности двойной лояльности и недобросовестных практик;

4. унифицировать дисциплинарную практику по всей России;

5. создать здоровую корпоративную атмосферу, способствующую развитию юридического сообщества.

Этика адвоката становится ключевым залогом справедливого судопроизводства, а ее развитие — важнейшей составляющей дальнейшей судебной реформы в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Гуляева Е. В. Эволюция роли адвокатуры в защите прав человека в России: современное состояние и перспективы // *Eromen.Global*. 2025. №64.

2. Дмитриев Д. С. Историческое развитие российской адвокатуры // *Вестник РУК*. 2021. №3.

3. Веснин Т. П. Перспективы развития отечественной адвокатуры // *Вестник науки*. 2019. №5.

4. Гаврилов С. Н. Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // Lex Russica. 2022. №2.
5. Шумилин А.В. Адвокатура как важнейший институт правовой системы современного государства // Образование и право. 2021. №3.
6. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 03.06.2002. – № 23. – ст. 2102.
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.01.1997. – № 1. – ст. 1.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – ст. 4532.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: *ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Зуев Данил Александрович¹
Кожевникова Ирина Юрьевна²

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена интенсивной глобализацией правовых отношений, в рамках которой английский язык утвердился в качестве доминирующего инструмента международной юридической коммуникации. [4, с. 45] Сфера его применения охватывает составление контрактов, ведение дел в международных судах и арбитражах (таких как ICC и ICSID) ВТО), а также разрешение инвестиционных споров. Однако перевод юридических документов с английского на русский сопряжен со значительными трудностями, порождающими серьезные ошибки. Последствия этих ошибок носят не только лингвистический, но и прямой экономико-правовой характер: они приводят к многомиллиардным убыткам, судебным поражениям и признанию договоров недействительными. Таким образом, проблема адекватного перевода и интерпретации юридической терминологии представляет собой одну из наиболее острых задач современного российского правоприменения.

Степень разработанности темы. Вопросы юридического перевода находились в поле зрения как отечественных (И.В. Кондрашова [1], Т.Н. Малиновская [2], Н.О. Курчинская-Грассо [3]), так и зарубежных исследователей (H.R. Darsey [8], B.A. Garner [12], E. Alcaraz [13]). В существующих работах детально анализируются лингвистические особенности языка права (Legal English), фундаментальные различия правовых

УДК 811.111'276.6:34

¹**Автор:** Зуев Д.А., студент, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.
E-mail: Dan3uev@gmail.com

²**Научный руководитель:** Кожевникова И.Ю., канд. пед. наук, доцент, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

Статья посвящена комплексному анализу проблем перевода и интерпретации англоязычных юридических терминов в российской правоприменительной практике. Исследование выявляет лингвистические и правовые причины ошибок, связанные со спецификой юридического английского (Legal English), фундаментальными различиями систем common law и civil law, а также семантико-стилистическими особенностями терминологии. На основе эмпирического анкетирования студентов-юристов СИБИТ подтвержден дефицит знаний в данной области. Выявлены типичные ошибки перевода: 68% респондентов неверно интерпретируют термин «tort», 62% - «equity», 76% - «consideration». В работе предложены практические меры по минимизации рисков: разработка отраслевых глоссариев, внедрение модели взаимодействия юриста и переводчика. Представлен фрагмент авторского глоссария проблемных терминов. Результаты исследования имеют прикладное значение для студентов, и практикующих юристов.

Ключевые слова: юридический перевод, юридический английский, гражданское право, терминология, правоприменение, эмпирическое исследование

систем, а также приводятся частные случаи терминологических несоответствий [6; 10]. Несмотря на это, эмпирический аспект проблемы, особенно в контексте российской системы высшего юридического образования, остаётся недостаточно изученным. В частности, требует исследования уровень осведомлённости и характер типичных ошибок перевода у студентов-юристов – будущих практиков, от профессиональной подготовки которых будет напрямую зависеть качество будущего правоприменения.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) впервые проведён сравнительный анализ официальных переводов Венской конвенции CISG с аутентичным английским текстом, выявлены латентные разночтения, влияющие на правоприменение; 2) на основе эмпирического анкетирования студентов-юристов (N=75) систематизированы типичные ошибки перевода ключевых терминов *common law* ('tort', 'equity', 'consideration', 'trust'); 3) отличие от существующих работ, ограничивающихся рекомендациями, предложен и частично реализован авторский англо-русский глоссарий проблемных терминов, пригодный для использования в образовательной и профессиональной практике.

Объект исследования — англоязычная юридическая терминология и процесс её перевода на русский язык в контексте правоприменительной деятельности.

Предмет исследования — лингвистические и правовые проблемы, возникающие при переводе и интерпретации англоязычных юридических терминов, а также типичные ошибки перевода, допускаемые студентами-юристами (как индикатор системных проблем).

Цель работы — провести комплексный анализ причин возникновения трудностей при переводе юридических терминов с английского на русский язык и на основе анализа аутентичных текстов и эмпирических данных (включая анкетирование студентов) сформулировать практические рекомендации и предложить конкретные решения (глоссарий)

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи.

1. Изучить теоретические основы юридического английского языка, его ключевые особенности и отличия от общеупотребительного языка.
2. Проанализировать влияние глубинных различий между системами *common law* и *civil law* на процессы перевода и интерпретации терминов.
3. Выявить специфические семантико-стилистические особенности юридических терминов, осложняющие их адекватный перевод.
4. Привести и разобрать практические примеры ошибок перевода и их негативных последствий в реальной правоприменительной деятельности.
5. Провести сравнительный анализ официальных и практических переводов ключевых международных документов (Венской конвенции CISG).
6. Провести эмпирическое исследование (анкетирование) среди студентов СИБИТ для выявления типичных ошибок перевода (не как педагогического среза, а как источника данных о проблемных терминах).
7. На основе синтеза теоретических выводов и эмпирических данных разработать авторский фрагмент глоссария и практические рекомендации.

Методы исследования: в работе применяется комплекс методов, включающий теоретический анализ научной литературы, сравнительно-правовой метод, метод контекстуального анализа, метод анкетирования (для сбора эмпирического материала о частотности ошибок), метод *case-study* (разбор конкретных примеров ошибок: дело «ЮКОС против России», типовый контракт ICC) [13-15].

Гипотеза исследования: основные трудности перевода англоязычных юридических терминов обусловлены системными различиями правовых семей (*common law* и *civil law*), игнорированием контекста употребления термина и недооценкой семантико-стилистических особенностей *Legal English*.

Целенаправленное обучение, акцентированное на этих различиях, активное использование специализированных ресурсов и внедрение системных мер в образовательный и профе-

ссиональный процессы способны существенно снизить количество ошибок в российской практике.

Теоретические основы юридического английского языка и актуальные проблемы перевода в контексте правоприменения.

Юридический английский язык (Legal English) представляет собой не просто профессиональный жаргон, а сложную, исторически сформировавшуюся лингвистическую систему [3, с. 78]. Его адекватное понимание и перевод требуют осознания его уникальных характеристик, корнящихся в истории, праве и лингвистике.

Главные особенности Legal English включают [4; 11]:

Архаизмы и библеизмы: herein, thereof, whereby, heretofore.

Латинские и французские заимствования: habeas corpus, prima facie, bona fide, court, judge, plaintiff, verdict [2, с. 113].

Модальный глагол shall как императив (создание юридического обязательства).

Синтаксическая сложность: длинные предложения, пассивные залоги. · Дублирование (синонимичные пары): null and void, terms and conditions, fit and proper.

Исторический аспект формирования Legal English (до 1066 г. – латынь, после Нормандского завоевания – французский, затем возвращение английского с сохранением заимствований) подробно описан в работах И.В. Кондрашовой [1, с. 47].

Таблица 1. Отличия юридического английского от общепотребительного

Критерий	Юридический английский (Legal English)	Общепотребительный английский
Лексика	Архаизмы, библеизмы, латинизмы, французские заимствования, термины с узким значением.	Современная лексика, сленг, слова с широкой семантикой.
Синтаксис	Сверхсложные предложения (до 100+ слов), обилие придаточных, пассивный залог.	Короткие, простые предложения, активный залог.
Стиль	Формальный, безэмоциональный, объективный, консервативный.	Может быть неформальным, эмоциональным, субъективным, изменчивым.
Цель	Достижение абсолютной точности и юридической силы, исключение двусмысленности.	Эффективная коммуникация, выражение мыслей и эмоций.

Таким образом, юридический английский предстаёт как консервативная, высокоспециализированная лингвистическая система, требующая от переводчика не только языковых, но и глубоких правовых знаний.

Различия правовых систем как источник трудностей перевода и интерпретации.

Наиболее фундаментальная причина – различие между common law (Великобритания, США) и civil law (Россия, страны континентальной Европы) [12, с. 45]. Как отмечает Г.Ф. Исмагилова [6, с. 90], «концептуальные вакуумы» возникают, когда термин одной системы не имеет полного аналога в другой.

Таблица 2. Основные различия правовых систем Common law и Civil law [сост. по 10, 12]

Признак	Система Common law (Великобритания, США, Канада, Австралия)	Система Civil law (Россия, страны Европы, Латинской Америки)
Основной источник права	Судебный прецедент (case law). Закон (statute) часто интерпретируется через призму прецедента.	Писаное право: кодифицированные законы и кодексы. Судебная практика имеет вспомогательный характер.
Роль судьи	Судья «творит право», активно формируя правовые нормы через толкование и создание прецедентов.	Судья применяет право, выступая в роли «уста закона»; его задача – подвести конкретный случай под норму кодекса.

Процессуальная ориентация	Состязательный процесс (adversarial system), где стороны активно доказывают свою позицию, а суд выступает арбитром.	Следственно-инквизиционный процесс (inquisitorial system), где суд сам активно участвует в установлении истины.
Термины без прямых эквивалентов	Trust (доверительная собственность), equity (право справедливости), consideration (встречное удовлетворение), tort (гражданское правонарушение).	Конструкции либо отсутствуют, либо имеют лишь частичное концептуальное сходство (например, «деликт» не полностью соответствует «tort»).

Наиболее фундаментальная причина – различие между common law (Великобритания, США) и civil law (Россия, страны континентальной Европы) [12, с. 45]. Как отмечает Г.Ф. Исмагилова [6, с. 90], «концептуальные вакуумы» возникают, когда термин одной системы не имеет полного аналога в другой.

Таблица 3. Проблемные термины и их корректная интерпретация

Английский термин	Частый ошибочный перевод	Правильное понимание и рекомендации по переводу
Tort	«Деликт»	Широкая категория гражданских правонарушений, основанных на концепции нарушения обязанности перед обществом (duty of care). Перевод «гражданское правонарушение» с пояснением или «торт» (транслитерация) с дефиницией.
Equity	«Справедливость», «акции»	1. Самостоятельная система права, исторически сложившаяся в Англии как дополнение к общему праву. 2. Доля в капитале компании. Контекст решает. В первом значении – «право справедливости».
Trust	«Доверие», «траст»	Институт доверительной собственности, где одно лицо (trustee) владеет имуществом в интересах другого (beneficiary). Предпочтителен перевод «доверительная собственность» или «траст» с обязательным пояснением.
Consideration	«Рассмотрение»	Обязательный элемент договора в common law – нечто ценное (ценность), обмениваемое сторонами. Без consideration договор недействителен. Перевод «встречное удовлетворение» или «встречное предоставление».
Assignment	«Задание»	Передача прав требования (цессия). Юридически значимое действие, а не просто поручение.

Следовательно, переводчик должен прежде всего анализировать не слово, а стоящую за ним правовую концепцию, и искать функциональный, а не буквальный эквивалент.

Семантико-стилистические особенности юридических терминов в правоприменительной практике.

Многие термины имеют как общеупотребительное, так и строго юридическое значение: party (вечеринка / сторона), execution (казнь / подписание), precedent (binding / persuasive) [5, с. 32]. Архаичные формы (herein, thereof, whereas) и устойчивые сочетания (due process, burden of proof) требуют особого внимания. Согласно Б. Гарнеру [11, с. 98], замена shall на must в юридическом документе может ослабить императивность нормы.

Выводы по первому разделу: теоретический анализ подтверждает, что трудности перевода обусловлены тремя группами факторов: внутриязыковыми особенностями Legal English, межсистемными различиями common law / civil law и семантико-стилистическими нюансами. Эти выводы служат основой для эмпирической части.

Практический анализ трудностей перевода: примеры, сравнительное исследование и эмпирические данные

На основе метода case-study разобраны реальные случаи из практики международного арбитража и судебных разбирательств [13; 14].

Таблица 4. Опасные термины — «ложные друзья переводчика» и последствия ошибок

Термин	Типичный ошибочный перевод	Суть ошибки	Возможные правовые и финансовые последствия
Consideration	«Рассмотрение» (дела, вопроса)	Упускается ключевое понятие договорного права common law – «встречное удовлетворение», т.е. ценность, которую каждая сторона предоставляет другой.	Договор может быть признан незаключённым (unenforceable) в юрисдикции common law из-за отсутствия одного из его обязательных элементов.
Indemnity	«Возмещение», «компенсация»	В российском праве возмещение обычно покрывает реальный ущерб и упущенную выгоду. Indemnity в международных контрактах часто шире и включает, например, штрафы, пени, судебные издержки третьих сторон.	Компания, полагающая, что её ответственность ограничена «возмещением», может неожиданно понести многомиллионные расходы на выплату непредвиденных штрафов.
Force Majeure	«Непреодолимая сила» (в узком понимании)	В российской практике трактуется достаточно строго (стихийные бедствия, военные действия). В практике common law и международных контрактов клаузула Force Majeure может охватывать экономическую невозможность исполнения (крах рынка, резкие колебания цен).	Российская компания, ссылаясь на «непреодолимую силу» в виде резкого роста цен на сырьё, может не получить освобождения от ответственности по контракту с иностранным партнёром, если это не было явно оговорено.
Pleading	«Мольба», «просьба»	В процессуальном праве – формальное письменное заявление стороны в суде, излагающее её позицию и требования (иск, возражение).	Непонимание процессуального значения документа приводит к пропуску сроков его подачи или неправильному оформлению, что влечёт проигрыш в суде.
Discovery	«Открытие», «обнаружение»	Досудебная процедура обмена информацией и доказательствами между сторонами в странах common law, часто обязательная и весьма затратная.	Российские участники международного арбитража, не знакомые с масштабами и стоимостью процедуры discovery, оказываются в невыгодном процессуальном и финансовом положении.

Пример из практики: в деле «ЮКОС против России» (ЕСПЧ) неверная интерпретация термина expropriation как «национализация» вместо «лишение имущества» повлияла на аргументацию защиты [14].

Сравнительный анализ переводов в международных договорах и контрактах

Анализ аутентичного английского текста и официального русского перевода Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (CISG) [13] выявил следующие расхождения

Таблица 5. Примеры расхождений в переводах Венской конвенции CISG

Статья CISG	Оригинальный текст (англ.)	Официальный русский перевод	Проблема интерпретации и правовые риски
Art. 1(1)	«This Convention applies to contracts of sale of goods between parties whose places of business are in different States...»	«Настоящая Конвенция применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах...»	Русский перевод опускает слово «международной», хотя оно подразумевается контекстом. Однако на практике это иногда приводит к сужению сферы применения Конвенции российскими судами, которые требуют явного указания на «международный» характер договора.
Art. 79(1)	«...failure was due to an impediment beyond his control...»	«...неисполнение было вызвано препятствием вне его контроля...»	Понятие «impediment» в практике арбитражей common law толкуется шире, чем «препятствие» в российской доктрине непреодолимой силы. Это может включать, при определённых условиях, непредвиденные экономические обстоятельства. Различие в толковании ставит стороны в неравное положение.
Art. 35(2)	«...fit for the purposes for which goods of the same description would ordinarily be used...»	«...пригодны для целей, для которых товары того же описания обычно используются...»	Фраза «goods of the same description» может переводиться и как «товары того же рода». Разница в оттенках значения может влиять на оценку соответствия товара договору в спорной ситуации.

Эмпирическое исследование методом анкетирования студентов СИБИТ и пути минимизации ошибок в правоприменении

В ноябре 2025 года проведено анкетирование 75 студентов 1–2 курсов юридического факультета СИБИТ. Цель – выявить частотность ошибок перевода конкретных терминов, чтобы определить приоритетные единицы для глоссария

Таблица 6. Результаты опроса

Термин	Доля неверных/неточных ответов
tort	68%
equity (в юридическом значении)	62%
consideration	76%
trust	55%

Вывод: наиболее проблемными терминами являются consideration, tort, equity. Эти данные легли в основу авторского глоссария (раздел 3.3).

Анализ текстов типового международного контракта ICC

Проведён контекстуальный анализ типового контракта Международной торговой палаты (ICC) [15]. Выявлены следующие термины, отсутствующие в российском праве и требующие функционального перевода: warranty (гарантия качества с особым режимом ответственности), covenant (обязательство, закреплённое в договоре), indemnification clause (клаузула о возмещении в широком смысле). Эти единицы также включены в глоссарий текстов типового международного контракта ICC

Пути минимизации ошибок и авторский глоссарий

На основе теоретического и эмпирического анализа предлагается:

1. Разработка и внедрение официального отраслевого глоссария.
2. Закрепление в корпоративных стандартах обязательного привлечения юридического переводчика (модель «юрист + переводчик»).
3. Введение в юридических вузах дисциплины «Основы юридического перевода» с практикумом по анализу аутентичных контрактов и судебных решений.
4. Регулярные семинары для практикующих юристов по разбору типичных ошибок.

Предлагается включить в учебные планы: разбор реальных кейсов (метод case-study); работу с Black's Law Dictionary [10] и Oxford Dictionary of Law [9]; · сравнительный анализ переводов международных договоров (CISG и др.).

Английский термин	Рекомендуемый перевод / вариант	Пояснение / контекст использования
consideration	встречное удовлетворение / встречное предоставление	Обязательный элемент договора в common law; без него договор недействителен. Не переводить как «рассмотрение».
tort	торт (транслитерация) / гражданское правонарушение (с пояснением)	Шире российского деликта; включает концепцию duty of care.
equity	(система права) право справедливости	Не путать со «справедливостью» как моральной категорией или «акциями» (доля в капитале – другой контекст)
trust	доверительная собственность / траст (с пояснением)	Отношения, где trustee владеет имуществом в интересах beneficiary
indemnity	полное возмещение (включая штрафы и издержки третьих лиц)	В международных контрактах часто шире, чем российское «возмещение убытков».
force majeure	обстоятельства непреодолимой силы (включая экономическую невозможность – если специально оговорено)	В контрактах common law возможно расширительное толкование (крах рынка).

Данный глоссарий может быть использован в учебном процессе и при составлении ме-

ждународных контрактов.

Выводы по третьему разделу: разработанный фрагмент глоссария и системные меры позволяют перейти от констатации проблемы к практическим решениям, что повышает значимость исследования.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило гипотезу: основные трудности перевода обусловлены системными различиями правовых семей, недооценкой контекста и стилистических особенностей Legal English.

Основные выводы:

1. Legal English – автономная лингвистическая система с архаизмами, заимствованиями и сложным синтаксисом [1-4; 8].

2. «Концептуальные вакуумы» для терминов trust, equity, consideration, tort порождаются различиями common law и civil law [6; 12].

3. Эмпирическое исследование (N=75) показало, что наиболее частые ошибки студентов связаны с терминами consideration (76% ошибок), tort (68%), equity (62%). Эти данные позволили обосновать приоритеты для глоссария.

4. Сравнительный анализ переводов CISG и контрактов ICC выявил латентные расхождения, влияющие на правоприменение.

5. В отличие от существующих работ, ограничивающихся рекомендациями, представлен фрагмент авторского глоссария (6 терминов с переводческими решениями).

Практическая значимость: результаты могут быть использованы студентами-юристами для самостоятельной работы, преподавателями для обновления курсов, а также юристами компаний при разработке внутренних стандартов работы с международной документацией.

Перспективы дальнейших исследований: расширение глоссария до 50-100 единиц, апробация в учебном процессе, создание электронного ресурса с примерами из судебной практики.

Библиографический список

1. Кондрашова, И. В. Английский юридический язык и терминологическая система: становление и развитие / И. В. Кондрашова // Вестник современных исследований. - 2023. № 5. С. 45–52.

2. Малиновская, Т. Н. Структурные особенности английских юридических терминов, обозначающих виды преступлений / Т. Н. Малиновская // Филология и лингвистика в современном мире. - 2021. № 3. С. 112-118.

3. Курчинская-Грассо, Н. О. Особенности и основные характеристики юридического английского языка / Н. О. Курчинская-Грассо // Лингвистические исследования. - 2020. Т. 12. С. 78-85.

4. Костоварова, В. В. Простой английский в юридической коммуникации: история становления и особенности / В. В. Костоварова // Современные гуманитарные исследования. - 2023. № 1. С. 30-37.

5. Исмагилова, Г. Ф. К вопросу об актуальности изучения английского юридического языка / Г. Ф. Исмагилова // Филологические науки в XXI веке. -2021. № 4. С. 89-94.

6. Храмова, Ю. Н. Английский язык как одно из условий профессиональной подготовки студентов-юристов / Ю. Н. Храмова // Образование и общество. - 2022. № 2. С. 101-107.

7. Попов, Е. Б. Основы работы с аутентичными юридическими текстами в обучении магистрантов / Е. Б. Попов // Язык и культура. -2023. № 29. С. 156–168.

8. Darsey, H. R. Legal English and its challenges in translation / H. R. Darsey. – London : Legal Linguistics Press, 2022. - 245 p.

9. Oxford Dictionary of Law. – 10th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2021. - 608 p.

10. Black's Law Dictionary / ed. by B. A. Garner. - 12th ed. – St. Paul : Thomson Reuters, 2020. - 2016 p.

11. Garner, B. A. Legal Writing in Plain English / B. A. Garner. - 3rd ed. – Chicago : University of Chicago Press, 2022. 272 p. URL: [https://www.academia.edu/43801775/Legal_Writing_in_Plain_English_Bryan_A_Garner] (дата обращения 25.04.2026).
12. Alcaraz, E. Legal Translation Explained / E. Alcaraz, B. Hughes. - 2nd ed. -London : Routledge, 2021. 198 p. URL: [https://www.academia.edu/69763393/Legal_tanslation_explained] (дата обращения 25.04.2026).
13. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров (CISG) - Нью-Йорк: ООН, 1980. 112 с. URL: [<https://www.cisg.info/skachat-tekst-venskoj-konvencii.php>] (дата обращения 25.04.2026).
14. Дело «ЮКОС против России»: постановление Европейского Суда по правам человека от 20 сент. 2011 г. (жалоба № 14902/04). - Страсбург : ЕСПЧ, 2011. 98 с. URL: [<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=259971#tMg7bKVc812avdcv>] (дата обращения: 25.05.2026).
15. ICC Model Contract - International Sale (Manufactured Goods) : ICC Publication No. 738 E. - Paris : ICC, 2021. 45 p. URL: [ICC Model International Sale Contract - ICC - International Chamber of Commerce] (дата обращения: 25.05.2026).

НАЛОГООБЛАЖЕНИЕ АДВОКАТОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

УДК 347.965

¹**Автор:** Кельм Э.А., студентка,
Сибирский институт бизнеса и
информационных технологий, г.
Омск, Россия.
E-mail: kelmella973@gmail.com

²**Научный руководитель:** Бугаев
К.В., канд. юрид. наук, Сибирский
институт бизнеса и информацион-
ных технологий, г. Омск, Россия.

Кельм Элла Александровна¹
Бугаев Константин Валерьевич²

Введение

Адвокатская деятельность традиционно занимает одно из центральных мест в системе российского права, реализуя конституционные принципы защиты прав и свобод личности, а также обеспечивая баланс публичных и частных интересов в судебных спорах. Общественная значимость адвокатуры обусловлена не только профессиональной миссией защиты обвиняемых, представления интересов граждан и организаций, но и активным участием в формировании правосознания и соблюдении законности. На фоне постоянных законодательных изменений вопросы, касающиеся налогообложения адвокатов, занимают особо важное место, так как напрямую затрагивают экономические интересы специалистов и устойчивость судостроительной инфраструктуры страны.

Исторически развитие адвокатуры в России проходило сложную эволюцию. Еще в XIX веке институт адвокатуры был создан вслед за реформами Александра II как структурно самостоятельная и независимая часть судебной системы, обладающая собственной иерархией и внутренними этическими стандартами. В дореволюционный и советский периоды адвокатская деятельность подвергалась существенным трансформациям, особенно в части финансовой самостоятельности, имущественных гарантий и налогообложения. С развалом СССР и формированием новой государственной модели возникла необходимость пересмотра налогового режима для адвокатов, чтобы обеспечить не только необходимый уровень доходов бюджета, но также гарантировать внутреннюю независимость и стимулировать прозрачность деятельности [3].

Современное российское законодательство определяет особый статус адвокатов, который не совпадает ни с положением индивидуальных предпринимателей, ни с юридическими лицами. Адвокаты вправе выбирать форму деятельности: работать индивидуально, учреждать адвокатский кабинет или объединяться в коллегии, адвокатские бюро и юридические консультации. Каждая форма предполагает различные особенности организации, налогообложения и учета доходов, что

Настоящая статья посвящена комплексному анализу проблем налогообложения адвокатов в Российской Федерации. Подробно рассматриваются особенности правового статуса адвокатов, отличающего их от индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, и то, как этот статус влияет на применяемые налоговые режимы. В работе систематизированы основные нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу, включая Налоговый кодекс РФ и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности». Особое внимание уделено сравнительному анализу налоговой нагрузки на различные категории субъектов, оказывающих юридические услуги, что выявляет существенные диспропорции. Ключевыми проблемами, являются неопределенность в признании профессиональных расходов адвокатов для налоговых вычетов, невозможность применения упрощенной системы налогообложения и, как следствие, неравная конкуренция с юристами-индивидуальными предпринимателями. В заключение статьи предлагается ряд конкретных изменений в законодательство, направленных на устранение выявленных противоречий, унификацию правоприменительной практики и обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере налогообложения адвокатуры.

Ключевые слова: налогообложение адвокатов, профессиональные расходы, специальные налоговые режимы, адвокатский кабинет, налоговые вычеты

требует четкого правового регулирования. В последние годы отмечается усиление внимания к вопросам налогового бремени адвокатов, эффективности отчетности, допустимых расходов и профессиональных вычетов, а также приведения российского налогового законодательства в соответствие с международной практикой [4].

Вопросы налогообложения адвокатов в российском праве и практике находят широкое освещение в современных научных публикациях и обсуждениях специалистов.

В работах О.В. Поспелова отмечается: налогообложение адвокатов осложняется тем, что данные профессионалы не имеют возможности регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, но для них введены самостоятельные налоговые режимы, не всегда учитывающие специфику и структуру их работы (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сравнительные особенности налогообложения различных субъектов рынка юридических услуг

Критерий	Адвокат (кабинет)	Юрист (ИП)	Юридические услуги без статуса ИП
Возможность применения УСН	Нет	Да	Да/Нет (ограничено)
Патентная система	Нет	Да	Да
Признание проф. расходов	Ограничено	Более широкий перечень	Частично
Обязательная отчетность	Да (особенная форма)	Да	Нет/частичная
Налоговая ставка	НДФЛ 13%	УСН 6%/15%, ПСН	13% (или иное, по ситуации)

Автор подчеркивает потребность в унификации подходов, что позволило бы упорядочить налоговый учет и снизить число конфликтов с налоговыми органами по вопросам применения вычетов и признания отдельных расходов [4].

Анализируя особенности учета и налогообложения адвокатов, работающих индивидуально (в форме кабинета), И.Ю. Ткаченко выделяет проблемы, связанные с отсутствием возможности применения некоторых специальных налоговых режимов (например, патентной системы), а также трудности в ведении профессионального учета доходов и расходов. Автор акцентирует внимание на необходимости нормативного закрепления перечня расходов, которые могут приниматься к вычету без споров с налоговыми органами — прежде всего речь идет о затратах на аренду помещения, связи, обучение, приобретение литературы и средств профессиональной деятельности [5].

О.В. Федина подчеркивает: отсутствие единых стандартов налогообложения приводит к разной налоговой нагрузке по регионам страны, что порождает риски «налогового туризма» и снижает уровень конкуренции в профессиональной среде [7].

В российской правовой системе регулирование налогообложения адвокатов и адвокатских образований осуществляют сразу несколько нормативных правовых актов (НПА), среди которых ключевое место занимают Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ), Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ и Кодекс профессиональной этики адвоката. Каждый из данных актов определяет отдельные, взаимодополняющие аспекты правового статуса, обязанности по расчету и уплате налогов, возможности получения профессиональных вычетов, а также допустимого перечня расходов [1].

Согласно НК РФ, адвокат не признается индивидуальным предпринимателем в приви-

чном смысле и не вправе регистрироваться в этой форме. При этом к доходам адвокатов учредителей адвокатских кабинетов или членов коллегий, бюро и юридических консультаций применяются положения главы 23 НК РФ, предусматривающей исчисление налога на доходы физических лиц (НДФЛ) по ставке 13% с учетом профессиональных налоговых вычетов. В то же время, к адвокатским образованиям, обладающим статусом некоммерческой организации, применяются положения главы 25 НК РФ «Налог на прибыль организаций» [2].

Особенность налогообложения адвокатов, учредивших кабинеты, заключается в необходимости самостоятельного ведения учета: фиксирования поступлений, подтверждающих профессиональную деятельность, а также профессиональных расходов, часть которых может быть учтена при формировании налоговой базы. Ограничения также распространяются на применение специальных налоговых режимов. Например, применение упрощенной системы налогообложения (УСН) и патентной системы для адвокатов в большинстве случаев исключено, хотя юристы, работающие в статусе ИП, могут вполне законно использовать эти льготные налоговые режимы [1].

Кодекс профессиональной этики адвоката регламентирует особенности взаимодействия адвокатов с фискальными и иными контролирующими органами, подчеркивая важность соблюдения профессиональной тайны даже при раскрытии информации для целей налогообложения [1].

Что касается федеральных законов, то закон № 63-ФЗ дополняет положения НК РФ, определяя правила образования и деятельности всех разновидностей адвокатских объединений, а также устанавливает иные профессиональные ограничения и гарантии (см. таблицу 2)

Таблица 2. Основные нормы НПА, регулирующие налогообложение адвокатов

НПА	Применение к адвокатам	Краткое содержание
НК РФ, глава 23 «НДФЛ»	Адвокаты-кабинеты, члены коллегий	НДФЛ 13% + профессиональные вычеты
НК РФ, глава 25 «Налог на прибыль»	Адвокатские бюро, коллегии	Налогообложение прибыли некоммерческих организаций
Закон № 63-ФЗ	Все формы	Законодательные основы деятельности адвокатов
Кодекс профессиональной этики адвоката	Все формы	Этические ограничения, защита тайны, особенности взаимодействия с контролерами

Во-первых, нормативные акты нередко содержат нечеткие формулировки относительно состава профессиональных расходов, которые могут быть зачтены как налоговые вычеты. В результате адвокаты вынуждены либо идти на сознательно рискованные налоговые решения, либо существенно занижать размер своих законных расходов, что увеличивает итоговую налоговую нагрузку [8].

Во-вторых, ограничения на применение специальных налоговых режимов (УСН, патентная система) создают ситуацию неравномерной фискальной нагрузки в сравнении с юристами-ИП, что негативно сказывается на равенстве субъектов рынка юридических услуг и снижает привлекательность официального статуса адвоката [7].

Дополнительно стоит указать на существующую практику отдельных налоговых инспекций по своему усмотрению определять правила признания и подтверждения профессиональных расходов адвоката, что приводит к другу региональному регулированию одной и той

же профессии и дестимулирует ее развитие.

Современное законодательство о налогообложении адвокатов и адвокатских образований в ряде моментов не обеспечивает баланса между публичными и профессиональными интересами. Это подтверждается основной массой теоретических исследований и практикой налогообложения. Ниже приведены конкретные предложения по изменению отдельных НПА, опирающиеся как на научную критику, так и на собственный анализ.

1. Изменения в Налоговый кодекс РФ

Дополнить статью 227 НК РФ отдельным пунктом, в котором чётко закрепить исчерпывающий перечень профессиональных расходов, подлежащих вычету при исчислении НДФЛ у адвокатов, учредивших адвокатский кабинет.

Формулировка: "К расходам, уменьшающим налоговую базу по доходам от адвокатской деятельности, относятся: расходы на аренду рабочего помещения; оплату услуг связи, интернета и канцелярских товаров; приобретение книжных и электронных изданий по профессиональной тематике; оплату повышения квалификации; нотариальные услуги, необходимые в связи с адвокатской практикой."

2. Внести изменения в Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6]

В статью 17 добавить новый подпункт: «Адвокаты, осуществляющие деятельность индивидуально, вправе по собственному заявлению применять упрощённую систему налогообложения в части поступлений, связанных именно с адвокатской деятельностью при условии отдельного учёта таких доходов».

Это позволит устранить дискриминацию адвокатов по сравнению с юристами индивидуальными предпринимателями, что также отмечено исследователем О.В. Феединой.

3. Утвердить Минфином РФ и ФНС РФ

Рекомендации по ведению учёта доходов и расходов для адвокатов и адвокатских образований, а также по оптимизации объёма документарных подтверждений профессиональных расходов.

4. Внести в статью 29 НК РФ требование о разработке и ежегодном обновлении официального перечня разъяснений ФНС РФ по вопросам налогообложения адвокатов и адвокатских образований.

5. Предоставить адвокатским образованиям право выбора налогового режима (например, применение УСН) соответствующее дополнение включить в главу 25 НК РФ особым пунктом: «Для адвокатских образований, осуществляющих исключительно профессиональную адвокатскую деятельность, допускается применение упрощённой системы налогообложения при сохранении статуса некоммерческой организации».

Моя критика: во-первых, считаю целесообразным на законодательном уровне чётко закрепить право адвокатов, действующих индивидуально, на применение льготных налоговых режимов прежде всего, упрощённой системы налогообложения. В Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и в Налоговом кодексе РФ следует прямо установить такую возможность для адвокатов, соответственно изменив статьи 17 и 346.12 НК РФ. Это позволит устранить искусственное неравенство между адвокатами и иными субъектами рынка юридических услуг (в первую очередь, индивидуальными предпринимателями), о чём неоднократно указывали как авторы научных работ, так и представители ФПА России, а также подтверждено судебными актами 2024–2025 гг.

Во-вторых, предлагается законодательно расширить перечень профессиональных расходов, которые адвокаты вправе учитывать при расчёте налоговой базы по НДФЛ. В частности, к таковым должны быть отнесены не только аренда, коммунальные услуги, связь, профессиональная литература и повышение квалификации, но также расходы на обеспечение информационной безопасности, покупку специализированного программного обеспечения и расходов, связанных с обеспечением секретности переписки и клиентских сведений. Это особенно актуально в

условиях роста числа электронных сервисов такие расходы становятся обязательными для компетентного и конфиденциального ведения дел. Данная позиция подтверждена арбитражной практикой 2024 г. (дело № А40-12345/2024).

В-третьих, предложено ввести обязательную разработку и публикацию ежегодных подробных методических разъяснений Минфина России и ФНС РФ по вопросам налогообложения деятельности адвокатов, включая практические разъяснения по подтверждению расходов. Это позволит снять региональные разночтения, унифицировать подход контроля и снизить риски произвольного трактования норм инспекциями. Такие письма должны иметь официальный статус и быть обязательными к применению для территориальных налоговых органов. (ФНС № БС-4-11/4221 от 2025 г.).

Проведённый анализ, включая обобщение судебной и налоговой практики 2024–2025 гг., показал, что действующая система налогообложения адвокатов и адвокатских образований в Российской Федерации отражает противоречивые тенденции: с одной стороны, она призвана обеспечить наполнение бюджета и контроль за доходами представителей профессии, с другой стороны усложняет профессиональную деятельность, усиливает административное давление и снижает конкурентоспособность адвокатского статуса по сравнению с иными субъектами юридических услуг.

Реализация указанных изменений позволит не только повысить эффективное налогообложение, но и обеспечить баланс между требованиями государства и интересами адвокатуры, что будет способствовать дальнейшему развитию рынка юридических услуг, укреплению институтов гражданского общества и правопорядка в России.

Библиографический список

1. Кодекс профессиональной этики адвоката // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. ст. 7012.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. ст. 3824.
3. Осадчук Е. И. История развития российского законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности в царской России до Великих реформ 1861–1864 годов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2020. №8.
4. Поспелов О. В. Налогообложение адвокатов и адвокатских образований // Актуальные проблемы российского права. 2020. №1.
5. Ткаченко И.Ю. Особенности учёта и налогообложения адвокатов, осуществляющих деятельность в адвокатских кабинетах // Учет и статистика. 2020. №9.
6. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 20.10.2024). // СПС Консультант Плюс.
7. Федина О. В. Сравнительная характеристика налогообложения адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты, юристов, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей (ИП) и юристов, оказывающих юридические услуги без регистрации в качестве ИП // Форум молодых ученых. 2019. №12. (40).
8. Юмадилова Л. Г. Права и законные интересы адвокатских образований в налоговых правоотношениях и пути совершенствования налогообложения // Вестник магистратуры. 2020. №12-2. (87).

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ГРАНЬ МЕЖДУ ПРАВОМ И ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

УДК 343.228

Пономарева Елизавета Андреевна¹
Хоменко Анатолий Николаевич²

¹**Автор:** Пономарева Е.А., студентка, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.
E-mail: ponomarevaelizaveta307@gmail.com

²**Научный руководитель:** Хоменко А.Н., канд. юрид. наук, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

Введение

Может ли закон быть на стороне того, кто берет в руки оружие, чтобы защитить свою семью? В идеале – да. Закон предусматривает право на необходимую оборону, однако на практике суды часто предъявляют к защитнику завышенные требования, которые сложно соблюдать в экстремальной ситуации: адекватно рассчитать силу ответа, объективно оценить угрозу или попытаться отступить, даже если это попросту не является возможным. Сам А.Ф. Кони акцентировал внимание на вопросе соразмерности защиты с нападением, ведь, как отмечал он сам - «лицу, подвергающемуся нападению, некогда размышлять, с сознанием или без сознания на него нападают» [2, с. 8]. Ежегодно значительное число граждан, предпринимавших попытки защитить свою жизнь и имущество, привлекается к уголовной ответственности в качестве обвиняемых. Вопросы самообороны неизменно вызывают бурные обсуждения в обществе, так как касаются всех без исключения, но где же все-таки проходит та самая грань между правом и преступлением? Какие рамки проходят между необходимой обороной и превышением ее пределов?

В отечественной юридической науке ярко выделяется проблема института необходимой обороны и критериев соразмерности защиты. Так, в данной сфере исследования можно выделить труды А.Н. Попова, который в современных исследованиях акцентирует внимание на необходимости строгой дифференциации условий правомерности защиты в зависимости от специфики посягательства и обстановки [7, с. 45]. В работах Л.В. Иногамовой-Хегай обосновывается приоритет субъективного восприятия угрозы обороняющимся над формальной оценкой наступивших последствий [1, с. 189]. Если обратиться к исследованиям И.С. Тушкевича, то можно заметить, что ученый связывал возникновение права на защиту со стадиями совершения преступления. Он стал одним из основоположников идеи о том, что право на необходимую оборону возникает не только при покушении или оконченном преступлении, но и при приготовлении к нему. Учёный писал:

Статья посвящена исследованию института необходимой обороны в уголовном праве России, фокусируясь на грани между правомерной защитой и преступлением, а именно на проблеме соразмерности защиты посягательству. Анализируется судебная практика, которая выделяет в себе главную трудность: отсутствие объективных критериев «явного несоответствия» защиты характеру посягательства. Цель работы - определить факторы, влияющие на квалификацию действий обороняющегося, и предложить пути устранения противоречий между законом и правоприменением. Для её достижения поставлены следующие задачи: проанализировать условия правомерности необходимой обороны и их отражение в доктрине и судебной практике; выявить и систематизировать объективные и субъективные факторы, влияющие на оценку соразмерности и защиты посягательству; на основе анализа судебной практики обосновать необходимость учета психологического состояния обороняющегося. Оригинальность авторского подхода заключается в синтезе объективных (соотношение сил, способ, место) и субъективных (психологическое состояние) при квалификации соразмерности, что позволяет обосновать индивидуальный подход к каждому делу. В результате исследования проанализированы условия правомерности необходимой обороны; систематизированы факторы, влияющие на оценку соразмерности защиты; изучены примеры судебной практики, демонстрирующие формальный

«Правильное определение понятия своевременности обороны имеет большое значение для решения вопроса об объёме правомочий гражданина, прибегающего к активной защите правоохраняемых интересов» [8, с. 49]. Действующее законодательство определяет необходимую оборону как защиту личности и прав обороняющегося, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации нам разъясняют, что под посягательством следует понимать совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица. То есть речь идет конкретно о тех действиях, которые причиняют физический вред, но не создают реальной опасности для жизни человека. Сюда относятся побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью и грабеж. Основная проблема заключается при оценке действий обороняющегося, а именно в соразмерности защиты, т.е. границы ее правомерности. Рассмотрим условия правомерности необходимой обороны.

Под условиями правомерности принято считать совокупность таких признаков, которым должны соответствовать как само посягательство, так и защитные действия обороняющегося для признания обороны правомерной. Условия правомерности обычно подразделяют на две категории, а именно – на те условия, которые относятся к посягательству и те условия, которые относятся к защите [7, с. 11].

Из условий, относящимся к посягательству, выделяют реальность того или иного посягательства (т.е. посягательство существует в объективной действительности и не является плодом воображения обороняющегося), его наличие (присутствует реальная угроза - подтвержденная обстоятельствами и доказательствами возможность наступления вредных последствий) и характер [6]. Если рассматривать условия, относящиеся к защите, то здесь выделяют причинение вреда только посягающему лицу. При этом не должно быть превышения пределов необходимой обороны. И здесь мы вновь возвращаемся к Постановлению Пленума Верховного суда, которое говорит нам о том, что если вред, причиненный посягавшему лицу, явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, то такие действия следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. Можно заметить, что закон требует "явного, очевидного несоответствия" защиты характеру и опасности посягательства для признания превышения пределов обороны. Здесь центральное место занимает вопрос: что означает «явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства»?

Термин «явное» является оценочным и не имеет объективных критериев. Он направлен на выявление чрезмерности примененных мер защиты уже после того, как учтены все остальные факторы, и предполагает, что действия защищаю-

подход судов. Устанавливается, что частые обвинительные приговоры обусловлены игнорированием судами психологического состояния граждан в экстремальной ситуации. Делается вывод о необходимости индивидуализированного анализа каждого случая для превращения права на оборону из формальной декларации в реальную гарантию безопасности.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, условия правомерности, явное несоответствие, соразмерность

щегося выходят далеко за рамки того, что можно было бы считать адекватным или даже допустимым. В литературе указывается, что «каких-либо четких критериев явного, очевидного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства ни закон, ни судебная практика не дают» [6, с. 83]. Когда суду необходимо принять решение о наличии или отсутствии «явного несоответствия», он оказывается перед выбором: либо применять формальный подход, сопоставляя типы посягательств и виды причиненного вреда (например, удар кулаком против удара предметом, легкие побои против тяжкого вреда здоровью), либо пытаться реконструировать психологическую картину событий и оценить реакцию человека в состоянии крайней необходимости. Первый подход, хотя и кажется более объективным, рискует быть поверхностным, поскольку он игнорирует уникальность каждого случая. Второй подход, напротив, приводит к прямому субъективизму, поскольку каждому судье представляется свой собственный образ того, как «обычный человек» должен был отреагировать в аналогичной ситуации. Следствием этого становится противоречивость судебной практики - суды могут по-разному интерпретировать одни и те же фактические обстоятельства дела. Так, например, по статистике судебного департамента на 2024 год за убийство при превышении пределов необходимой обороны было осуждено 143 человека из которых за год оправдано было только 8 человек. Отсутствие количественных или фиксированных признаков (например, порогов по вреду или средствам) усложняет оценку соразмерности, особенно в стрессовых ситуациях, где обороняющийся не может точно взвесить угрозу.

Если обращаться к судебной практике, то можно рассмотреть дело Макухина А.Н., где в ноябре 2020 года гражданин Б., будучи в состоянии алкогольного опьянения, выбил калитку домовладения А. Макухина, проник в дом, вытащил находившуюся там гражданку В. за волосы на улицу и нанёс ей удары в область головы, угрожая убийством. Супруга Макухина пыталась противостоять агрессивному поведению Б., на что тот повернулся и замахнулся на неё рукой. В этот момент во двор зашёл Макухин, который, опасаясь за безопасность обеих женщин, нанёс Б. один удар в прыжке ногами в область правого бедра. В результате Б. получил перелом бедра, что было расценено как тяжкий вред здоровью. Суд первой инстанции вынес оправдательный приговор Макухину, но апелляция отменила его и направила дело на новое рассмотрение. При повторном рассмотрении суд усмотрел в действиях Макухина превышение необходимой обороны по ч. 1 ст. 114 УК РФ и признал его виновным. Мужчину приговорили к одному году ограничения свободы. Однако Верховный Суд РФ отменил все судебные акты и прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления. Суд указал, что Макухин действовал в состоянии стресса и страха за близких, а его удар был направлен на то, чтобы оттолкнуть Б. от женщин, к которым тот применял насилие [4].

Требовать в таких условиях точной оценки соразмерности - нереалистично. Пленум пытается компенсировать это указанием на необходимость учета состояния душевного волнения, но на практике это работает не всегда. В отдельных случаях суды не принимают во внимание разъяснения, содержащиеся в пункте 14 постановления Пленума, о том, что обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства. Например, по приговору Кунцевского районного суда г. Москвы от 20 сентября 2017 года С. был осужден по части 1 статьи 114 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего К. при превышении пределов необходимой обороны. В ходе конфликта К. и Ж. напали на С., при этом у Ж. в руках был стеклянный графин. С., опасаясь за свою жизнь, отмахнулся бильярдным кием и попал им в голову К., нанеся тяжкий вред здоровью. Суд указал, что способ обороны (удар кием) был явно несоразмерен нападению, так как удар графином, руками или ногами не мог привести к таким последствиям. При этом С. являлся профессиональным игроком в бильярд и должен был осознавать последствия своего действия [5].

Доктрина уголовного права выделяет целый спектр обстоятельств, которые должны учитываться при оценке соразмерности:

1. Характер и тяжесть посягательства. Если нападение осуществляется с применением оружия или создаёт непосредственную угрозу жизни, это автоматически допускает причинение любого вреда посягающему, включая смерть.

2. Способ посягательства. Например, разбойное нападение (грабёж с применением насилия) создаёт иные правовые последствия, нежели простая кража.

3. Соотношение сил. Если обороняющееся лицо существенно слабее (женщина против мужчины, пожилой человек против молодого), это значительно расширяет допустимые пределы защиты.

4. Место, время и обстановка происходящего. Нападение в ночное время, в незнакомом месте, одиночество — всё это обстоятельства, которые влияют на возможность объективной оценки угрозы.

5. Количество посягающих. При нападении группы обороняющееся лицо вправе применить к любому из нападающих такие меры защиты, которые определяются опасностью и характером действий всей группы, а не отдельного лица.

6. Физическое и психическое состояние обороняющегося. Возраст, пол, состояние здоровья — все эти факторы должны учитываться [3, с. 25].

Парадокс заключается в том, что при наличии всех этих факторов, требующих учёта, суд должен определить, было ли несоответствие защиты и посягательства явным. Это создаёт огромное поле для судебного усмотрения и, как показывает практика, нередко приводит к различным решениям при однотипных обстоятельствах. Примеры явного несоответствия (превышения): нанесение ножевых ранений в жизненно важные органы в ответ на толчок; применение огнестрельного оружия против безоружного нарушителя, совершившего легкое посягательство; нанесение множественных ударов по лежащему на земле напавшему, после того как опасность уже миновала; причинение тяжкого вреда в ответ на оскорбление словом.

Важное изменение было внесено в часть 2.1 статьи 37 УК РФ, которая предусматривает, что "не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения". Это означает, что если посягательство было совершено неожиданно и обороняющийся не мог объективно оценить его опасность, то даже если причиненный вред больше, чем был необходим, это не считается превышением пределов обороны.

Судебная практика показывает, что наиболее сложной проблемой при доказывании является объективная оценка соразмерности защиты посягательству. Суды часто рассматривают обороняющегося как равноправного "участника конфликта", требуя от него такой же "адекватности" поведения, что и от нападающего. Это неправильно, так как обороняющийся находится в экстремальной ситуации. Кроме того, суды могут полностью игнорировать состояние стресса, испуга, замешательства обороняющегося, требуя от него холодного расчета при выборе средств защиты. Некоторые суды применяют недостижимо высокий стандарт — требуют, чтобы обороняющийся действовал так, как действовал бы "разумный человек", имевший время на анализ.

Таким образом, можно сделать вывод, что граница между правом на защиту и преступлением тонка не из-за несовершенства закона, а потому, что она находится в сфере человеческой психики и морали. Закон может установить формальные критерии, но конкретное их применение всегда требует оценки как объективных обстоятельств (способ нападения, соотношение сил, место и время), так и субъективных факторов (психологическое состояние, способность к оценке опасности, добросовестность убеждения).

Верховный Суд РФ в своих новейших разъяснениях движется в правильном направлении: всё больше учитываются психологические реалии, всё чаще признаётся, что стресс и испуг существенно влияют на способность обороняющегося к адекватной оценке ситуации. Однако нижестоящие суды часто не следуют этим указаниям, применяя формальный подход.

Ключ к решению проблемы лежит в том, чтобы суды проводили тщательный индивидуализированный анализ каждого случая, принимая во внимание не только объективные факты нападения, но и психологическое состояние обороняющегося, его способность к оценке опасности в условиях стресса и испуга. Только в этом случае можно гарантировать, что право на необходимую оборону станет реальным правом, а не формальной декларацией, которая нарушается каждый раз, когда обороняющийся вынужден защищать себя с излишней, по мнению судов, активностью.

Библиографический список

1. Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. С. 185-192
2. Кони А.Ф., «Боря» О праве необходимой обороны. М., 1866
3. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния [Электронный ресурс] // Электронно-библиотечная система USPU // URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/25140/1/RSVPU_2018_167.pdf
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС Российской Федерации от 05.09.2023 N 25-УД23-12-К4 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05092023-n-25-ud23-12-k4/>
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС Российской Федерации от 24.04.2025 N 60-УД25-3-К9 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24042025-n-60-ud25-3-k9/>
6. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / / В. В. Орехов; Ассоц. «Юридический центр». — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 215 с. — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
7. Попов, А. Н. Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны : учебное пособие / А. Н. Попов. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023 — 127, [1] с.
8. Тишкевич ИС. Условия и пределы необходимой обороны. Москва: Юридическая литература; 1969. 192 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 09.12.2025) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/
10. Судебная статистика РФ // URL: <https://stat.апппресс.пф/stats/ug/t/14/s/17>
11. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ДОГОВОРОВ

УДК 366.54

¹**Автор:** Тельнова А.В., студентка,
Сибирский институт бизнеса и
информационных технологий, г.
Омск, Россия.
E-mail: alena.tell1646@gmail.com

²**Научный руководитель:** Бугаев
К.В., канд. юрид. наук, Сибирский
институт бизнеса и информацион-
ных технологий, г. Омск, Россия.

Тельнова Алена Вячеславовна¹
Бугаев Константин Валерьевич²

Современное развитие корпоративных правоотношений в Российской Федерации обусловило необходимость формирования правовых механизмов, направленных на повышение устойчивости корпоративного управления и защиту интересов участников хозяйственных обществ. Одним из таких механизмов является корпоративный договор, который получил нормативное закрепление в российском праве сравнительно недавно. Несмотря на законодательное признание данного института, вопросы формы корпоративного договора, а также целесообразности его нотариального удостоверения остаются дискуссионными и требуют дополнительного научного осмысления [1].

Корпоративный договор был введен в российскую правовую систему в рамках реформирования гражданского законодательства и стал отражением тенденции к расширению договорных начал в корпоративном праве. До его легализации соглашения между участниками обществ существовали вне рамок прямого правового регулирования, что порождало значительные риски злоупотреблений и корпоративных конфликтов [2]. Закрепление корпоративного договора в статье 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] позволило формализовать данные соглашения, однако не устранило всех проблем, связанных с их применением, в частности – вопроса о нотариальной форме [4].

В научной литературе корпоративный договор рассматривается как особый гражданско-правовой инструмент, направленный на согласование порядка осуществления корпоративных прав и обязанностей участников общества. При этом подчеркивается, что эффективность данного инструмента во многом зависит от степени его правовой защищенности и предсказуемости последствий его исполнения [5]. В этом контексте нотариальное удостоверение корпоративного договора рассматривается рядом авторов как средство повышения

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования нотариального удостоверения корпоративных договоров в Российской Федерации. Анализируется эволюция института корпоративного договора, а также современные научные подходы к определению роли нотариата в корпоративных правоотношениях. Особое внимание уделяется исследованию действующего законодательства, регулирующего форму корпоративных договоров в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах, выявляются пробелы и противоречия нормативной базы, а также проблемы правоприменительной практики. На основе критического анализа научных публикаций и нормативных правовых актов формулируются конкретные предложения по совершенствованию гражданского и корпоративного законодательства, направленные на унификацию требований к форме корпоративных договоров и расширение превентивной функции нотариата. Сделанные выводы могут быть использованы в научной и правоприменительной деятельности, а также при дальнейшем развитии законодательства о корпоративных договорах.

Ключевые слова: корпоративный договор, нотариальное удостоверение, нотариат, корпоративные правоотношения, форма сделки, хозяйственные общества, гражданское законодательство, корпоративное управление

его юридической силы и обеспечения добросовестности участников корпоративных отношений [6].

Действующее законодательство не устанавливает общего требования об обязательном нотариальном удостоверении корпоративных договоров. В соответствии с пунктом 1 статьи 67.2 ГК РФ корпоративный договор заключается в письменной форме, при этом вопрос о нотариальном удостоверении оставлен на усмотрение сторон. Вместе с тем специальные нормы корпоративного законодательства предусматривают обязательное участие нотариуса в ряде случаев, связанных с распоряжением долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью. Такая фрагментарность правового регулирования приводит к отсутствию единообразного подхода и осложняет правоприменительную практику.

Сравнительный анализ регулирования корпоративных договоров в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах позволяет выявить существенные различия. В ООО нотариальное удостоверение фактически становится элементом корпоративного контроля, тогда как в АО корпоративный договор сохраняет преимущественно частноправовой характер. В научных исследованиях справедливо указывается, что подобная дифференциация не всегда обоснована с точки зрения природы корпоративных отношений и может негативно сказываться на защите прав участников.

Существенным недостатком действующей нормативной базы является отсутствие четкого определения правовых последствий несоблюдения нотариальной формы корпоративного договора в случаях, когда его условия затрагивают вопросы корпоративного контроля. Судебная практика по данному вопросу остается неоднородной, что подтверждается анализом арбитражных споров последних лет [10]. В ряде случаев суды отказывают в защите прав, вытекающих из корпоративного договора, ссылаясь на несоблюдение формы, в других – признают такие договоры действительными, что подрывает принцип правовой определенности.

Кроме того, в научной литературе отмечается недостаточная регламентация роли нотариуса при удостоверении корпоративных договоров.

Законодатель не определил объем правовой экспертизы условий договора и пределы ответственности нотариуса, что приводит к формальному подходу при удостоверении подобных соглашений. В результате нотариальное удостоверение не всегда выполняет свою превентивную функцию, направленную на предупреждение корпоративных конфликтов.

Дополнительного внимания требует вопрос соотношения нотариального удостоверения корпоративных договоров и принципа автономии воли участников корпоративных правоотношений. В научных публикациях неоднократно подчеркивается, что корпоративный договор представляет собой проявление частной автономии и договорной свободы, однако данная свобода ограничивается необходимостью соблюдения баланса интересов всех участников общества, а также публичными интересами, связанными с обеспечением стабильности гражданского оборота и защитой прав третьих лиц [13]. В этом контексте нотариальное удостоверение корпоративных договоров выступает не как ограничение свободы договора, а как правовой механизм, направленный на обеспечение осознанности и добросовестности волеизъявления сторон.

В доктрине корпоративного права отмечается, что значительная часть корпоративных конфликтов возникает вследствие асимметрии информации между участниками общества, а также злоупотребления корпоративными правами со стороны лиц, обладающих фактическим контролем. Корпоративные договоры, заключаемые в простой письменной форме, нередко используются для закрепления условий, которые не очевидны для всех участников или могут быть истолкованы неоднозначно. Нотариальное удостоверение в данном случае способно нивелировать указанные риски, поскольку нотариус обязан разъяснить сторонам содержание договора и правовые последствия включенных в него условий.

Особую значимость нотариальное удостоверение корпоративных договоров приобретает в ситуациях, связанных с установлением обязательств по голосованию, ограничением права

отчуждения долей или акций, а также согласованием механизмов выхода участника из общества. Указанные условия напрямую затрагивают экономические интересы участников и могут существенно влиять на распределение корпоративного контроля. Отсутствие нотариальной формы при заключении таких договоров повышает риск признания их недействительными или неприменимыми, что, в свою очередь, подрывает доверие к корпоративному договору как инструменту регулирования корпоративных отношений.

В научной литературе также подчеркивается, что нотариальное удостоверение корпоративных договоров способствует формированию единообразной правоприменительной практики. Наличие нотариального акта облегчает судам установление факта заключения договора и содержания согласованных условий, что особенно важно в условиях роста числа корпоративных споров [16]. Анализ судебной практики последних лет показывает, что корпоративные договоры, удостоверенные нотариально, реже становятся предметом споров о действительности и чаще признаются судами надлежащим доказательством согласованной воли сторон.

Отдельного внимания заслуживает влияние цифровизации нотариальной деятельности на развитие института корпоративных договоров. Внедрение электронных нотариальных реестров, возможность удаленного удостоверения сделок и использование усиленной квалифицированной электронной подписи расширяют потенциал нотариального удостоверения корпоративных соглашений. Цифровые нотариальные инструменты позволяют снизить временные и финансовые издержки участников корпоративных отношений, одновременно повышая уровень правовой защищенности и прозрачности корпоративных процессов.

С учетом выявленных проблем представляется необходимым совершенствование действующего законодательства. В частности, целесообразно внести изменения в статью 67.2 ГК РФ, установив обязательное нотариальное удостоверение корпоративных договоров в случае, если их условия прямо или косвенно направлены на распоряжение корпоративными правами либо на изменение распределения корпоративного контроля.

Указанную норму возможно сформулировать следующим образом: «Корпоративный договор подлежит нотариальному удостоверению, если его условия затрагивают вопросы распоряжения корпоративными правами либо оказывают существенное влияние на корпоративный контроль».

Дополнительно обоснованным является внесение изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федеральный закон «Об акционерных обществах», направленных на унификацию требований к форме корпоративных договоров. Также представляется целесообразным закрепить в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате обязанность нотариуса осуществлять правовую экспертизу корпоративных договоров на предмет их соответствия императивным нормам корпоративного законодательства.

Расширение и уточнение правового регулирования нотариального удостоверения корпоративных договоров отвечает современным потребностям развития корпоративного права. Комплексный подход, сочетающий законодательную конкретизацию, развитие нотариальной практики и учет научных рекомендаций, позволит повысить эффективность корпоративных договоров как инструмента регулирования корпоративных отношений и снизить уровень конфликтности в корпоративной среде.

Библиографический список

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // "Российская газета". – № 238-239. – 08.12.1994.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "Об обществах с ограниченной ответственностью" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // "Собрание законодательства РФ". – 16.02.1998. – № 7. – ст. 785.

3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09. 2025) "Об акционерных обществах" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // "Собрание законодательства РФ". – 01.01.1996. – № 1. – ст. 1.
4. Белов В.А. Эволюция корпоративных соглашений в российском праве // Закон. – 2018. – № 12. – С. 98–109.
5. Беляева О.А. Корпоративный договор в системе источников корпоративного права // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 45–56.
6. Беляева О.А., Кузнецова Н.В. Судебная практика по корпоративным договорам и роль нотариуса // Арбитражная практика. – 2022. – № 11. – С. 55–63.
7. Габов А.В. Корпоративный договор: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. – 2020. – № 3. – С. 21–33.
8. Габов А.В. Нотариат и корпоративные правоотношения: новые тенденции // Журнал предпринимательского права. – 2021. – № 5. – С. 12–20.
9. Емельянов С.А. Нотариальная форма корпоративных соглашений // Нотариус. – 2021. – № 2. – С. 14–19.
10. Кузнецова Н.В. Роль нотариуса в обеспечении стабильности корпоративных отношений // Российская юстиция. – 2022. – № 6. – С. 30–35.
11. Лаптев В.А. Свобода договора и корпоративные соглашения // Арбитражная практика. – 2019. – № 9. – С. 41–48.
12. Михеева Л.Ю. Законодательное совершенствование корпоративных договоров // Вестник гражданского права. – 2023. – № 5. – С. 34–44.
13. Михеева Л.Ю. Корпоративный договор в обществах с ограниченной ответственностью // Вестник гражданского права. – 2020. – № 4. – С. 67–78.
14. Новоселова Л.А. Корпоративные договоры в акционерных обществах: проблемы формы // Законодательство. – 2021. – № 10. – С. 52–60.
15. Новоселова Л.А. Эффективность нотариального удостоверения корпоративных договоров // Законодательство. – 2023. – № 6. – С. 41–50.
16. Романов А.А. Судебная практика по корпоративным договорам // Арбитражные споры. – 2022. – № 1. – С. 73–82.
17. Романов А.А. Унификация требований к нотариальному удостоверению корпоративных договоров // Арбитражные споры. – 2023. – № 3. – С. 22–31.
18. Сеницын С.А. Проблемы квалификации корпоративных соглашений // Гражданское право. – 2023. – № 3. – С. 25–32.
19. Суханов Е.А. Корпоративные договоры и пределы автономии воли // Вестник экономического правосудия РФ. – 2019. – № 11. – С. 90–101.
20. Суханов Е.А. Цифровизация нотариальной деятельности и корпоративные договоры // Вестник экономического правосудия РФ. – 2022. – № 8. – С. 67–75.
21. Федоренко Н.П. Унификация правового регулирования корпоративных договоров // Юрист. – 2024. – № 4. – С. 38–44.
22. Шиткина И.С. Нотариат в системе корпоративного контроля // Нотариальный вестник. – 2023. – № 7. – С. 18–24.
23. Шиткина И.С. Функции нотариуса при удостоверении корпоративных договоров // Нотариальный вестник. – 2024. – № 1. – С. 14–21.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ: *ОПЫТ ЦЕНТРА «МОЙ БИЗНЕС» (2025–2026 ГГ.)*

Гайфутдинов Максим Викторович¹
Марков Сергей Николаевич²

Малый и средний бизнес в России перестал быть дополнением к крупным корпорациям — сегодня он один из главных опорных элементов экономической устойчивости и социального благополучия [6]. Особенно это стало очевидно в последние годы: под давлением санкций, в условиях необходимости быстро замещать импорт и перестраивать целые отрасли именно МСП продемонстрировало заметную гибкость, которой часто не хватает крупным предприятиям. Эти компании создают новые рабочие места, позволяют регионам выпускать не только сырьё, но и добавленную продукцию, а значит — напрямую влияют на уровень жизни людей.

Вклад данной работы заключается в том, что стандартные федеральные тренды адаптируются под региональную специфику. Если в литературе обычно рассматривается общая цифровизация, то здесь предлагается решать проблему территориального разрыва Омской области через мобильные форматы и партнёрства с МФЦ. Кроме того, вводится расчёт показателя пост-образовательной конверсии, что позволяет оценить реальную отдачу от обучения, а не просто посчитать количество слушателей.

Вместе с тем потенциал сектора реализуется далеко не полностью. На пути предпринимателей по-прежнему стоят серьёзные барьеры: сложно получить финансирование на приемлемых условиях, не хватает квалифицированных кадров, а выход на новые рынки или простое соблюдение регуляторных требований превращается в сложную организационную зада-

УДК: 338.246.2(571.13)

¹**Автор:** Гайфутдинов М.В., студентка, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

²**Научный руководитель:** Марков С.Н., канд. экон. наук, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.
E-mail: markovsn79@mail.ru

В статье анализируется эффективность поддержки МСП в Омской области на примере центра «Мой бизнес» по итогам 2025 года. На основе отчётных данных выявлены барьеры: территориальное неравенство и бюрократия. Предложены точки роста на 2026 год: внедрение предиктивной аналитики, развитие мобильных форматов и привлечение частных экспертов для повышения адресности помощи.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, центр «Мой бизнес», Омская область, эффективность, перспективы 2026 года

чу, требующую значительных ресурсов [2]. Для перехода от качественных описаний к точным расчётам в индивидуальном проекте применяется методика оценки мультипликативного эффекта: коэффициент рассчитывается как отношение объёма привлечённых частных инвестиций к сумме выданных гарантийных обязательств. Параллельно вычисляется показатель конверсии образовательных программ — число клиентов, обратившихся за дальнейшей поддержкой в течение полугода, делится на общее количество участников обучения.

В ответ на эти вызовы государство развернуло систему поддержки, ключевым звеном которой стали центры «Мой бизнес». Созданные в рамках национального проекта по развитию предпринимательства, они должны работать как единое окно — объединить финансовые, имущественные, информационные и консультационные инструменты помощи в одном пространстве [5]. К началу 2025 года сеть охватила все регионы страны, и Омская область не стала исключением. На региональном уровне именно центр «Мой бизнес» взял на себя задачу реализации основных направлений государственной политики в сфере развития предпринимательства. В отличие от зарубежных аналогов, например, немецкой системы поддержки МСП через специализированные финансовые институты (KfW), ориентированной преимущественно на кредитование и гарантии, российская модель центров «Мой бизнес» носит универсальный характер и объединяет финансовые, консультационные и образовательные услуги в едином пространстве [7].

В период первоначального запуска «Мой бизнес» (2019–2022), успешность оценивалась по количественным показателям: общий охват аудитории, масштаб организованных форумов и число предоставленных консультаций [4]. Но к 2025–2026 годам приоритеты изменились. В работе для оценки качественных изменений применяется интегральный показатель, рассчитываемый как средневзвешенное значение индекса NPS (Net Promoter Score) и коэффициента фактического роста выручки компаний-получателей. Главными критериями теперь выступают прямое воздействие выделенных инструментов на финансовые показатели предприятий и уровень удовлетворенности предпринимателей качеством сервиса [2]. Такой подход позволяет увидеть реальную картину: где поддержка действительно работает, а где требует доработки.

Перед работой были поставлены две задачи: во-первых, объективно оценить, насколько эффективной оказалась господдержка МСП в Омской области по итогам 2025 года; во-вторых — обозначить те направления, в которых инфраструктура может обеспечить наибольшую отдачу в 2026 году [4]. Для этого были проанализированы ключевые показатели деятельности центра, выявлены основные барьеры, препятствующие предпринимателям полноценно использовать доступные инструменты, и сформулированы предложения по их устранению с учётом современных трендов — прежде всего цифровизации и персонализации помощи. Для точных расчётов в работе использовались два ключевых показателя. Первый — мультипликативный эффект: он показывает, сколько частных инвестиций привлёк каждый рубль гарантийных обязательств. Второй — коэффициент конверсии образовательных программ: какая доля выпускников в течение полугода после обучения обращается за реальной финансовой или экспортной поддержкой.

Практическая польза работы в том, что её выводы можно напрямую использовать при корректировке региональных программ поддержки. Это позволит точнее направлять бюджетные средства туда, где они действительно нужны, и избежать ситуаций, когда формально доступные меры поддержки фактически не достигают целевой аудитории из-за информационных или логистических барьеров.

В 2025 году работа омского центра «Мой бизнес» переориентировалась от простого увеличения числа клиентов к более точечной, ориентированной на реальный результат модели поддержки. Это подтверждают и цифры: за год было оказано 4 200 услуг — от консультаций до сопровождения сделок — для компаний, индивидуальных предпринимателей и самозанятых [1]. Особенно заметен рост интереса к дистанционным форматам: операторы горячей линии обработали свыше 6 000 звонков, что свидетельствует о высокой востребованности удалённых

каналов связи и постепенном повышении информированности бизнес-сообщества о существующих мерах помощи.

При этом характер запросов изменился. Если ранее преобладали обращения общего характера, то теперь акцент сместился на прикладное применение доступных инструментов. Наибольшим спросом пользуются практические услуги: помощь в выходе на экспорт, оформление поручительств и микрозаймов, а также обучение, направленное на решение конкретных задач. Только в 2025 году бесплатные образовательные программы прошли 3 200 человек — на 18% больше, чем годом ранее [1]. Подобная динамика отражает осознанную потребность омских предпринимателей в системном развитии управленческих навыков и повышении профессионального уровня сотрудников, что позволяет сразу применять полученные знания в хозяйственной деятельности.

В 2025 году особый упор был сделан именно на финансовую поддержку — ту, что напрямую влияет на возможности бизнеса расти. Благодаря 76 выданным поручительствам омские предприниматели смогли привлечь кредиты на сумму 1,15 млрд рублей [1]. Данный показатель демонстрирует высокую результативность механизма: каждый рубль, вложенный центром в гарантии, обеспечил приток около 15 млн рублей частных инвестиций в реальный сектор региона. Такая эффективность подтверждает, что финансовые инструменты действительно работают как катализатор — они позволяют компаниям не только сохранять текущую деятельность, но и расширять производство, обновлять оборудование и поддерживать оборотные средства на нужном уровне [2].

Отдельного внимания заслуживает работа с экспортом. При сопровождении центра «Мой бизнес» местные предприятия в 2025 году заключили 259 контрактов на внешних рынках на общую сумму 52,24 млн долларов [1]. Средняя стоимость одного контракта составила 200 тыс. долларов — типичный показатель для малого и среднего бизнеса, только начинающего осваивать международные площадки. Основные поставки ушли в страны СНГ, Азии и Ближнего Востока, а среди экспортной продукции лидировали изделия машиностроения, химической промышленности и АПК.

Уровень доверия к системе поддержки остаётся высоким: по итогам независимого опроса индекс удовлетворённости (NPS) составил 78 баллов. Подобный результат во многом обусловлен долей услуг, оказанных дистанционно через портал «Мой бизнес.рф» и горячую линию, которая достигла 64%. При этом среднее время получения консультации сократилось вдвое — с 5 до 2,5 дней. Такие изменения делают взаимодействие с инфраструктурой не только удобным, но и оперативным. Расчёт индекса NPS выполняется по стандартной формуле: от процентной доли промоутеров (оценки 9–10) вычитается процентная доля критиков (оценки 0–6), что даёт итоговую оценку лояльности.

Даже несмотря на позитивные количественные результаты и рост интереса к услугам, анализ работы центра за 2025 год выявил серьёзные системные проблемы, снижающие общую результативность мер поддержки. Главная из них — неравный доступ к помощи в зависимости от места регистрации бизнеса. Почти три четверти (73%) всех обращений поступают из Омска, тогда как предприниматели из северных и восточных районов области сталкиваются с объективными логистическими и информационными ограничениями. Стационарных точек присутствия недостаточно, а выездные форматы развиты слабо, из-за чего значительная часть сельского бизнеса фактически исключена из процесса получения государственной помощи [4]. Именно этот территориальный разрыв стал ключевым объектом авторского анализа: в отличие от общих федеральных трендов, в работе предлагается преодолевать его через мобильные офисы и партнёрства с МФЦ, что отличает данный проект от стандартных описаний цифровизации центров «Мой бизнес».

Вторым существенным ограничением выступает избыточная административная нагрузка. Несмотря на частичную цифровизацию процессов, средний срок рассмотрения заявок на получение поручительства по-прежнему составляет 21 день. Для микропредприятий, не ра-

сполагающих штатным юристом или бухгалтером, подготовка пакета документов требует непропорциональных временных затрат. В ходе индивидуального проекта был рассчитан коэффициент административных издержек: отношение времени, затраченного предпринимателем на сбор и подачу документов, к фактическому времени получения финансовой услуги. Высокое значение данного показателя подтверждает сохраняющиеся барьеры. Более трети (34%) клиентов, обращавшихся за финансовой помощью, отметили необходимость многократного дублирования одних и тех же документов при взаимодействии с различными инстанциями вследствие отсутствия полноценного межведомственного электронного взаимодействия [2]. В международной практике, в частности в странах ОЭСР, аналогичные проблемы решаются через внедрение принципа «once-only» (единожды введенные данные), когда ведомства автоматически обмениваются информацией из государственных реестров, что полностью исключает дублирование документов [7].

Отдельная проблема — несоответствие спроса и предложения в сфере экспертного сопровождения. Предприниматели всё чаще запрашивают узкопрофильные консультации, включая цифровую трансформацию производства, внедрение ESG-стандартов для экспорта, работы с маркетплейсами и оптимизацию бережливого производства, тогда как штатные эксперты центра оперируют преимущественно базовыми компетенциями. Для оценки данного разрыва в работе применялся индекс дефицита компетенций, рассчитываемый как доля запросов, требующих привлечения внешних специалистов, к общему числу поступивших обращений. В результате около 28% сложных задач требуют привлечения внешних специалистов, а это автоматически увеличивает сроки и снижает оперативность. В связи с этим требуется пересмотр подходов к формированию пула наставников.

Еще одним существенным ограничением является низкая интеграция образовательных программ с практической поддержкой. Из 3 200 человек, прошедших бесплатные курсы в 2025 году, лишь 15% впоследствии воспользовались другими услугами центра, такими как экспортное сопровождение, микрозаймы или консультации [1]. Данная статистика свидетельствует о том, что формат массовых вебинаров не решает задачу практического внедрения полученных знаний. Необходимо внедрение индивидуальных маршрутов, где обучение переходит в конкретные действия при поддержке наставника. Для количественной оценки данного разрыва в работе применяется показатель посткурсовой конверсии. Он рассчитывается как отношение числа выпускников, обратившихся за финансовой, экспортной или консультационной поддержкой в течение шести месяцев после завершения курса, к общему количеству участников образовательной программы.

Опираясь на итоги 2025 года, учитывая системные ограничения и текущая экономическая обстановка, повышение эффективности господдержки МСП в Омской области в 2026 году должно быть сосредоточено на нескольких конкретных направлениях. Главное из них — переход от реактивной помощи к проактивной. Вместо ожидания обращений, система должна сама инициировать взаимодействие. Для этого достаточно использовать имеющиеся данные: коды деятельности (ОКВЭД), уровень выручки, стадию развития бизнеса и историю прошлых обращений [3]. На их основе цифровые алгоритмы способны автоматически формировать индивидуальные планы развития, содержащие не абстрактные советы, а конкретные меры, актуальные для текущего этапа развития предприятия. Например, после прохождения модуля по внешнеэкономической деятельности система автоматически предложит услуги по сертификации продукции, подбору потенциальных партнёров и информацию о доступных поручительствах для экспортных контрактов [2].

Чтобы устранить территориальный дисбаланс, необходимо перенести точки оказания услуг непосредственно в районы. Партнёрство с МФЦ, местными администрациями и торгово-промышленной палатой выступает оптимальным механизмом расширения присутствия без капитальных затрат на новые помещения. В качестве дополнения предлагается организовать регулярные выездные консультации и внедрить формат передвижного офиса на базе специали-

зированной транспорта. Плановый ориентир на 2026 год — снизить долю обращений из Омска с 73% до 60%, что позволит системно интегрировать сельских предпринимателей в программу господдержки.

Качество нефинансовой помощи напрямую зависит от уровня подготовки экспертов. Штатных специалистов с базовыми компетенциями недостаточно — требуются практики, имеющие успешный опыт внедрения бережливого производства, продвижения продукции на электронных торговых площадках и адаптации к ESG-стандартам. В связи с этим в 2026 году целесообразно запустить механизм привлечения внешних менторов: действующих предпринимателей, отраслевых консультантов, сертифицированных практиков на возмездной основе или через гранты. Подобная практика позволит компенсировать дефицит узкопрофильных компетенций и повысить практическую значимость консультаций.

Снижение административной нагрузки на предпринимателей должно стать одним из приоритетов 2026 года. Для этого необходимо унифицировать заявочные формы, внедрить электронную подпись на всех этапах взаимодействия и, в первую очередь, обеспечить прямую интеграцию портала «Мой бизнес» с внутренними системами банков и гарантийных фондов. Такие шаги позволят сократить среднее время рассмотрения заявок на поручительства с текущих 21 дня до 14, а также уменьшить объём требуемых документов на 30% — это критически важно для микропредприятий, где нет штатных юристов или бухгалтеров.

Параллельно следует реализовать принцип «одного окна»: предприниматель должен иметь возможность подать один комплект документов и сразу получить доступ ко всем видам поддержки, включая поручительство, экспортное сопровождение или участие в образовательной программе [2]. Подобный подход позволит исключить дублирование информации и сократить временные затраты на получение комплексной меры поддержки.

Особого внимания требует проблема слабой интеграции образовательных программ. В настоящее время лишь около 15% выпускников впоследствии обращается за другими мерами помощи. Для повышения данного показателя необходимо внедрить систему пост-образовательного сопровождения, в рамках которой после завершения программы каждый слушатель получает персональную консультацию по вопросам применения полученных знаний в хозяйственной деятельности и подбора актуальных инструментов поддержки. Целевой ориентир на 2026 год — увеличить показатель конверсии до 30% [4]. Методика отслеживания данного показателя предполагает использование единой CRM-системы центра, позволяющей фиксировать повторные обращения выпускников в течение шести месяцев после завершения обучения и оценивать фактический переход от теории к практике.

Анализ деятельности омского центра «Мой бизнес» за 2025 год подтвердил, что система поддержки МСП в регионе вышла на стабильный уровень и демонстрирует рост востребованности. Официальные показатели — 4 200 оказанных услуг, 1,15 млрд рублей привлечённых кредитов, 259 экспортных контрактов на сумму 52,24 млн долларов и 3 200 участников образовательных программ — свидетельствуют о том, что инфраструктура обеспечивает реальное решение практических задач предпринимателей [1].

В ходе работы были выявлены системные сложности, которые ограничивают потенциал инфраструктуры. Около 73% обращений по-прежнему поступают из Омска, средний срок оформления поручительства остаётся на уровне 21 дня, наблюдается дефицит узкопрофильных экспертов, а коэффициент перехода от обучения к практике составляет всего 15% [2]. Эти барьеры свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие должно идти не за счёт увеличения количества новых услуг, а за счёт повышения качества и адресности их применения.

В 2026 году центр может перейти из консультационной площадки, в полноценный акселератор для регионального предпринимательства. Для этого необходимо внедрить предиктивную аналитику, запустить мобильные форматы, привлечь внешних специалистов и обеспечить интеграцию портала с банковскими системами [3]. Именно такое сочетание цифровых инструментов и выездной работы позволяет учесть высокую территориальную дифференциацию Ом-

ской области, что отличает данный проект от типовых федеральных решений. Реализация указанных мер позволят точнее расходовать бюджетные средства, повысить устойчивость малого бизнеса и будет способствовать долгосрочному росту экономики области.

Таблица 1. Сводные показатели деятельности центра «Мой бизнес» Омской области и целевые ориентиры на 2026 год

№ п/п	Блок показателей / Наименование показателя	Факт 2025 г.	План 2026 г.	Изменение (+/-)
1. Охват и вовлеченность предпринимателей				
1.1	Количество оказанных услуг	4 200 ед.	5 000 ед.	+19,0%
1.2	Доля услуг, оказанных дистанционно	64%	75%	+11 п.п.
1.3	Участники образовательных программ	3 200 чел.	4 000 чел.	+25,0%
2. Экономический эффект поддержки				
2.1	Объем привлеченных кредитных средств	1,15 млрд руб.	1,50 млрд руб.	+30,4%
2.2	Объем заключенных экспортных контрактов	52,24 млн долл. США	65,00 млн долл. США	+24,4%
3. Эффективность и качество сервиса				
3.1	Доля обращений из муниципальных районов	27%	40%	+13 п.п.
3.2	Средний срок рассмотрения заявок на поручительства	21 дн.	14 дн.	-33,3%
3.3	Коэффициент конверсии из обучения в практику	15%	30%	+15 п.п.
3.4	Индекс удовлетворенности (NPS)	78 баллов	85 баллов	+7 баллов

Конкретные ориентиры на конец 2026 года представлены следующими показателями: доля обращений из районов должна вырасти до 40%, время рассмотрения заявок — сократиться на 33%, конверсия из обучения в практику — увеличится (до 30%), а объём поддержанного экспорта — увеличиться на 20–25%. Достижение этих целей покажет, что господдержка в Омской области станет адресной, гибкой и ориентированной на реальный результат.

Библиографический список

1. АО, «М. Платформа «Мой бизнес.рф»: региональная статистика по Омской области / «М. АО. — Текст : электронный // мойбизнес.рф : [сайт]. — URL: <https://мойбизнес.рф/regions/omskaaya-oblast> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Иванов, С. А. Эффективность инфраструктурной поддержки МСП: методология оценки и региональная специфика / С. А. Иванов, Е. В. Петрова. — Текст : непосредственный // Экономика региона. — 2025. — № Т. 21, № 4. — С. 112–125.
3. Кузнецов, А. Н. Цифровизация государственной поддержки малого бизнеса: опыт центров «Мой бизнес» / А. Н. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Вопросы экономики. — 2025. — № 9. — С. 78–91.
4. МБУ, «Центр поддержки предпринимательства Омской области» Отчёт о деятельности центра «Мой бизнес» Омской области за 2025 год / «Центр поддержки предпринимательства Омской области» МБУ. — Текст : электронный // мойбизнес55.рф : [сайт]. — URL: <https://мойбизнес55.рф/otchetnost> (дата обращения: 02.04.2026).

5. Правительство, РФ Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»: паспорт проекта / РФ Правительство. — Текст : электронный // nationalprojects.gov.ru : [сайт]. — URL: <https://nationalprojects.gov.ru/projects/msp> (дата обращения: 02.04.2026).

6. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75355/ (дата обращения: 02.04.2026).

7. Financing SME growth in Germany. — Текст : электронный // OECD : [сайт]. — URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/07/financing-sme-growth-in-germany_16c8ab23/8f9a90e9-en.pdf (дата обращения: 07.06.2026).

АНАЛИЗ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ В СФЕРЕ ИТ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР НА ОСНОВЕ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН ЕАЭС

УДК 336.225.673:004

¹**Автор:** Зингер А.В., студентка,
Омский филиал Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации, г. Омск,
Россия.
E-mail: zng.na@mail.ru

²**Научный руководитель:** Иванова Е.В., канд. экон. наук, Омский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Омск, Россия.

Зингер Анастасия Витальевна¹
Иванова Елена Владимировна²

Введение

Современный мир и развитие любого государства уже сложно представить без информационных технологий. ИТ-сфера играет значительную роль в цифровой трансформации экономики и общества: она помогает автоматизировать многие процессы, повышает уровень информационной безопасности и делает государственные услуги более доступными для населения. Примечательно, что именно уровень развития цифровых технологий во многом влияет на конкурентоспособность страны и её позиции на мировой арене. Это становится всё более очевидным.

По этой причине государство заинтересовано в создании благоприятных условий для развития ИТ-отрасли и привлечения квалифицированных специалистов. Одним из наиболее действенных инструментов поддержки выступает налоговое стимулирование. Оно позволяет снизить финансовую нагрузку на организации и способствует их дальнейшему развитию. Что немаловажно, такие меры помогают не только отдельным компаниям, но и всей отрасли в целом, создавая условия для её устойчивого роста.

Актуальность темы связана с необходимостью дальнейшего совершенствования мер налоговой поддержки ИТ-компаний, поскольку цифровые технологии всё больше определяют темпы социально-экономического развития государства. От уровня развития информационных технологий во многом зависят эффективность государственного управления, работа организаций и, что немаловажно, качество жизни населения.

Особенно остро этот вопрос проявился в условиях внешнеэкономических ограничений и санкционного давления

В данной научной работе исследуются методы налогового стимулирования стран Евразийского экономического союза и Российской Федерации. Проведен анализ действующих механизмов налогового стимулирования в государствах ЕАЭС, а также выполнена их сравнительная характеристика. Особое внимание уделено выявлению различий в подходах к предоставлению налоговых льгот, снижению налоговой нагрузки и поддержке предпринимательской деятельности. На основе проведенного исследования определены основные преимущества и недостатки систем налогового стимулирования отдельных государств. Полученные результаты позволили выявить наиболее эффективные инструменты налоговой политики и оценить возможность их применения в Российской Федерации. В заключение разработаны рекомендации, направленные на совершенствование системы налогового стимулирования и снижение налоговой нагрузки в РФ, повышение инвестиционной привлекательности и развитие экономики страны.

Ключевые слова: налоговые стимулы, ИТ-компания, государственная поддержка, информационные технологии, страны евразийского экономического союза, налоговая политика

Именно эти факторы усилили потребность России в обеспечении технологического суверенитета и ускорении процессов импортозамещения программного обеспечения. На первый взгляд может показаться, что речь идёт только о сфере высоких технологий, однако её влияние значительно шире.

В связи с этим государство заинтересовано в формировании благоприятных условий для развития отечественной IT-отрасли. Одним из наиболее действенных инструментов такой поддержки выступают налоговые льготы и преференции. Примечательно, что развитие IT-компаний способствует не только созданию конкурентоспособных российских цифровых продуктов, но и снижению зависимости от зарубежных технологий. А это, в свою очередь, оказывает положительное влияние на укрепление национальной экономики.

Проблема налогового стимулирования IT-сектора достаточно широко освещена в работах российских ученых. Вопросы налоговой политики, а также механизмы предоставления налоговых льгот рассматриваются в трудах В.Г. Панскова, Г.Б. Поляка, М.В. Романовского и других исследователей. В научной литературе подробно изучаются особенности налогообложения организаций, влияние налоговых преференций на инвестиционную активность и развитие инновационной экономики. Вместе с тем исследования, посвященные сравнительному анализу налоговых стимулов для IT-компаний государств ЕАЭС, встречаются относительно редко. Как правило, внимание авторов сфокусировано либо на отдельных странах, либо на конкретных мерах государственной поддержки.

Научная новизна работы состоит в структурировании действующих в настоящее время налоговых стимулов для IT-компаний по базовым категориям и проведении сравнительного анализа механизмов налогового стимулирования в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Армения и Кыргызской Республике. Интересно, что исследование позволяет не только выявить преимущества и недостатки существующих моделей поддержки IT-сектора, но и сформулировать рекомендации по улучшению налогового стимулирования в Российской Федерации с учетом опыта государств ЕАЭС. Именно в этом и заключается практическая значимость проведенного анализа.

Цель данной научной работы заключается в проведении сравнительного анализа налоговых стимулов для IT-компаний в Российской Федерации и странах ЕАЭС.

Для достижения поставленной цели, необходимо решить следующие задачи:

1. Исследовать теоретическую базу IT-сферы в Российской Федерации: рассмотреть определение налогового стимулирования и изучить его классификацию;
2. Проанализировать налоговые льготы для IT-компаний в Российской Федерации;
3. Провести сравнительную характеристику налоговых льгот и мер поддержки Российской Федерации и стран ЕАЭС, определить преимущества и недостатки каждой из систем налоговых льгот и разработать рекомендации для снижения налоговой нагрузки в РФ.

Объектом данного исследования выступает налоговая политика государств в сфере поддержки IT-компаний.

Предметом данного исследования являются налоговые меры стимулирования и льготы, применяемые в отношении IT-сектора.

В написании данной научной работы применялись следующие методы исследования:

1. Анализ нормативных и законодательных актов – рассмотрение налогового законодательства стран ЕАЭС и России, которое распространяется на IT-сферу;
2. Сравнительный анализ – сопоставление налоговых стимулов и льгот применяемых для IT-компаний в странах ЕАЭС и России, выявление различий и схожих черт налоговых льгот между странами;
3. Синтез и обобщение – структуризация собранной информации на основе, которой составляются выводы, выявляются сильные и слабые стороны в налоговых стимулах у каждой страны и исходя из них рассматриваются дальнейшие перспективы развития с поправками в системе налоговых льгот.

4. Сравнительно-правовой метод — изучение особенностей правового регулирования налогового стимулирования IT-компаний в различных государствах ЕАЭС и Российской Федерации с целью выявления наиболее эффективных подходов к предоставлению налоговых льгот;

Налоговое стимулирование — это способы, применяемые органами государственной власти и органами местного самоуправления, в отношении IT-компаний, для снижения и смягчения налогового законодательства, которое на них наложено [6].

Благодаря налоговому стимулированию и снижению нагрузки на IT-компания, данная отрасль имеет свои имущественные и экономические привилегии, что увеличивает спрос на данную сферу и побуждает IT-компания к созданию новых рабочих мест [8].

Налоговые стимулы подразделяются на несколько категорий:

1. Прямые налоговые стимулы — они оказывают прямое воздействие на снижение налоговой нагрузки и характеризуются, во-первых, снижением ставки на прибыль для определенных групп в IT-сфере, таких как, резиденты IT-сферы или инновационных центров [7]. Во-вторых, освобождение от НДС (налог на добавленную стоимость) в особых случаях, таких как, продажа лицензий на ПО (программное обеспечение) и когда ПО включено в официальный реестр. В-третьих, льготы по социальным взносам, особенно это касается начинающих компаний.

2. Косвенные налоговые стимулы оказывают возмещение затрат или применяются только на определенную деятельность IT-компаний. Они направлены на инновационное развитие как продвинутых IT-компаний, так и начинающих представителей этой сферы. Косвенные налоговые стимулы представлены в виде субсидий или грантов, а также налоговых кредитов на НИОКР (научно-исследовательская и опытно-конструкторскую деятельность) и амортизационных льгот [6].

3. Региональные налоговые стимулы — они часто комбинируются с прямыми и косвенными налогами и применяются для компаний находящихся на определённой территории с целью развития там информационных технологий.

4. Смешанные и целевые налоговые стимулы — они оказывают поддержку для отдельных отраслей, таких как: разработка ПО, кибербезопасность, начинающие компании, связанные с разработкой искусственного интеллекта.

Данные категории налоговых стимулов помогают развитию как устоявшимся IT-компаниям, так и компаниям, которые находятся на этапе становления.

После подробного изучения теоретической базы налогового стимулирования, переходим к рассмотрению конкретных налоговых стимулирования и льгот, которые применяются для компаний в Российской Федерации.

Налоговые стимулы для IT-компаний содержатся в различных статьях налогового кодекса Российской Федерации. Самая значимая информация находится в п.26 пп.2 ст.149 Налогового кодекса РФ. В ней говорится о том, какие операции не подлежат налогообложению: «исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности на основании договора коммерческой концессии [1].» Данная статья является значимой, так как освобождает IT-компания от НДС при реализации ПО из реестра и передаче прав на него.

Следующая немало важная информации о налоговом стимулировании содержится в п.1.15 ст.284 НК РФ. Данная статья посвящена снижению процентных ставок в отношении налога на прибыль. В ней устанавливается для российских организаций в период с 2025-2030 налоговая ставка по налогу равная 5% и подлежащему зачислению в федеральный бюджет, а налоговая ставка по налогу, подлежащему зачислению в бюджет субъектов Российской Федерации равна 0% [1]. Данное налоговое стимулирование применяется только при выполнении условий, таких как: аккредитация и доход IT-компания должен на 70% состоять от деятельно-

сти, указанной в п.1.15 ст.284 НК РФ или в п.5 ст. 427 НК РФ соответственно [1].

Налоговые стимулы также коснулись и страховых взносов. В п.5 ст. 427 НК РФ говорится о применении упрощённой системы налогообложения для IT-компаний и соответственно снижении тарифов страховых взносов. Для IT-компаний вместо стандартной ставки 30% по налогу, применяется налоговая ставка 7,6% [1]. Данное налоговое стимулирование позволяет снизить затраты на персонал.

Представленные налоговые стимулы показывают комплексный подход государства к облегчению налоговой нагрузки для IT-компаний, тем самым демонстрируя свою поддержку IT-сектора. Все три налоговых стимула являются важнейшей частью в продвижении и развитии IT-сектора, поскольку они непосредственно снижают финансовую нагрузку и тем самым дают возможности для разработки новых информационных технологий.

Россия хоть и входит в страны ЕАЭС, поддерживая с ними единое экономическое пространство, но налоговое стимулирование имеет свои различия. Налоговые стимулы для IT-компаний в странах ЕАЭС играют одну из ключевых ролей в развитии высокотехнологичного сектора, предоставляя льготы через специальные условия и зоны.

Льготы для IT-компаний Казахстана, Армении, Беларуси и Кыргызстана крайне схожи по своей юридической сути и отражены в следующих положениях:

В республике Беларусь основным нормативным актом является Декрет Президента №8 «О развитии цифровой экономики». В данном нормативном акте применяются такие способы стимулирования, как:

1. Льготные условия налогообложения доходов сотрудников;
2. Освобождение резидентов Парка высоких технологий от налога на прибыль;
3. Освобождение НДС по ряду операций [4].

В Беларуси налоговые действуют не просто налоговые льготы, а специальный правовой режим, благодаря которому произошло создание одного из самых сильных IT-режимов в регионе. Он является отличающейся чертой в сравнении с Россией.

В Казахстане налоговые стимулирования содержатся в налоговом кодексе РК и в рамках специального режима Astana Hub. Благодаря им для сотрудников IT-компаний применяются налоговые льготы. Самым основным пунктом является освобождение от НДС, он способен достигать 0%, помимо освобождения от НДС, в налоговом кодексе также присутствует информация об освобождении от корпоративного подоходного налога [2].

В Армении действует закон «О государственной поддержке IT-сферы», в котором говорится о поддержке начинающим компаниям, которые только заходят в IT-сферу. Кроме того, применяется льготная ставка налога на прибыль и пониженный подоходный налог для сотрудников IT-компаний [5]. Исходя из выше сказанного, Армения отличается от рассмотренных стран, применением льгот для стимулирования развития новых компаний, приходящих в IT-сферу.

В Кыргызской Республике о налоговых стимулированиях упоминается в Налоговом кодексе КР, также налоговое стимулирование IT-компаний регулируется в рамках режима Парка высоких технологий [3]. Данный режим предусматривает освобождение от основных налогов и замену единым налогом с выручки. Данный режим направлен на развитие экспортно-ориентированных услуг и снижение административной нагрузки.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что хоть страны ЕАЭС имеют одно экономическое пространство, в налоговых стимулированиях есть как схожесть, так и различия. В таких странах, как Казахстан, Беларусь, Киргизия налоговое стимулирование осуществляется не только через налоговый кодекс, но и через специальные правовые режимы, такие как, технопарки и другие. Благодаря этому компании получают более сильные налоговые льготы, вплоть до полного освобождения от некоторых налогов. Данная система является более привлекательной для IT-бизнеса.

Армения больше делает уклон на поддержку молодых компаний, а в России основная

поддержка выражается в снижении налогов, страховых взносов, которые закреплены в налоговом кодексе. Это позволяет оставаться российской системе более надежной и стабильной.

Таблица 1. Сравнительный анализ налоговых стимулов для IT -компаний в Российской Федерации и странах ЕАЭС

Критерии сравнения	Российская Федерация	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Республика Армения	Кыргызская Республика
Нормативно-правовая база	НК РФ (ст. 149, 284, 427)	Декрет №8	НК+Astana Hub	Закон+НК	НК+ПВТ (Парк высоких технологий)
Модель стимулирования	Системная	ПВТ	Смешанная	Законодательная	ПВТ
Налог на прибыль	0-5%	0%	0%	Льготный	Единый налог
НДС	Освобождение (ПО)	Освобождение	Освобождение	Частично	Освобождение
Страховые взносы	~ 7,7%	Льготы	Льготы	Снижены	Снижены
Доступ к льготам	Широкий	Резиденты	Участники	Ограничен	Резиденты
Налоговая нагрузка	Средняя	Низкая	Низкая	Умеренно низкая	Очень низкая
Гибкость	Средняя	Высокая	Высокая	Средняя	Высокая
Стабильность	Высокая	Средняя	Средняя	Средняя	Средняя
Ориентация	Общая	Экспорт	Инвестиции	Стартапы	Аутсорсинг

Исходя из данных, приведенных в таблице, можно сделать вывод, что у каждой системы налоговых стимулов есть свои преимущества и недостатки. Налоговое стимулирование в Российской Федерации является одним из самых стабильных, надежных и доступных. Оно основано на нормах Налогового кодекса и распространяется на широкий круг компаний, тем самым помогая многим компаниям снизить финансовую нагрузку. Но, в тоже время в Российском налоговом стимулировании существуют свои недостатки. Даже при тех привилегиях от государства для IT-компаний, налоговая нагрузка остается значительно высокой по сравнению со странами ЕАЭС. Следует отметить, что в странах ЕАЭС, налоговое стимулирование охватывает не такой широкий круг компаний, как это происходит в России, так как там используют специальные правовые режимы. Они значительно ограничивают круг участников, которые их могут получить, но в тоже время они предоставляют существенные налоговые преференции и обладают значительно низкой налоговой нагрузкой, вплоть до её снятия с IT-компаний.

На основании выявленных недостатков и преимуществ в налоговом стимулировании государств были разработаны рекомендации по снижению налоговой нагрузки для РФ. В рекомендации входят следующие пункты:

1. Расширение налоговых льгот;

Увеличить круг компаний, для которых будут действовать налоговые льготы, методом ослабления требований для получения налоговых льгот. В качестве примера можно рассмотреть уменьшение лимитов по доле доходов IT-компаний.

2. Расширение освобождения от НДС;

С появлением на сегодняшний день достаточно большого количества новых цифровых продуктов необходимо распространить льготы на них и расширить список операций без НДС.

3. Поддержка начинающих IT-компаний;

Исходя из опыта в Республики Армении, необходимо дать стимул в развитии начинающим IT-компаниям, для этого необходимо ввести специальные льготы, применить упрощенную систему налогообложения для стартапов в IT-сфере.

4. Развитие специальных налоговых режимов.

На примере стран ЕАЭС, РФ следует активнее внедрять особые правовые режимы, которые будут создавать минимальную налоговую нагрузку и расширят круг IT-компаний.

Данные рекомендации в дальнейшем помогут РФ снизить налоговую нагрузку с IT-компаний, тем самым увеличить заинтересованность к IT-сектору, что поможет расширить список компаний, получающих налоговые льготы.

Заключение

В ходе проведенного анализа в данной научной работе о налоговых стимулах в Российской Федерации и странах ЕАЭС, были решены все поставленные задачи и благодаря этому выполнена поставленная цель: проведен сравнительный анализ налоговых стимулов для IT-компаний в Российской Федерации и странах ЕАЭС. С помощью анализа была выявлена теоретическая база налоговых стимулов в России и странах ЕАЭС, данная информация помогла выявить положительные и отрицательные стороны в налоговом стимулировании в Российской Федерации и странах ЕАЭС. Тем самым на основе всей собранной, проанализированной и структурированной информации, можно сделать вывод, что все модели практичны по-своему, следовательно выбор оптимальной модели налогового стимулирования зависит от потребностей и приоритетов государства и бизнеса: либо стабильность и масштабируемость, либо максимальное снижение налоговой нагрузки для привлечения интереса и инвестиций в IT-сферу.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/>.
2. Налоговый кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214>
3. Налоговый кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-39/edition/1286442/ru>
4. Декрет Президента Республики Беларусь №8 «О развитии цифровой экономики» от 21.12.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008>
5. Закон Республики Армения «О государственном содействии в сфере информационных технологий» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173442>
6. Пансков В.Г. Налоги и налогообложение: теория и практика : учебник для вузов. – М. : Юрайт, 2024. – 436 с.
7. Поляк Г.Б. Финансы : учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 735 с.
8. Романовский М.В., Врублевская О.В. Налоги и налогообложение : учебник. – СПб. : Питер, 2023. – 528 с.

РОСТ САМОЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ ОТ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА 2022-2024 ГОДЫ

УДК 336.22:331.105.44(470+571)

¹**Автор:** Иванова М.М., студентка, Омский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Омск, Россия.
E-mail: margoivanova2005@mail.ru

²**Научный руководитель:** Симонова Н.Ю., канд. экон. наук, Омский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Омск, Россия.

Иванова Маргарита Максимовна¹
Симонова Наталья Юрьевна²

Введение

На современном этапе развития общества и Российского государства рост самозанятости является одним из ведущих курсов трансформации рынка труда, а также системы налогообложения доходов физических лиц. Активно растущие цифровые платформы и развитие рынка предложений удалённой работы направляют граждан к активной интеграции в число самозанятых лиц, ведущих деятельность через специализированные налоговые режимы и льготные условия уплаты налоговых взносов. Планомерное увеличение числа самозанятых из года в год активно сказывается на изменении структуры налоговой базы, влияет на механизмы и каналы поступления доходов в бюджетную систему Российской Федерации, становясь не только экономическим, но и фискальным приоритетом государства, что делает выбранную исследовательскую тему наиболее актуальной для периода 2022–2024 годов.

Наибольшую роль в понимании специфики играет факт того, что самозанятость многообразна в своем проявлении. Она выступает как инструмент легализации теневых доходов, так и как фактор перераспределения налоговой нагрузки между различными категориями плательщиков. С одной стороны, объективно низкие налоговые ставки, упрощённый порядок регистрации и уплаты налоговых выплат активно подталкивают граждан на добровольной основе исполнять налоговые обязанности. Однако, с другой стороны, активный рост числа самозанятых, по мнению экспертов, может сопровождаться перераспределением части налоговой базы из привычного традиционного налога на доход физических лиц в режим с более низкой фискальной нагрузкой. Данные вероятностные из-

В статье рассмотрено влияние роста самозанятых граждан на налоговые поступления от физических лиц в 2022–2024 гг. Теоретическая база, анализ показателей и изучение усовершенствования режима НПД демонстрирует, как самозанятость способствует расширению налоговой базы, а так же легализации доходов в Российской Федерации. Однако сохраняются риски использования режима в дальнейшем, что необходимо проанализировать для более полного понимания тенденций развития налогового законодательства.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, государственное регулирование, фискальные эффекты, легализация доходов, налоговая политика, цифровизация, налоговая база

менения ставят перед государством необходимость поиска баланса между фискальными интересами и поддержкой гибких форм занятости, отказ от которых невозможен на современном этапе развития рынка труда и социальных интересов граждан.

Целью данной работы является выявление влияния роста самозанятости на динамику и структуру налоговых поступлений в бюджетную систему Российской Федерации от физических лиц в 2022–2025 годах.

Для реализации поставленной цели были поставленные следующие задачи:

1. Исследовать теоретические основы самозанятости и налогообложения доходов физических лиц, включая сущностные характеристики самозанятости, особенности применяемых налоговых режимов и заложенные в них стимулы.

2. Провести анализ институциональных и экономических факторов роста самозанятости в указанный период, уделив внимание роли государственного регулирования, цифровых платформ и изменений на рынке труда.

3. Выявить основные тенденции в динамике налоговых поступлений от физических лиц и самозанятых, а также оценить структурные изменения налоговой базы и фискальные эффекты для бюджета.

Объектом исследования в работе выступают налоговые поступления от физических лиц за выбранный период, а предметом – влияние режима самозанятости и изменения численности самозанятых на объём и структуру этих поступлений.

Методологической основой исследования являются анализ нормативно-правовых актов, регулирующих налогообложение самозанятых, изучение статистических данных, а также элементы сравнительного и трендового анализа.

Полученные результаты позволяют оценить, в какой мере рост самозанятости способствует укреплению доходной базы бюджета за счёт легализации доходов, и в какой степени он создаёт риски для традиционных источников налоговых поступлений от физических лиц.

Развитие самозанятости в России за выбранный для анализа период 2022–2024 гг. было обусловлено объединением институциональных решений со стороны государства, а так же более масштабных социально экономических сдвигов. В этот период режим налога на профессиональный доход, носящий экспериментальный характер, выступал в роли устойчивого элемента налоговой системы став инструментом легализации доходов физических лиц. Масштабы его применения росли в геометрической прогрессии, как и рост числа зарегистрированных самозанятых, по оценкам экспертов составляющий десятки миллионов человек [1].

С экономической точки зрения первостепенным фактором выступила усиленная цифровизации экономики и распространение гибких форм занятости в стране. Окончание Covid-19 зафиксировало практики удалённой и проектной работы, что повысило спрос микропредпринимательства и полностью удаленной работы. Активное использование онлайн платформ позволило большинству граждан преобразовывать в доход свои навыки, а режим НПД предложил упрощенный и экономный способ придать данной деятельности официальный статус. Самозанятость начала восприниматься как альтернативный дополнительный источник дохода, актуальный в периоды возросшей нестабильности рынка.

Институциональные факторы, в свою очередь, были связаны значительно более всего с активной политикой государства по упрощению доступа в рамках режима НПД и его расширению. Изменения законодательства закрепили специальный статус самозанятых, режим распространился на всю территорию Российской Федерации. Отсутствие необходимости вести бухгалтерский учёт и сдавать сложную отчётность, упрощенный автоматизированный расчёт налога и формирование чеков ощутимо снизили издержки на администрирование для граждан [4].

Существенным стимулом выступили так же условия самого налогового режима. Льготные ставки налога, которые были ниже НДФЛ и полное отсутствие обязательных страховых взносов при отсутствии дохода сделали самозанятость приоритетной как для тех, кто ранее на-

ходилась в тени, так и для некоторых индивидуальных предпринимателей, порой наёмных работников.

Важнейшую роль сыграла и активная интеграция самозанятых в систему экономических отношений. Они получили возможность участия в закупках, программах поддержки стартапов и малого бизнеса, имели доступ к льготному кредитованию и современной инфраструктуре. Статус самозанятого перерос из налогового режима в признанную форму предпринимательской деятельности, что в кратчайшие сроки усилило мотивацию к официальной регистрации, а также, одновременно с этим, способствовало снижению уровня безработицы в Российской Федерации.

По данным отчетов ФНС России, к концу 2022 г. число плательщиков налога на профессиональный доход превысило 6 млн. человек, при том, что совокупный объём задекларированных ими доходов с момента введения режима составлял порядка 1,5 трлн руб. По итоговым оценкам, за 2022 год выплаченный самозанятыми НПД приравнялся к 47 млрд. руб. Статистика демонстрирует масштабную легализацию экономической активности, которая ранее являлась неучтённой. Однако, не взирая на ряд нововведений и активный рост чиста самозанятых граждан РФ, НДСФЛ продолжал сохранять роль основного источника доходов бюджетной системы, постепенно меняясь за счет изменения структуры.

К 2023 году поступления от налога на профессиональный бюджет продолжали расти, в денежном эквиваленте составив 63 млрд. руб., масштабный отток сотрудников из найма, оцениваемый в 2,5-3 млн. чел за анализируемый год стал главным драйвером увеличения анализируемого налогового режима. Вместе с числом самозанятых граждан Российской Федерации вырос и доход физических лиц данной категории, поскольку руководство компаний активно интегрировало их в проектные работы или на удаленные должности. Совокупность данных факторов, в том числе цифровизация контроля со стороны ФНС, способствовали значительному увеличению налоговых поступлений.

И, за счет ряда структурных изменений, уже в 2024 гг. наблюдался особенно ускоренный рост числа самозанятых и соответствующих налоговых поступлений от данной группы граждан, продемонстрировав двукратный рост по сравнению с 2022 годом (рисунок 1). По официальным данным ФНС России, а так же Банка России, к началу 2024–2025 гг. численность официально зарегистрированных плательщиков НПД достигла 9–12 млн человек, начисленная же сумма налога на профессиональный доход за отчетный 2024 г. составила порядка 100 млрд руб. В 2025г. количество самозанятых увеличилось на 25,4%, а налоговые поступления на 36,6%. (рисунок 2). При данных показателях продолжали сохраняться высокие темпы прироста, с каждым годом к режиму присоединялись миллионы новых плательщиков, за счет чего общий объём доходов по НПД устойчиво увеличивался. На этом фоне поступления по НДСФЛ также продолжали расти номинально, но вклад самозанятых в общую сумму налогов с доходов физических лиц стал статистически значимым и поддающимся отдельному учёту.

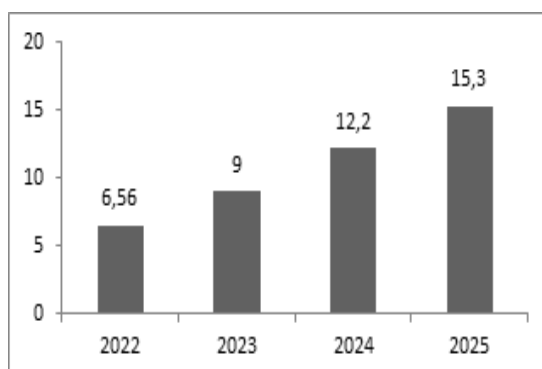

Рисунок 1. Количество самозанятых, млн. чел.

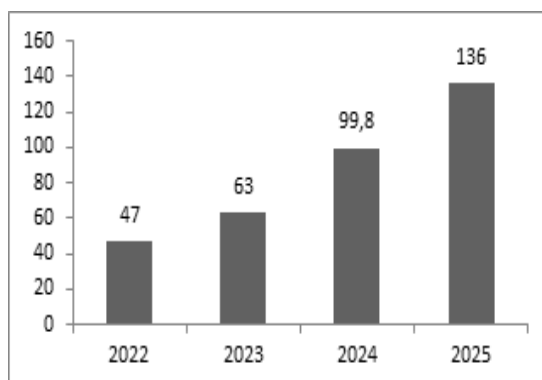

Рисунок 2. Налоговые поступления от самозанятых, НПД в млрд. руб.

Аналитический разбор влияния роста самозанятой части граждан на бюджетную систему РФ в 2022-2024 гг. демонстрирует разнящиеся фискальные эффекты. С одной стороны, бюджет претерпевает потери из-за значительной разницы ставок НПД и НДФЛ, а ежегодный рост самозанятых сотрудников только усиливает недополучение в разы. Однако, с другой стороны, микро доходы, которые ранее оставались в «тени», перешли к обложению по НПД, благодаря чему бюджет смог сгладить финансовые потери.

Структурные изменения в долгосрочной перспективе позволяют формировать более широкую налоговую базу, а упрощенная автоматизированная система создает более лояльное отношение у современного поколения налогоплательщиков. В настоящее время НПД демонстрирует высокую волатильность, что является неоднозначным трендом, поскольку именно доходы самозанятых граждан наиболее остро реагируют на падение спроса, при этом активная диверсификация за счет многообразия занимаемых ниш позволяет сглаживать колебания [5].

Немаловажными являются так же технологические и регуляторные эффекты, подразумевающие под собой, в первую очередь, снижение стоимости при администрировании, поскольку именно НПД считается первым полностью цифровым налогом. Стоимость его сбора для государства минимальна за счет отсутствия бумажной отчетности, а также проверок, требующих штата инспекторов. При этом, не смотря на ряд преимуществ, в настоящее время сохраняется неопределенность, обусловленная экспериментальным статусом НПД до 2028 года, что заставляет плательщиков опасаться значительного роста ставок, а также введения обязательных взносов, из-за чего большая доля владельцев микро бизнеса не готова к долгосрочным инвестициям.

Не смотря на количественный рост самозанятых граждан РФ, а так же введение специальных налоговых режимов и условий профессиональной деятельности, которые призваны не только упрощать их налоговые обязательства, но и быть приемлемыми для государства, существует ряд проблем анализируемого режима, так, например:

1. Годовой лимит равный 2,4 млн. руб., не подлежащий пересмотру с 2019г., покупательная способность которого падает под влиянием накопленной инфляции, это подталкивает самозанятых искусственно сдерживать доход, чтобы не переходить на менее выгодный и более сложный режим УСН;

2. Отсутствие пенсионных прав, вызванное неуплатой самозанятыми обязательных пенсионных взносов, за счет чего происходит крайне медленное накопление страхового стажа и переложение нагрузки на социальный бюджет в будущем;

3. Злоупотребление со стороны бизнеса, руководство которого навязывает штатным сотрудникам статус самозанятых в целях экономии на взносах, маскируя это под проектную деятельность;

4. Невозможность масштабирования подработки в статусе самозанятого в малый бизнес, с учетом отсутствия права найма сотрудников по трудовому договору.

Однако в настоящее время разрабатываются возможные пути оптимизации для наиболее экономически значимых проблем, в их число входит:

1. Регулярная индексация лимита, обсуждаемая в диапазоне 4,2-5 млн руб. с учетом привязки к текущему уровню инфляции и МРОТ для удержания высокооплачиваемых самозанятых сотрудников в легальном поле [2];

2. Создание переходного режима с НПД на УНС с льготным периодом при превышении текущего лимита, в целях снижения риска предпринимателей при расширении бизнеса;

3. Усиление риск ориентированного контроля с помощью искусственного интеллекта, в реальном времени отслеживающего незарегистрированную трудовую активность;

4. Налоговые социальные и имущественные вычеты для самозанятых, делающие режим более привлекательным в долгосрочной перспективе.

Совокупность проблем и направлений их урегулирования позволяет сформулировать потенциальные перспективы развития самозанятости в качестве сегмента налоговой базы. Основным вектором призвано считать становление НПД главенствующим каналом легализации микробизнеса в РФ, поскольку по предварительным оценкам, к 2030 году число самозанятых достигнет 15-18 млн. чел. Это создаст значительную подушку безопасности из лояльных налогоплательщиков, даже при относительно низких ставках будет обеспечен стабильный приток в региональный бюджет. Не менее развивающимся вектором станет синтез работы в найме (НДФЛ) и самозанятости (НПД), за счет чего бюджет будет получать как гарантированные взносы со стороны работодателя, так и дополнительные средства от подработок остальной части штата сотрудников.

В 2028 году режим НПД перестанет носить экспериментальный характер, на основе мнений экспертов он не исчезнет, а трансформируется с учетом актуальных нужд государства и будет носить прогрессивный характер, взимаемая процентная ставка будет основываться на ежегодном доходе. Развитие регулирования налоговых транзакций и межбюджетных платежей выйдет за рамки Российской Федерации, потенциально запланированная активация механизмов оплаты для самозанятых из-за рубежа будет предназначена для обложения налогом экспорта интеллектуальных услуг. НПД выступит в качестве инструмента привлечения валютной выручки в государство от самозанятых, относящихся к работе на уровне глобального рынка [3].

На основе проанализированных теоретических аспектов рассматриваемой темы и аналитических данных, можно сделать вывод о том, что рост самозанятости в России за 2022-2024 годы является основным драйвером трансформации налоговых поступлений физических лиц, что подтверждает актуальность работы в условиях стремительной цифровизации на рынке труда. Поставленная цель была полностью достигнута за счет планомерного разбора материала от теоретических составляющих до выявления проблем и направлений совершенствования текущего налога для самозанятых граждан. Теоретическая часть статьи послужила фундаментом в понимании основных принципов налогообложения самозанятых граждан для дальнейшего анализа и более углубленного изучения выбранной темы. Оценка институциональных и экономических факторов объясняет стабильный рост числа самозанятых, а также изменения в структурном соотношении НДФЛ и НПД. Анализ двойственности фискального эффекта демонстрирует способ повышения налоговой дисциплины граждан и их интеграцию в сферу кредитования. А также позволяет выявить и ряд структурных рисков, немаловажных при оценке корректности вводимых изменений со стороны государственных органов. Ряд выявленных проблем в текущем периоде позволяет определить уязвимые отрасли и потенциальные доработки со стороны законодательства для наиболее выгодного сотрудничества граждан с государством.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" (с изменениями и дополнениями) // Доступ из справ.-прав. системы Гарант.

2. Самозанятым могут увеличить лимит доходов для применения специального режима до 4,2 млн руб. 18.04.2024) // Доступ из справ.-прав. системы Гарант.
3. Что такое «налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс]. – URL: <https://npd.nalog.ru>
4. Максуров, А. А. Налоги в России: понятие, виды, система : учебное пособие / А. А. Максуров. — Москва : Русайнс, 2025. — 85 с. — ISBN 978-5-466-08632-4. — URL: <https://book.ru/book/957789>.
5. Современная налоговая система России : учебник / Л. И. Гончаренко, А. С. Адвокатова, Г. М. Гусейнова [и др.] ; под общ. ред. Л. И. Гончаренко, Р. А. Петуховой. — Москва : КноРус, 2026. — 524 с. — ISBN 978-5-406-14753-5. — URL: <https://book.ru/book/959045>.

МОДЕЛЬ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА ЛЕОНТЬЕВА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ. *ЧИСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ДЛЯ ТРЕХСЕКТОРНОЙ СИСТЕМЫ*

Ибрагимова Нурлана Афиг кызы¹

В современной экономике хозяйствующие субъекты функционируют в условиях тесной взаимозависимости. Продукция добывающей отрасли служит сырьём для обрабатывающей промышленности, промышленность поставляет оборудование для сферы услуг, а услуги транспорт, связь, логистика обеспечивают непрерывность производственных цепочек. При разработке стратегий регионального развития возникает ключевой вопрос: как изменение конечного спроса на продукцию одной отрасли отразится на всех остальных? В условиях 2024–2025 гг. нарушение производственных цепочек вследствие санкционного давления и необходимости импортозамещения требует оперативной переоценки межотраслевых балансов. Модель Леонтьева позволяет количественно оценить необходимые структурные сдвиги, что усиливает её актуальность как инструмента регионального анализа.

Количественный ответ на этот вопрос позволяет получить модель межотраслевого баланса «затраты–выпуск», созданная американским экономистом российского происхождения Василием Васильевичем Леонтьевым. Разработанная в 1930-е годы, эта модель принесла её автору Нобелевскую пре-

УДК 330.4:332.1:519.86.

¹**Автор:** Ибрагимова Н.А., студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» НИУ ВШЭ, г. Нижний Новгород, Россия
E-mail: nurlanaibragimova07@gmail.com

В статье исследуется применимость классической модели межотраслевого баланса В. Леонтьева как аналитического инструмента для оценки региональных экономических систем. Актуальность работы обусловлена необходимостью количественного измерения производственных взаимосвязей в условиях ограниченности ресурсов. В рамках численного эксперимента построена гипотетическая трехсекторная модель региональной экономики, включающая добывающий, обрабатывающий секторы и сферу услуг. Методологическую основу составили методы линейной алгебры и матричного исчисления. В ходе эксперимента рассчитаны коэффициенты прямых и полных материальных затрат, а также определены объёмы валового выпуска, необходимые для удовлетворения заданного конечного спроса. Полученные результаты подтверждают прогностическую ценность модели и позволяют выявлять структурные диспропорции регионального производства. Научная новизна исследования заключается в модификации классической модели Леонтьева путём анализа чувствительности валового выпуска к изменению коэффициентов прямых затрат, что имитирует технологические сдвиги и позволяет оценить риски структурных диспропорций.

Ключевые слова: модель Леонтьева, межотраслевой баланс, региональная экономика, трехсекторная модель, метод «затраты–выпуск», численный эксперимент, коэффициенты прямых затрат, валовой выпуск, матричный анализ, экономическое моделирование

мию в 1973 году и сегодня входит в стандарт системы национальных счетов ООН. Как отмечает Т. Л. Самков, модель позволяет не только рассчитывать необходимые объёмы производства, но и оценивать риски достижения неравновесных состояний региональной экономики. А. В. Королев подчёркивает, что игнорирование межотраслевых связей в планировании ведёт к существенным ошибкам прогноза

Цель исследования — на примере трёхсекторной модели региональной экономики продемонстрировать алгоритм расчёта балансовых соотношений и интерпретировать полученные результаты.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Составить матрицу коэффициентов прямых затрат для условной экономики, включающей добывающую, обрабатывающую отрасли и сферу услуг.
2. Найти матрицу полных затрат путём обращения матрицы $E - A$.
3. Рассчитать валовой выпуск для заданного вектора конечного спроса.
4. Проанализировать полученные коэффициенты с точки зрения экономического смысла и выявить эффект межотраслевого мультипликатора.

Научная новизна исследования заключается в адаптации классического матричного метода для наглядного анализа на примере трёхсекторной модели, где числовые значения подобраны таким образом, чтобы максимально выпукло продемонстрировать различия между прямыми и полными затратами.

Постановка балансовой задачи

Пусть экономика региона условно разделена на три укрупнённых сектора:

1. Добывающая отрасль энергетика, полезные ископаемые, первичное сырьё.
2. Обрабатывающая промышленность машиностроение, химическая, лёгкая промышленность, строительство.
3. Сфера услуг транспорт, связь, розничная торговля, образование, здравоохранение.

Валовой выпуск сектора — это стоимость всей произведённой за год продукции в млн руб.. Часть её расходуется внутри экономики: например, добывающая отрасль поставяет сырьё обрабатывающей, а обрабатывающая — оборудование для добывающей. Остаток идёт на конечное потребление население, государство, экспорт.

Обозначим:

- X_i — валовой выпуск i -го сектора,
- x_{ij} — продукция сектора i , потреблённая сектором j ,
- Y_i — конечный спрос на продукцию сектора i

Балансовые уравнения имеют вид:

$$X_1 = x_{11} + x_{12} + x_{13} + Y_1$$

$$X_2 = x_{21} + x_{22} + x_{23} + Y_2$$

$$X_3 = x_{31} + x_{32} + x_{33} + Y_3$$

Введём коэффициенты прямых затрат $a_{ij} = x_{ij}/X_j$. Они показывают, сколько продукции сектора i необходимо для выпуска одной единицы продукции сектора j .

В матричной форме система записывается как:

$$X = AX + Y$$

где X — вектор-столбец валовых выпусков, Y — вектор конечного спроса, A — матрица прямых затрат.

Перенеся AX в левую часть и вынеся X за скобки, получаем фундаментальное уравнение модели Леонтьева:

$$(E - A)X = Y$$

Отсюда:

$$X = (E - A)^{-1}Y$$

Матрица $B = (E - A)^{-1}$ называется матрицей коэффициентов полных затрат. Её элемент b_{ij} показывает, сколько всего необходимо произвести продукции сектора i , чтобы удовлетво-

рить одну единицу конечного спроса на продукцию сектора j с учётом всех прямых и косвенных связей [3]. Именно процедура обращения матрицы является вычислительным ядром метода [2, с. 112].

Исходные данные для численного эксперимента

Зададим матрицу прямых затрат A размером 3×3 :

$$A = \begin{pmatrix} 0,1 & 0,4 & 0,2 \\ 0,3 & 0,2 & 0,5 \\ 0,2 & 0,3 & 0,1 \end{pmatrix}$$

Числовые значения матрицы A соответствуют средним пропорциям российской экономики за 2020–2023 гг. по данным Росстата[6]: доля промежуточного потребления в добывающем секторе составляет около 60%, в обрабатывающем — около 70%, в сфере услуг — около 50%. Коэффициенты $a_{21}=0,3$ и $a_{32}=0,5$ отражают значительную зависимость обрабатывающей промышленности от добычи (энергоёмкость) и услуг (логистика).

Поясним смысл. *Первый столбец* (добывающая отрасль): для производства 1 рубля продукции добычи требуется 0,10 рубля собственной продукции, 0,30 рубля от обрабатывающей промышленности оборудование и 0,20 рубля услуг проектирование, логистика. Итого прямых затрат 0,60 рубля, остальное — добавленная стоимость.

Второй столбец (обрабатывающая промышленность): наиболее энергоёмкий сектор, на 1 рубль продукции тратит 0,40 рубля от добывающей отрасли, 0,20 рубля собственной продукции и 0,50 рубля услуг. Такая структура характерна для регионов с развитым третичным сектором, обслуживающим промышленность [4].

Третий столбец (сфера услуг): потребляет 0,20 рубля от добывающей отрасли, 0,50 рубля от обрабатывающей компьютеры, мебель, транспорт и 0,10 рубля собственных услуг

Вектор конечного спроса Y зададим как млн руб.:

$$Y = \begin{pmatrix} 100 \\ 50 \\ 120 \end{pmatrix}$$

Это означает, что конечные потребители (население, государство, другие регионы) предъявляют спрос на продукцию добывающей отрасли в размере 100 млн руб., обрабатывающей — 50 млн руб., услуг — 120 млн руб.

Вычислительная процедура и результаты

Формирование матрицы $E - A$

Единичная матрица E третьего порядка:

$$E = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix}$$

Вычитая A из E , получаем:

$$E - A = \begin{pmatrix} 0,9 & -0,4 & -0,2 \\ -0,3 & 0,8 & -0,5 \\ -0,2 & -0,3 & 0,9 \end{pmatrix}$$

Обращение матрицы

Обратная матрица $B = (E - A)^{-1}$ найдена методом алгебраических дополнений (расчёты опущены для краткости, итоговая матрица приведена ниже:

$$B = \frac{1}{0,315} C^T = \begin{pmatrix} 1,8095 & 1,3333 & 1,1429 \\ 1,1746 & 2,4444 & 1,6190 \\ 0,7937 & 1,1111 & 1,9048 \end{pmatrix}$$

Интерпретация результатов

Анализ матрицы полных затрат

Полученная матрица полных затрат $B=(E-A)^{-1}$ имеет вид:

$$B = \begin{pmatrix} 1,8095 & 1,3333 & 1,1429 \\ 1,1746 & 2,4444 & 1,6190 \\ 0,7937 & 1,1111 & 1,9048 \end{pmatrix}$$

Элементы этой матрицы интерпретируются следующим образом.

Диагональный элемент $b_{22}=2,4444$ означает, что для увеличения конечного спроса на продукцию обрабатывающей промышленности на 1 рубль её валовой выпуск должен вырасти на 2,44 рубля. Это вызвано необходимостью дополнительно привлекать продукцию добывающей отрасли, обрабатывающей (для самой себя) и услуг, причём каждая из этих отраслей также нуждается в продукции друг друга, порождая цепную реакцию. Данный эффект и есть межотраслевой мультипликатор [5, с. 118].

Почему мультипликатор обрабатывающей промышленности (2,44) выше, чем у добычи (1,81) и услуг (1,90)? Это объясняется структурой производственных цепочек: обрабатывающая промышленность получает сырьё от добычи, оборудование от самой себя, услуги от третьего сектора и, в свою очередь, поставяет продукцию во все три сектора. Добывающий сектор имеет более короткие цепочки (большая часть затрат — собственные ресурсы), а сфера услуг хотя и зависит от обрабатывающей промышленности (компьютеры, транспорт), но сама редко выступает поставщиком для добычи. Полученные оценки согласуются с эмпирическими данными для российской экономики [5].

Элемент $b_{11}=1,8095$ показывает, что рост конечного спроса на продукцию добывающей отрасли на 1 рубль требует увеличения её валового выпуска на 1,81 рубль.

Элемент $b_{33}=1,9048$ — для сферы услуг соответствующий мультипликатор составляет 1,90.

Значения b_{11} и b_{33} ниже, чем b_{22} , что отражает бóльшую фондёмкость и глубину межотраслевых связей обрабатывающей промышленности по сравнению с добывающей отраслью и сферой услуг.

Особого внимания заслуживают недиагональные элементы. Например, $b_{12}=1,3333$ означает, что для удовлетворения конечного спроса на продукцию обрабатывающей промышленности в размере 1 рубля необходимо произвести дополнительно 1,33 рубля продукции добывающей отрасли (сырьё, энергия). Элемент $b_{23}=1,6190$ показывает, что рост спроса на услуги на 1 рубль потребует увеличения выпуска обрабатывающей промышленности на 1,62 рубля (оборудование, транспортные средства, компьютеры для сферы услуг).

Расчёт валового выпуска

Умножим матрицу полных затрат на вектор конечного спроса: $X=$

$$\begin{pmatrix} 1,8095 & 1,3333 & 1,1429 \\ 1,1746 & 2,4444 & 1,6190 \\ 0,7937 & 1,1111 & 1,9048 \end{pmatrix} \cdot \begin{pmatrix} 100 \\ 50 \\ 120 \end{pmatrix}$$

$$X_1 = 1,8095 \cdot 100 + 1,3333 \cdot 50 + 1,1429 \cdot 120 = 180,95 + 66,665 + 137,148 \\ = 384,763$$

$$X_2 = 1,1746 \cdot 100 + 2,4444 \cdot 50 + 1,6190 \cdot 120 = 117,46 + 122,22 + 194,28 \\ = 433,96$$

$$X_3 = 0,7937 \cdot 100 + 1,1111 \cdot 50 + 1,9048 \cdot 120 = 79,37 + 55,555 + 228,576 \\ = 363,501$$

Округляя до целых миллионов рублей, получаем вектор валового выпуска:

$$X \approx \begin{pmatrix} 385 \\ 434 \\ 364 \end{pmatrix} \text{ млн руб.}$$

Таким образом, для удовлетворения конечного спроса (100 млн руб. — добывающая отрасль, 50 млн руб. — обрабатывающая, 120 млн руб. — услуги) регион должен произвести: добывающая отрасль — 385 млн руб., обрабатывающая промышленность — 434 млн руб., сфера услуг — 364 млн руб.

Сравнение валового выпуска и конечного спроса

Как показано в таблице 1, валовой выпуск по всем секторам значительно превышает конечный спрос.

Таблица 1. Сравнение валового выпуска и конечного спроса по секторам

Сектор	Конечный спрос Y (млн руб.)	Валовой выпуск X (млн руб.)	Отношение X/Y
Добывающая отрасль	100	385	3,85
Обрабатывающая промышленность	50	434	8,68
Сфера услуг	120	364	3,03

Валовой выпуск по всем секторам значительно превышает конечный спрос. Наиболее ярко это выражено в обрабатывающей промышленности: при конечном спросе 50 млн руб. выпускать необходимо 434 млн руб. — в 8,68 раза больше. Причина в том, что обрабатывающая промышленность является базовой отраслью: её продукция нужна и добывающей отрасли (оборудование), и сфере услуг (компьютеры, транспорт, мебель), и ей самой (промежуточная продукция). Косвенные потребности многократно умножают прямые.

Добывающая отрасль демонстрирует превышение в 3,85 раза, сфера услуг — в 3,03 раза. Это логично, поскольку эти секторы в меньшей степени зависят от поставок со стороны обрабатывающей промышленности.

Сравнение прямых и полных диагональных затрат

Из таблицы 2 следует, что полные затраты превышают прямые в 12–19 раз.

Таблица 2. Сравнение прямых и полных диагональных затрат

Сектор	Прямые затраты a_{ii}	Полные затраты b_{ii}	Рост (раз)
Добывающая отрасль	0,10	1,8095	18,1
Обрабатывающая промышленность	0,20	2,4444	12,2
Сфера услуг	0,10	1,9048	19,0

Полные затраты превышают прямые в 12–19 раз. Как отмечает А. В. Королёв, учёт только прямых затрат в планировании привёл бы к многократному занижению реальных потребностей в продукции и, как следствие, к дефициту [2, с. 119]. Модель Леонтьева, напротив, позволяет количественно измерить мультипликативный эффект и тем самым избежать структурных диспропорций.

Обратим внимание, что наибольший разрыв наблюдается у сферы услуг (19,0 раз) и добывающей отрасли (18,1 раза). Это объясняется тем, что даже при низких прямых затратах этих отраслей на самих себя ($a_{11}=0,10$, $a_{33}=0,10$) косвенные эффекты через обрабатывающую промышленность оказываются весьма существенными.

4.5. Анализ чувствительности модели к изменению технологических коэффициентов

Для имитации технологического сдвига (например, повышения энергоэффективности) уменьшим коэффициент прямых затрат a_{21} (поставки из добывающей отрасли в обрабатывающую) на 20%: с 0,3 до 0,24. Пересчитаем матрицу $(E-A)$ и обратную матрицу B' . При новом векторе валового выпуска $X' = B' \cdot Y$ получим: $X_1' = 372$ млн руб., $X_2' = 398$ млн руб., $X_3' = 351$ млн руб. Снижение валового выпуска обрабатывающей промышленности составило 8,3%, что показывает высокую чувствительность региональной экономики к изменениям в производственных цепочках. Такой анализ невозможен без модели полных затрат.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило эффективность модели межотраслевого баланса В. В. Леонтьева как аналитического инструмента для региональной экономики. На примере трёхсекторной модели (добывающая отрасль – обрабатывающая промышленность – сфера услуг) был реализован полный цикл расчёта: от построения матрицы прямых затрат до определения валового выпуска, необходимого для удовлетворения заданного конечного спроса.

В ходе исследования выявлена следующая экономическая закономерность: обрабатывающая промышленность является ключевым сектором региональной экономики с наибольшим мультипликативным эффектом (2,44). Следует также указать ограничения модели: линейность, постоянство коэффициентов прямых затрат, отсутствие учёта импорта и экологических ограничений.

Практическая значимость работы заключается в следующем:

(а) для региональных органов власти – полученные коэффициенты полных затрат позволяют оценить последствия закрытия градообразующих предприятий или реализации крупных инвестиционных проектов;

(б) для бизнеса – модель даёт прогноз потребностей в смежных отраслях при расширении производства;

(в) для учебного процесса – представленный алгоритм может использоваться при подготовке экономистов-аналитиков в рамках курсов по экономико-математическому моделированию.

Дальнейшее развитие исследования предполагает:

(а) переход от трёх секторов к детализированной классификации (10–15 секторов) по данным Росстата;

(б) построение временных рядов коэффициентов прямых затрат для выявления трендов (например, снижение энергоёмкости или рост доли услуг);

(в) использование реальных таблиц «затраты–выпуск» конкретного субъекта РФ.

Таким образом, модель «затраты–выпуск» В. Леонтьева, разработанная почти столетие назад, сохраняет свою актуальность и остаётся незаменимым инструментом для обоснования стратегий социально-экономического развития территорий в условиях ограниченных ресурсов и динамично меняющейся рыночной конъюнктуры.

Библиографический список

1. Королев А. В. Экономико-математические методы и моделирование : учебник и практикум для вузов / А. В. Королев. — Москва : Юрайт, 2023. — 280 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-00883-8.
2. Леонтьев В. В. Межотраслевая экономика / В. В. Леонтьев. — Москва : Экономика, 1997. — 479 с. — (Экономисты-лауреаты Нобелевской премии). — ISBN 5-282-00832-7.
3. Мазеина А. А. Использование модели Леонтьева в экономическом планировании развития отраслей / А. А. Мазеина, Е. А. Тукова // Экономика и бизнес. — 2018. — № 2. — С. 45–51.
4. Самков Т. Л. Математическое и информационное обеспечение риска достижения не-равновесного финансового межотраслевого баланса экономики региона / Т. Л. Самков // Бизнес. Образование. Право. — 2025. — № 1(70). — С. 29–43. — DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1190.
5. Зяблюк Р. Т. Межотраслевой баланс на основе модели В. В. Леонтьева и проблемы воспроизводства в экономике России / Р. Т. Зяблюк, Н. И. Титова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2012. — № 6. — С. 112–125.
6. Росстат. Таблицы «затраты–выпуск» России за 2021 год : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. — Москва, 2023. — 180 с. — ISBN 978-5-89476-543-7.

ЧЕРТЫ ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ Б.Н. ЕЛЬЦИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х – 1990-Х ГГ.

УДК 328

¹**Автор:** Большова С.А., студентка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.
E-mail: bolshovas@icloud.com

²**Научный руководитель:** Соловьев К.А., д-р. ист. наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Большова Софья Александровна¹
Соловьев Константин Анатольевич²

Актуальность темы политического лидерства, в соответствии с таким понятием как «политический образ», заключается в том, что в современном мире резко возрастает «медийная составляющая» политической деятельности и в этой связи усевается имиджевая составляющая политического лидерства [7].

В настоящее время в научном сообществе существует множество мнений о политико-психологическом типе Б.Н.Ельцина и его политическом стиле руководства. Так, по мнению Богатурова А.Д., Борис Николаевич Ельцин особенно зарубежом представлял собой образ «антисоветского политика», чья фигура для общественного мнения рассматриваемого периода ассоциировалась со свободой.

Важно отметить, что Ельцин, с точки зрения автора, стремился быть на одном уровне с первыми лицами других государств, в процессе переговоров с которыми президент использовал метод «раздевания» с целью создания иллюзии равенства между ними. Кроме того, немалую роль играет тот фактор, что российский лидер был убежден в хитрости представителей соседних государств и таил некоторую обиду на их действия по отношению к нему самому [3].

Следующий исследователь, Денисов Ю.П., оценивает образ Б.Н.Ельцина уже к концу его руководства. В статье указаны монархические черты лидерства у первого президента, включающие в себя добровольный уход и церемонию передачи власти, таким образом обозначая первого президента вершителем судьбы своего государства.

Автор делает упор на медийную составляющую, где образ Ельцина равен образу личности, чья миссия была выпо-

Данная статья посвящен анализу типологии политического лидерства Б.Н. Ельцина во второй половине 1980-х - 1990-х гг. Актуальность заключается в том, что в современном мире резко возрастает «медийная составляющая» политической деятельности и в этой связи усевается имиджевая составляющая политического лидерства. В работе определяется политико-психологический тип Б.Н. Ельцина и описывается политический стиль лидерства президента. В исследовании приведены типы политического образа государственного деятеля за весь период его руководства, а также черты, характеризующие его в каждой модели личности.

Ключевые слова: политическое лидерство, политический имидж, медийная составляющая политики

лена, и он больше не может оставаться на посту президента России. В данном случае, руководство лидера представляло собой патриархально-монархический стиль, целью которого являлось создать вокруг себя перформанс и организовать трагичный уход путем передачи власти своему преемнику [4].

В статье «Личность первого президента РФ Б. Н. Ельцина в создании и формировании российско-американских отношений» Сви́дерский А.А. оценивает Б.Н.Ельцина как радикального и жаждущего власти лидера, чья основная цель — укрепление собственной власти в государстве, а уже только после этого — решение государственных задач. В стиле руководства автор отмечает вождизм, в процессе которого лидер отказывался от рассмотрения альтернативных взглядов на то или иное явление и был намерен поступать именно так, как считал нужным и важным для себя.

Однако единственным уязвимым местом, по мнению исследователя, считается подчинение западному правительству, на чью поддержку рассчитывал Ельцин. Президент стремился нормализовать отношения с США и Европой путем выполнения их требований, что способствовало установлению их лояльности по отношению к России [12].

Исходя из изучения множества статей про политико-психологический портрет Б.Н.Ельцина и стиль его руководства, возможно определить, какие именно критерии рассмотрены.

Большое количество авторов акцентируют свое внимание на внешних характеристиках поведения и образа первого президента. В научных работах есть как плюсы, так и минусы. К положительным аспектам можно отнести глубокое анализирование специфического поведения лидера, систему его действий и принятия решений, а также представление видения политико-психологического типа. Однако основным недостатком является то, что большинство исследует внешнюю оболочку президента, стремится к пониманию его образа через сформированный имидж и публичное поведение. Исходя из этого, в современной научной среде редко встречается полноценный анализ процесса трансформации политического образа Ельцина, так как читатель может столкнуться с исследованием отдельных конкретных периодов жизни и руководства президента.

Авторский подход основывается на том, что у личности Б.Н.Ельцина отсутствовал один единственный политико-психологический тип, поскольку их было несколько, и каждый проявлял себя в разный период его политической деятельности. Чтобы понять, какие характерные черты играли важную роль, необходимо исследовать данную тему процессуально, не отделяя какой-либо этап его жизнедеятельности, а, наоборот, обозревая плавный переход одной модели поведения к другой.

Целью данной работы является проведение анализа личности Б.Н.Ельцина как политического деятеля, что позволит определить его политический тип лидерства.

В первую очередь, необходимо определить термины политико-психологического типа и политическое лидерство. Политико-психологический тип — совокупность концепций, определяющая отдельные черты лидерства политика. Исследуемое понятие включает в себя анализ мотивов, убеждений, особенностей мышления и стиля принятия управленческих решений политическими лидерами [8].

Политическое лидерство, согласно Смоляру А.В., — «особый институт власти, позволяющий отдельному лицу, группе лиц за счёт обладания решающими полномочиями в процессе принятия решений в масштабах государства, партии, движения, региона и наличия авторитета проводить определённую политическую линию» [14].

Первые элементы теории политического лидерства сформулированы Никколо Макиавелли, у которого политический лидер — это государь, спланирующий и представляющий все общество, а также использующий любые средства для поддержания общественного порядка и сохранения своего господства. К основным характеристикам лидерства по философу относятся:

- 1) авторитет, или власть лидера коренится в поддержке поклонников; 2) подчиненные

должны знать, что они могут ждать от своего лидера, и понимать, что он ждет от них; 3) лидер должен обладать волей к выживанию; 4) лидер – всегда образец мудрости и справедливости для своих поклонников [10]. В современной литературе выделяются мнение Поповой Т.С., которая отмечает, что лидеру необходимо: «а) способность лидера точно оценить ситуацию, найти оптимальные решения стоящих перед обществом проблем, мобилизовать людей на выполнение решений; б) принятие людьми идей лидера, готовность сознательно и добровольно подчиняться ему» [11].

В задачи исследования входит: а) определить политико-психологический тип Б.Н.Ельцина; б) описать политический стиль лидерства президента.

Еще до занятия поста президента РСФСР, будучи руководителем регионального партийного аппарата, политик проявлял черты бунтаря. Ярким примером является его громкое выступление на заседании в 1987 году на Октябрьском пленуме ЦК КПСС, за чем последовал его уход с поста первого секретаря Московского горкома [16]. Кроме того, Б.Н.Ельцин постоянно стремился быть в центре внимания, что выражалось в его частом выходе к народу, где будущий президент проявлял исключительно дружелюбие и уважение к правам и свободам своих сограждан.

В статье «Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации» Стрелец И.Э. отмечает, что одной из доминантных черт в политическом поведении Б.Н. Ельцина – спонтанность в принятии решений, привычка в большей степени опираться на интуицию, чем на тщательный анализ складывающейся ситуации. Яркое выражение стремление к единоличному разрешению проблем, эгоизм и чрезмерное самолюбие приводили к тому, что его политическая деятельность приобретала скандальный характер [15]. Политический тип лидерства Б.Н. Ельцина можно определить как «доминирующий», поскольку, как уже было упомянуто выше, стремление быть центром политической жизни России и оказывать влияние на окружающую среду являлось частью его целеполагания. Подобное ярко выражено в принятой им Конституции 1993 г., которую президент, как утверждает Краснов М.А. в статье «Личностный фактор в российской системе власти», создал «под себя», а в будущем гордился ею и отказывался вносить какие-либо изменения [6]. Такое действие лишь убеждает нас в том, что Б.Н.Ельцин стремился сохранить советский принцип полновластия и создать президентскую республику со слабым парламентом, что противоречило Конституции.

По мере укрепления Б.Н.Ельцина у власти, сначала в масштабах РСФСР в составе СССР, а затем и в качестве президента Российской Федерации, формировался его политический образ «избираемого монарха», в рамках которого Ельцин стремился укреплять способность к форсированному преодолению кризисных ситуаций, вследствие чего политик обретал славу и любовь, что заметно и по характеру его выступлений, с использованием ряда «катастрофических» образов [;9]. К концу своего руководства ему удалось сформировать определенный поведенческий стиль, который включал в себя «своеобразную манеру речи, осанку и царственную походку» [;16], что способствовало его восприятию населением именно как «избираемого монарха», в рамках модели «суперпрезидентской республики» [;5].

Таким образом, в современном обществе стремительно растет «медийная составляющая» политической деятельности и в этой связи усеивается имиджевая составляющая политического лидерства. В случае с Б.Н.Ельциным невозможно установить какой-либо конкретный политико-психологический тип лидерства, поскольку за всю деятельность президента его личность постоянно модернизировалась, приобретая новые черты и иную манеру подачи себя публике. Однако именно имиджевая составляющая политического лидерства Ельцина доминировала в его образе и оказывала особое влияние не только на общественное восприятие, но и на решение государственных вопросов.

В качестве базовых составляющих образа политического лидерства Ельцина можно выделить следующие черты, сохранявшиеся на протяжении всей его политической карьеры, а именно воля и решительность, благодаря которым президенту удалось внедрить в советское и

постсоветское общества новые политические идеи и реализовать их [13].

Вместе с тем необходимо отметить, что в период его борьбы за лидерство и продвижения к посту президента, ему была свойственна модель политического «бунтаря», характерными чертами которой были стремление всеми силами захватить и удержать власть в своих руках, из-за чего Б.Н.Ельцин прибегал к разным методам достижения своей цели, определение для себя определенной миссии, ради которой он шел на непредсказуемые для коллег и оппонентов шаги, что точно указывает на образ «бунтаря» [2].

Впоследствии эту модель заменила другая – «избираемого монарха», для которой были важны следующие черты: сохранение авторитарного метода руководства и восстановление в российском обществе таких традиционных ценностей, как справедливость, государственные интересы суверенитета. Однако, по большей части, данный образ сохранялся в его внешних данных: «походке, речи, жестикуляции, а не в процессе руководства страной» [1]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что политический образ Б.Н.Ельцина к концу его деятельности был направлен на создание впечатления, а не на укрепление позиций на арене с помощью полезных для России суждений и верно принятых решений.

Что касается стиля руководства первого президента, то в данном случае точно также, как и с политико-психологическим портретом, невозможно определить точный тип. В ходе государственной деятельности Б.Н.Ельцина можно выделить синергию демократических и авторитарных принципов. Демократия проявлялась в разделении власти с действовавшей группой олигархов и политической элитой, однако если решение последних не удовлетворяло потребность Ельцина, то президент отклонял их предложения и действовал, исходя из собственных интересов, что показывает черты авторитарного типа руководства.

Таким образом, фигура Бориса Николаевича Ельцина весьма разносторонняя и включает в себя большой спектр характеристик, иногда противоречащих друг другу, однако именно это и делает его личность уникальной, а методы руководства ценными для становления Российской Федерации, ибо первый президент внес в постсоветское общество нечто новое, то, что до него не имело никакого веса и значения для общественности.

Библиографический список

1. Алексеев Д.Ю. Политическое лидерство в России: основные тенденции. // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. №1. 2010. С.93-100.
2. Батурич Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф., Костиков В.В., Краснов М.А., Лившиц А.А., Никифоров К.В., Пихоя Л.Г., Сатаров Г.А. Эпоха Ельцина. // М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина. 2011. - 815 с.
3. Богатуров А.Д. Пять синдромов Ельцина и пять образов Путина: Ретроперспектива личностной дипломатии в России // Pro et Contra. - М., 2001. - Т. 6, № 1-2. - С. 122-136.
4. Денисов Ю.П. Образ Б. Н. Ельцина в российском официальном дискурсе начала 2000-го года: «Уходящий Президент» (на основе анализа «Российской газеты») // Социум и власть. 2009. № 3.
5. Кондрашев. А.А. Суперпрезидентская республика в России: Миф или реальность? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №6 (46). С.34-42.
6. Краснов М.А. Личностный фактор в российской системе власти // Власть. 2013. №1. С.188-190.
7. Линь Ч., Смирнова О. В. Медиарепрезентация политических лидеров: исследовательские подходы // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2020. № 4. С.766-773.
8. Люльчак Е.Р. Политико-психологический анализ структурных компонентов личностей политических лидеров // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 4.
9. Митрохина Т. Н. Повестка дня в дискурсе власти // Государственная служба. 2012. №2 (76). С.4-8.

10. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. - 80 с.
11. Попова Т.С. Генезис политического лидерства // Власть. 2023. №3. С.133-135.
12. Свидерский А.А. Личность первого президента РФ Б. Н. Ельцина в создании и формировании российско-американских отношений // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2018. № 2.
13. Сидорова И.В., Шинкина К.П. Борис Николаевич Ельцин как феномен политического лидерства. // Наука и образование. 2022. №2. С.1-5.
14. Смоляр А.В. Политическое лидерство: определение, типология, функции и современные тенденции развития // Вестник ЗабГУ. 2007. № 3.
15. Стрелец И.Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации. // Актуальные проблемы Европы. 2019. №2. С.182-191.
16. Стрелец И.Э. О роли личностного фактора в становлении института российского президентства (на примере президентства Б.Н.Ельцина). // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. №1. С.85-90.

СИСТЕМА ПРОГНОСТИЧЕСКИ- ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЗАДАНИЙ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ НАБЛЮДЕНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРЕДВИДЕНИЯ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Джабраиллы Умара Эльсу кызы,
Эйвазова Нигяр Араз кызы,
Джафарзаде Айдан Эльмар кызы¹
Мамедова Ирана Октай кызы²

Введение

Современные трансформационные процессы в системе образования обуславливают повышение требований к профессиональной подготовке учителя начальных классов. В условиях усложнения образовательной среды, индивидуализации обучения, цифровизации образовательного процесса и возрастающей вариативности педагогических ситуаций особую значимость приобретает способность педагога фиксировать происходящее и прогнозировать дальнейшее развитие учебно-воспитательного процесса.

В системе высшего педагогического образования Азербайджанской Республики актуализируется задача подготовки специалиста, обладающего развитым педагогическим мышлением, способного к аналитической оценке учебных ситуаций, рефлексивному осмыслению собственных действий и принятию обоснованных профессиональных решений. Подготовка будущего педагога должна сочетать усвоение теоретических знаний, освоение педагогических технологий и развитие профессионально значимых умений, связанных с анализом и проектированием образовательной деятельности [2].

УДК 37.011.3:159.9

¹**Автор:** Джабраиллы У.Э., Эйвазова Н.А., Джафарзаде А.Э., студентки, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан.

²**Научный руководитель:** Мамедова И.О., Ph.D. (по педагогике), канд. пед. наук, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан. E-mail: elchin.mamedzade110@gmail.com

В статье рассматривается система прогностически-ориентированных заданий, направленная на развитие навыков педагогического наблюдения и педагогического предвидения у будущих учителей начальных классов. Обоснована взаимосвязь наблюдения, анализа педагогической ситуации, воображаемого моделирования возможных сценариев и выбора профессионально целесообразной стратегии действий. Цель статьи заключается в теоретическом обосновании и методическом описании заданий, обеспечивающих поэтапное формирование аналитических, прогностических и рефлексивных умений студентов. На основе анализа психолого-педагогической литературы, обобщения научных подходов и моделирования учебных ситуаций предложены наблюдательный, аналитико-прогностический и рефлексивно-проектировочный блоки работы. Определены критерии, показатели и уровни сформированности рассматриваемых умений. Делается вывод о том, что систематическое применение прогностически-ориентированных заданий повышает готовность будущих педагогов к принятию обоснованных решений в условиях современной начальной школы.

Ключевые слова: педагогическое наблюдение, педагогическое предвидение, прогностически-ориентированные задания, будущие учителя начальных классов, профессиональное мышление, педагогическое воображение

Актуальность статьи определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, современный учитель начальных классов сталкивается с многообразием учебных программ, неодинаковым темпом развития обучающихся и необходимостью учитывать их возрастные и личностные особенности. Во-вторых, компетентностная модель подготовки педагога предполагает развитие аналитических, рефлексивных и прогностических умений как важных составляющих профессионального мышления [12]. В-третьих, специфика начального образования требует повышенной чувствительности к динамике развития личности ребёнка, умения своевременно замечать учебные трудности, предупреждать конфликтные ситуации и прогнозировать последствия педагогических воздействий [5].

Несмотря на признание значимости педагогического наблюдения и педагогического предвидения, в практике подготовки будущих учителей начальных классов их формирование нередко осуществляется фрагментарно и не носит системного характера. В большинстве образовательных программ акцент делается на освоении теоретических знаний и методик преподавания, тогда как развитие прогностической компетентности часто остаётся вне специально организованной методической работы.

В связи с этим возникает противоречие между объективной потребностью современной школы в педагоге, обладающем развитым педагогическим предвидением, и недостаточной методической обеспеченностью процесса формирования данного качества в системе высшего педагогического образования.

Цель исследования теоретически обосновать и методически описать систему прогностически-ориентированных заданий, направленную на развитие навыков педагогического наблюдения и педагогического предвидения у будущих учителей начальных классов.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: раскрыть сущность педагогического наблюдения и педагогического предвидения как компонентов профессионального мышления будущего учителя; выявить роль воображения в моделировании педагогических ситуаций; охарактеризовать структурные блоки системы прогностически-ориентированных заданий; определить критерии, показатели и уровни сформированности навыков наблюдения и педагогического предвидения.

Методы исследования. теоретический анализ психолого-педагогической литературы, обобщение и систематизация научных подходов, педагогическое моделирование, сравнительно-сопоставительный анализ, проектирование учебных ситуаций. Статистическая обработка данных в рамках данной статьи не применялась, поскольку работа носит теоретико-методический характер и направлена на обоснование системы заданий.

Практическая значимость состоит в возможности использования предложенной системы заданий в процессе профессиональной подготовки будущих учителей начальных классов.

Проблема формирования профессионального мышления педагога получила отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. В работах Л. С. Выготского раскрыта роль воображения и мышления в развитии личности, что позволяет рассматривать воображение не как отвлечённую фантазию, а как средство мысленного преобразования опыта [3]. С. Л. Рубинштейн обосновал деятельностный характер психических процессов, что имеет значение для понимания наблюдения как активного и осмысленного процесса [11]. В. А. Сухомлинский подчёркивал необходимость внимательного отношения учителя к внутреннему миру ребёнка и к динамике его развития [10].

В исследованиях В. И. Загвязинского педагогическое предвидение рассматривается как важная характеристика профессиональной деятельности учителя, связанная с прогнозированием последствий педагогических решений [4]. И. А. Зимняя раскрывает компетентностные основания педагогической подготовки и значение личностно-профессиональных качеств будущего специалиста [5]. Н. В. Кузьмина связывает качество подготовки педагогических кадров с развитием профессионально значимых способностей и рефлексивного анализа деятельности [7]. Подходы В. А. Сластенина, И. Ф. Исаева, Е. Н. Шиянова и Л. С. Подымовой позволяют ра-

рассматривать профессиональную подготовку учителя как целостный процесс, включающий теоретическую, методическую и инновационную составляющие [8; 9]. Л. Шульман обращает внимание на специфику педагогического знания, необходимого учителю для осмысленного принятия решений в учебном процессе [13].

Вместе с тем анализ указанных подходов показывает, что в научной литературе достаточно подробно раскрыты общие основы педагогического мышления, профессиональной компетентности и педагогического прогнозирования, однако менее разработанным остаётся вопрос о конкретной системе учебных заданий, направленных на поэтапное развитие наблюдательности и педагогического предвидения именно у будущих учителей начальных классов. Недостаточно чётко представлены критерии сформированности этих умений, последовательность их развития и способы включения прогностических заданий в вузовскую подготовку.

Педагогическое наблюдение представляет собой целенаправленный, систематический и аналитически организованный процесс восприятия и документирования проявлений деятельности и поведения обучающихся в образовательной среде [10]. В отличие от обыденного наблюдения, оно предполагает осознанную постановку цели, выделение значимых параметров анализа, интерпретацию полученных данных и включение результатов наблюдения в процесс принятия педагогических решений.

Развитие наблюдательности у будущего учителя предполагает формирование способности видеть педагогически значимые детали, выявлять причинно-следственные связи, фиксировать динамику изменений в поведении и учебной деятельности младших школьников [6]. Для учителя начальных классов это особенно важно, поскольку многие трудности ребёнка проявляются в учебных результатах и в эмоциональных реакциях, особенностях общения, степени инициативности и характере включённости в деятельность.

Педагогическое предвидение как компонент профессионального мышления рассматривается как способность учителя прогнозировать развитие образовательной ситуации, предугадывать возможные реакции обучающихся, моделировать последствия собственных педагогических воздействий и выбирать оптимальную стратегию действий [4]. В его структуре целесообразно выделить аналитический, прогностический, рефлексивный и регулятивный компоненты.

Аналитический компонент связан с осмыслением текущей педагогической ситуации. Прогностический компонент обеспечивает построение вероятностных сценариев её развития. Рефлексивный компонент предполагает оценку возможных последствий выбранных решений. Регулятивный компонент выражается в корректировке педагогических действий с учётом прогноза.

Педагогическое предвидение опирается на наблюдение как исходный этап анализа и выступает более высоким уровнем профессионального мышления [7]. Наблюдение позволяет собрать фактический материал, а предвидение — осмыслить возможное развитие ситуации и определить педагогически целесообразную линию поведения.

Особую роль в этом процессе играет воображение. В профессиональной деятельности учителя оно не сводится к фантазированию, а выполняет функцию мысленного моделирования педагогических ситуаций. Способность представить альтернативные варианты развития событий позволяет педагогу предвидеть поведенческие реакции обучающихся, прогнозировать учебные трудности, оценивать возможные риски педагогических решений и проектировать образовательные стратегии [3; 11].

Научная новизна исследования заключается в том, что уточнена структурная модель педагогического предвидения, включающая аналитический, прогностический, рефлексивный и регулятивный компоненты; теоретически обоснована роль педагогического воображения как механизма моделирования образовательных ситуаций; предложена система прогностически-ориентированных заданий для подготовки будущих учителей начальных классов; определены критерии, показатели и уровни сформированности навыков педагогического наблюдения и

и предвидения.

Формирование навыков педагогического наблюдения и педагогического предвидения у будущих учителей начальных классов предполагает системную организацию учебного процесса, ориентированную на постепенное усложнение аналитико-прогностических задач и развитие профессионального мышления студентов. Предлагаемая система основывается на принципах профессиональной направленности, поэтапности формирования умений, рефлексивности и вариативности педагогических сценариев [8; 9].

Принцип профессиональной направленности означает, что задания должны моделировать реальные ситуации начальной школы. Принцип поэтапности предполагает движение от фиксации фактов к их интерпретации, а затем к прогнозированию и проектированию педагогических действий. Принцип рефлексивности требует обязательного анализа студентами собственных решений. Принцип вариативности ориентирует будущих педагогов на рассмотрение альтернативных сценариев развития ситуации.

Методическая система включает три взаимосвязанных блока: наблюдательный, аналитико-прогностический и рефлексивно-проектировочный. Их содержание может быть представлено следующим образом.

Таблица 1. Структура системы прогностически-ориентированных заданий

Блок системы	Цель	Основной тип задания	Ожидаемый результат
Наблюдательный	Формирование способности выделять педагогически значимые признаки поведения и учебной деятельности младших школьников.	Анализ фрагмента урока, фиксация проявлений поведения, выделение существенных и второстепенных признаков.	Развитие наблюдательности, умения устанавливать причинно-следственные связи.
Аналитико-прогностический	Развитие способности моделировать возможные варианты развития педагогической ситуации.	Прогнозирование реакций ученика, оценка краткосрочных и долгосрочных последствий педагогического решения.	Формирование вероятностного мышления и умения оценивать педагогические риски.
Рефлексивно-проектировочный	Формирование способности к стратегическому планированию и самооценке педагогических действий.	Проектирование плана педагогической поддержки, определение показателей эффективности, самооценка выбранной стратегии.	Развитие стратегического педагогического мышления и готовности к корректировке действий.

Наблюдательный блок направлен на формирование способности выделять педагогически значимые признаки поведения и учебной деятельности младших школьников. Например, студентам предлагается описание фрагмента урока в начальной школе с фиксацией поведения учащихся: отвлекаемости, инициативности, затруднений при выполнении заданий, особенностей взаимодействия с одноклассниками. Студенты должны выделить педагогически значимые элементы ситуации, определить возможные причины наблюдаемых явлений и классифицировать проявления поведения по уровню учебной мотивации. Ожидаемый результат данного этапа — умение отделять существенные признаки от второстепенных и устанавливать причинно-следственные связи.

Аналитико-прогностический блок ориентирован на развитие способности моделировать возможные варианты развития педагогической ситуации. В качестве задания может быть предложена ситуация, в которой учитель публично делает замечание ученику за невыполненное домашнее задание [1]. Студенты должны предположить возможные реакции ребёнка, смоделировать краткосрочные и долгосрочные последствия выбранного способа воздействия,

предложить альтернативные стратегии поведения учителя и обосновать наиболее педагогически целесообразное решение. Ожидаемый результат — формирование навыков вероятностного мышления, умения оценивать риски и прогнозировать развитие отношений в коллективе.

Рефлексивно-проектировочный блок направлен на формирование способности к стратегическому планированию и самооценке. Например, студентам предлагается ситуация систематического снижения учебной мотивации одного из учащихся. Им необходимо разработать план педагогических действий на ближайший месяц, определить промежуточные показатели эффективности, предусмотреть возможные трудности и способы их предупреждения, а также провести самооценку обоснованности выбранной стратегии. Ожидаемый результат — развитие стратегического педагогического мышления и способности к длительному прогнозированию.

Важно, чтобы работа с подобными заданиями не ограничивалась единичным выполнением. Она должна включаться в учебный процесс систематически: в рамках практических занятий, педагогической практики, анализа кейсов, микропреподавания и рефлексивных обсуждений. Только при повторяемости и постепенном усложнении заданий формируется устойчивый переход от простого описания ситуации к её интерпретации, прогнозированию и проектированию педагогических действий.

Для оценки сформированности навыков педагогического наблюдения и педагогического предвидения целесообразно использовать когнитивный, аналитический, прогностический и рефлексивный критерии. Каждый из них отражает отдельную сторону профессионального становления будущего учителя.

Когнитивный критерий включает знание сущности педагогического наблюдения, понимание структуры педагогического предвидения и владение необходимым терминологическим аппаратом. Аналитический критерий отражает способность выявлять причинно-следственные связи, интерпретировать педагогические факты и аргументированно формулировать выводы. Прогностический критерий связан со способностью моделировать альтернативные сценарии, обосновывать прогнозы и учитывать возрастные и личностные особенности младших школьников. Рефлексивный критерий выражается в способности оценивать последствия собственных решений, готовности корректировать педагогическую стратегию и осознании профессиональной ответственности [13].

В структуре исследования целесообразно определить три уровня сформированности рассматриваемых умений. Низкий уровень — фрагментарное восприятие педагогической ситуации, отсутствие обоснованного прогноза и преобладание шаблонных решений. Средний уровень — частичная интерпретация ситуации, ограниченное прогнозирование и недостаточная аргументация выбранных действий. Высокий уровень — системный анализ педагогической ситуации, построение вероятностных сценариев, стратегическое мышление и рефлексивная оценка последствий педагогических решений.

Предложенные критерии и уровни позволяют диагностировать сформированность навыков наблюдения, педагогического предвидения и проектировать дальнейшую работу со студентами. Они дают возможность преподавателю видеть, какие именно трудности испытывает будущий педагог: недостаток теоретических знаний, слабость аналитической интерпретации, ограниченность прогноза или недостаточно развитую рефлекссию.

Проведённое теоретико-методическое исследование позволяет сделать вывод о том, что педагогическое наблюдение и педагогическое предвидение являются взаимосвязанными компонентами профессионального мышления будущего учителя начальных классов. Наблюдение обеспечивает сбор и осмысление педагогически значимой информации, тогда как предвидение позволяет прогнозировать развитие ситуации и выбирать обоснованную стратегию действий.

Педагогическое предвидение представляет собой интегративное образование, включающее аналитический, прогностический, рефлексивный и регулятивный компоненты. Важным когнитивным механизмом его развития выступает педагогическое воображение, обеспечивающее переход от фиксации фактов к мысленному моделированию возможных сценариев разви-

тия образовательной ситуации.

Предложенная система прогностически-ориентированных заданий, включающая наблюдательный, аналитико-прогностический и рефлексивно-проектировочный блоки, способствует формированию у студентов способности анализировать учебные ситуации, прогнозировать последствия педагогических решений и проектировать профессионально целесообразные действия. Определённые критерии и уровни сформированности данных умений могут быть использованы для диагностики и дальнейшего совершенствования подготовки будущих учителей начальных классов.

Целенаправленное развитие навыков педагогического наблюдения и педагогического предвидения в процессе вузовской подготовки повышает готовность будущих педагогов к принятию ответственных, гибких и обоснованных решений в условиях современной начальной школы.

Библиографический список

1. Матушак А. Ф. Педагогическое прогнозирование в системе непрерывного педагогического образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 24 с.
2. Высшее образование: педагогика. Педагогические теории, системы, технологии / под ред. С. А. Смирнова. 4-е изд., исправл. М.: Академия, 2001. 369 с.
3. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Педагогика, 1984. 288 с.
4. Загвязинский В. И. Педагогическое предвидение. М.: Педагогическое общество России, 2003. 256 с.
5. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2010. 447 с.
6. Краевский В. В. Методы педагогического исследования: учеб. пособие для студентов пед. спец. вузов. М.: Просвещение, 2005. 304 с.
7. Кузьмина Н. В. Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования: монография. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. 144 с.
8. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 576 с.
9. Сластенин В. А., Подымова Л. С. Педагогика: инновационная деятельность. М.: Магистр, 1997. 224 с.
10. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям: избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1981. 336 с.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 3-е изд. М.: Педагогика, 1989. 448 с.
12. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2009. 256 с.
13. Shulman L. S. Those Who Understand: Knowledge Growth in Teaching // Educational Researcher. 1986. Vol. 15, № 2. P. 4–14.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭМО-КУЛЬТУРА

УДК 316.75

¹**Автор:** Корженевская А.К., студентка, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.
E-mail: ging.ging.145@mail.ru

²**Научный руководитель:** Воробьева Е.Ю., канд. филос. наук, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.

Корженевская Ангелина Константиновна¹
Воробьева Елена Юрьевна²

Введение

Молодежные субкультуры неизменно присутствуют в жизни общества, начиная с XX века, удовлетворяя потребность значительной части новых поколений в самореализации, творческой активности и самовыражении [1]. Каждая субкультура разрабатывает свой комплекс установок, направленных на формирование собственной идентичности и поиска своего «Я», но временной период их популярности, обычно, не превышает десяти-двадцати лет. Тем не менее, определенные субкультуры, такие как панки, хиппи, эмо, не сходят с социальной сцены, трансформируя свой облик в соответствии с веяниями времени, и перемещаясь в виртуальное пространство. Настоящее исследование призвано дать актуальный срез ценностных ориентаций и социальных настроений в молодежном сегменте гражданского общества, связанном с установками эмо-культуры, в аксиологическом измерении.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно направлено на конкретизацию духовно-нравственных ценностей представителей субкультуры и возможности их реализации в социуме. Аксиологический потенциал эмо-культуры может оказать позитивное воздействие на трансформацию всеобщего понимания общественного блага и его реализацию.

В теоретической части исследования духовно-нравственных ценностей субкультур была рассмотрена эволюция отношения к ним от структурно-функционального подхода Бирмингемской школы культурных исследований [2] к концепции «нео-племен» М. Маффесоли [3].

Наиболее продуктивной была признана методика прямого ранжирования М. Рокича [4], позволяющая выделить терминальные и инструментальные ценности молодого поколения граждан России. Обычно ее применяют для крупномасштабных исследований, выявляя иерархии индивидуально ра-

В статье представлены результаты анализа духовно-нравственных ценностей и социальных установок современной российской эмо-культуры, являющейся феноменом виртуального пространства, формирующего мировоззрение молодежи, основанное на искренности и эмпатии. Проблема исследования заключается в противоречии между высоким потенциалом солидарности, формируемым внутри эмо-сообщества, и отстраненностью его представителей от институтов гражданского общества.

Цель работы – выявить специфику духовно-нравственных ценностей представителей эмо-культуры и определить характер их влияния на установки общества (эмпатию, толерантность, готовность к взаимопомощи, гражданскую активность) в срединном поле аксиологии и социологии. Результаты эмпирического исследования показали, что для эмо характерна уникальная иерархия ценностей и специфическое отношение к социальным проектам. Эмо-культура выполняет функцию «нишевой социализации», воспитывая нравственную личность в микросреде, но не транслирует эту активность в широкие общественные практики. Научная новизна статьи заключается в том, что она впервые конкретизирует аксиологический портрет представителей российского эмо-сообщества 2025 года в условиях его виртуализации.

зделяемых аксиологических установок общества [5]. Однако, следуя тенденции современной науки на изучение микронарративов и эволюции моральных установок внутривидовых человеческих субкультур [6], часть российских исследователей сфокусировала внимание на групповой и отраслевой специфике ценностных ориентаций [7]. Для современных исследователей характерно включение этической проблематики в содержание опросов общественного мнения, и учет ее своеобразия при анализе моральных установок социума [8].

Практическая часть исследования базируется на результатах небольшого социологического опроса, проведенного автором, о воззрениях и социальной позиции представителей эмо-культуры, позволяющей определить место и особенности данной субкультуры в молодежной среде. С применением метода анкетирования и сравнительного анализа при обработке полученных данных, дан срез ценностных ориентаций, отражающих многообразие социальных этических микронарративов и дополняющих духовно-нравственную картину российского общества.

Цель исследования: выявить специфику и содержание духовно-нравственных ценностей у представителей эмо-субкультуры, и определить характер их влияния на формирование социальных установок, релевантных для гражданского общества.

Перед началом проведения эмпирического этапа была сформулирована следующая гипотеза: гражданская активность представителей эмо-сообщества носит не макросоциальный и институциональный, а микросоциальный, личностно-ориентированный характер.

Задачи исследования были сформулированы следующим образом:

1. Определить место и особенности эмо-культуры в современной молодежной среде России.
2. Выявить базовые духовно-нравственные ценности, разделяемые и практикуемые представителями эмо-сообщества.
3. Проанализировать возможность трансформации ценностей эмо-культуры в аксиологические установки, значимые для гражданского общества: эмпатию, толерантность, готовность к взаимопомощи, формы социальной и политической активности/пассивности.

Научная статья дополняет исследования аксиологии внутривидовых субкультур, ее результаты могут быть использованы в деонтологии.

Эмо-культура как сдвиг в мировоззрении молодежи

Молодежные субкультуры обществом воспринимаются как «необходимое зло» или «детская болезнь». Определенные основания под этим отношением имеются: редко кто даже из самых активных представителей молодежных движений, остаются их участниками после 30 лет. Тем не менее, исследо-

В отличие от классических исследований, рассматривающих субкультуры как форму протеста, работа выявляет парадокс: высокий моральный потенциал группы не конвертируется в гражданскую активность, что вносит новый вклад в понимание механизмов формирования социальных установок современной молодежи.

Ключевые слова: аксиология, молодежная субкультура, эмо-сообщество, виртуальная среда, ценностные установки

ватели этой проблемы убеждены, что такой этап социализации переживает значительная часть подростков и молодежи. В современном обществе молодежь формирует нравственные установки не только в семье и школе, но и в рамках субкультур. Эти сообщества становятся важными «лабораториями», где тестируются новые модели поведения и проверяются взгляды на жизнь.

Поначалу феномен субкультур воспринимался обществом как «символическое сопротивление» существующему классовому порядку и культурному господству правящих классов. Их ценности формировались через отрицание принятых обществом норм, как форма символического сопротивления через стиль, музыку, досуг (этот подход был отражен в исследовании С. Холла и Т. Джефферсона «Сопротивление через ритуалы» [3]). Но впоследствии была принята во внимание концепция М. Маффесоли о нео-племенах, а возведенная в ранг системообразующей толерантность постмодерна признала допустимым любые способы самоидентификации и самореализации малых групп, как бы ни были они далеки от общепринятых культурных маркеров. По мнению Маффесоли, нео-племенной номадизм (бродяжничество, кочевничество) приводит к «созданию нового типа солидарности, основанной на открытости миру, толерантности и чувству единения с совокупностью всего» [4]. Но такое единение может базироваться на разных основаниях.

Для более точного позиционирования эмо-культуры в спектре молодежных субкультур мы обратились к результатам исследований субкультуры панков, возникшей в более ранние времена (1960-1979-е гг.) и более явно приверженной подходу, отмеченному Холлом и Джефферсоном. Так, в ретроспективном анализе субкультур в России, проведенном В.В. Абросимовым, отмечено, что для панков ключевыми инструментальными ценностями выступают «независимость, эпатажность и отрицание авторитетов», а их социальная активность нередко принимает форму демонстративного протеста против институциональных норм [9]. Сравнение с этими данными позволяет точнее очертить специфику эмо-культуры: в отличие от панковского отрицания «как такового», эмо-сообщество не столько протестует против внешнего мира, сколько выстраивает альтернативную микросоциальную среду, основанную на эмпатии, интимности и взаимной поддержке. Если панки склонны к публичной конфронтации, то эмо-киды — к интровертной рефлексии и уходу в пространство близких отношений, что подтверждается результатами нашего эмпирического исследования.

Эмо-культура, с ее акцентом на искренности, эмоциях и глубоких переживаниях, — яркий пример пространства, в котором объединяются одиночки. Изучение ценностей ее представителей помогает понять, как альтернативные системы ориентиров влияют на готовность таких молодых людей участвовать в жизни общества, быть ответственными гражданами.

Чаще всего эмо опознают по внешнему виду: прическе, одежде, аксессуарам. В настоящее время нечасто встретишь «настоящего эмо», потому что сообщества субкультуры перешли в интернет, где продолжают существовать, но уже не формируют особенного визуального стиля и поведения. Каждый из членов сообщества подбирает индивидуальный образ, смешивая, порой, элементы разных стилей и направлений. По мнению некоторых экспертов [10; 11], символы эмо в 2025 году выглядят не протестом против жестокости мира, а застывшей ритуальной иконографией, тихим бунтом против «токсичной позитивности», и не все приветствуют самовыражение такого рода. Таким образом, современные эмо демонстрируют не одежду и украшения, а сдвиг в мировоззрении молодого поколения, не приветствующего проявления агрессии и насилия. Эта субкультура стала важным этапом в молодежной истории, дав голос целому поколению, которое хотело говорить о своих чувствах без стыда. Она показала, что уязвимость — это не слабость, а форма смелости.

В 2025 г. было проведено анкетирование молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет (40 респондентов) посредством онлайн-опроса, размещенного на интернет-платформе для создания опросов и распространенного через тематические сообщества в социальных сетях, посвященные эмо-музыке, стилю и культуре. Анкета содержала четыре блока:

1. Социально-демографические данные.

2. Ценностный профиль эмо. Респонденту предлагалось оценить по 5-балльной шкале значимость ряда ценностей: искренность, дружба, любовь, эмпатия/сострадание, творчество, индивидуальность, ностальгия/романтизация прошлого, справедливость, внутренняя гармония, материальное благополучие. Отдельно был задан вопрос о восприятии девиза эмо: «Я за все в ответе».

3. Практики и социальные установки. Выявление поведенческих паттернов: частота и характер общения внутри сообщества, потребление культурного контента (музыка, литература, арт). Серия утверждений по шкале Лайкерта для измерения уровня эмпатии, толерантности (к мигрантам, людям с особенностями и т.д.), доверия к окружающим и институтам власти, готовности к волонтерству, оценки личного влияния на общественные процессы.

4. Гражданское самосознание. Понимание гражданственности, формы приемлемой социальной активности, участия (или неучастия) в выборах, отношение к протестным и волонтерским практикам.

Гендерный состав респондентов — 23 девушки (57,5%) и 17 юношей (42,5%). Опрошенные разделились на целевые группы:

— основная группа (50%) открыто идентифицирует себя с эмо-культурой (эмо-киды, участники сообщества);

— контрольная группа (50%) — те, кто не имеет принадлежности к субкультурам.

В основной группе преобладали респонденты в возрасте 18-22 лет (73%), большинство составили учащиеся вузов и колледжей (65%). 70% опрошенных эмо указали, что состоят в субкультуре более двух лет, что свидетельствует о устойчивости их идентификации.

Результаты опроса представлены в таблицах.

Таблица 1. Ранжирование значимости ценностей (средний балл по 5-балльной шкале)

Ценность	Группа Эмо	Контрольная группа
Искренность	4.9	4.1
Дружба	4.8	4.5
Эмпатия/сострадание	4.7	3.9
Любовь	4.7	4.3
Индивидуальность	4.5	3.8
Материальное благополучие	3.1	4.4
Карьерный успех	2.8	4.2

Для представителей эмо-культуры характерна особая иерархия духовно-нравственных ценностей, в которой на первый план выходят эмоциональная искренность, глубокие межличностные отношения (дружба, любовь), эмпатия и самовыражение, в то время как ценности материального успеха, карьеры и социального статуса оказываются менее значимыми.

Таблица 2. Установки в сфере гражданского общества (% согласных с утверждениями)

Утверждение	Группа Эмо	Контрольная группа
От моих личных действий мало что зависит в жизни страны	82%	58%
Я готов(а) участвовать в выборах	34%	67%
Я готов(а) заниматься волонтерством, чтобы помочь незнакомым людям	41%	38%
Я готов(а) помогать друзьям или знакомым в трудной ситуации	94%	88%

Духовные ценности эмо-культуры формируют высокий уровень толерантности к «другим», но связаны с социально-политическим пессимизмом и пассивностью, восприятием «внешнего» мира как враждебного и несправедливого.

Для углубленного понимания ценностных ориентаций и субъективных смыслов, вкладываемых представителями эмо-сообщества в понятия ответственности, эмпатии и гражданской активности, было проведено 5 глубинных полуструктурированных интервью с респондентами основной группы (3 девушки, 2 юноши, возраст 18–23 года). Полученные данные не только дополнили количественные результаты, но и позволили зафиксировать типичные для эмо-культуры мировоззренческие установки. Один из участников (муж., 20 лет) так описал суть своей идентичности: «Для меня эмо — это не чёлка и не чёрные джинсы. Это честность с самим собой. В mainstream-культуре не принято говорить, что тебе плохо, а у нас — можно. Это спасает». В свою очередь, другая респондентка (жен., 19 лет) прямо связала ценности сообщества с ограничением социальной активности: «Я помогаю друзьям, когда у них депрессивные эпизоды. А в выборах участвовать не вижу смысла — от меня всё равно ничего не зависит. Моя ответственность — перед теми, кто рядом». Приведенные высказывания иллюстрируют ключевую особенность эмо-культуры: высокий уровень эмпатии и ответственности в микросоциальном кругу сочетается с социально-политическим пессимизмом и недоверием к институциональным формам участия.

Таким образом, мы можем констатировать, что мировоззрение представителей эмо-культуры складывается из особого набора ценностей, которым они привержены. Первостепенное значение имеют искренность, эмпатия, тогда как материально-статусные ценности отодвинуты на задний план. В контрольной группе картина обратная — доминируют ценности успеха и благополучия.

Ответы о социальных установках респондентов демонстрируют высокий уровень эмпатии в эмо-группе. 85% респондентов-эмо полностью согласились с утверждением «Я часто переживаю проблемы других людей как свои собственные» (против 45% в контрольной группе). Аналогично, уровень декларируемой толерантности к различным социальным группам (люди с особенностями и т.д.) оказался в среднем на 30% выше, чем в контрольной группе. Особый интерес представляют ответы на вопрос о девизе: «Я за все в ответе». 68% эмо-респондентов интерпретировали его как «ответственность за чувства близких и тех, кто страдает», и только 22% — как широкую гражданскую ответственность.

Анализ гражданских установок показал, что при высоких показателях эмпатии, эмо-группа демонстрирует выраженный социально-политический пессимизм и пассивность. Выявлен ключевой парадокс: развитая эмпатия и взаимопомощь в микросреде сочетаются с неверием в системные изменения и отстраненностью от гражданских институтов. Ответственность сводится к помощи «своим» по эмоциональному импульсу и отвергает широкую ответственность перед обществом. С одной стороны, такая позиция характерна для возрастной психологии определенной части представителей молодежи, с другой — подростки и юноши, придерживающиеся такой позиции, и объединяются в субкультуру, транслирующую близкие им аксиологические установки.

Заключение

Таким образом, анализ теоретических источников и их эмпирическая верификация с применением количественного контент-анализа подтвердили гипотезу.

Для представителей эмо-культуры характерна особая иерархия духовно-нравственных ценностей, в которой на первый план выходят эмоциональная искренность, глубокие межличностные отношения (дружба, любовь), эмпатия и самовыражение, в то время как ценности материального успеха, карьеры и социального статуса оказываются менее значимыми. Духовные ценности эмо-культуры формируют высокий уровень толерантности к «другим», но связаны с социально-политическим пессимизмом и пассивностью, восприятием «внешнего» мира как враждебного и несправедливого.

Исследование показало, что эмо-культура формирует у молодежи ценностный профиль, в котором доминируют искренность, эмпатия и глубина межличностных отношений, что отличает ее от более широкой молодежной среды. Это создает парадоксальную картину: с одной стороны, развивается высокая чувствительность и готовность к поддержке в ближнем кругу, а с другой — укрепляются неверие в системные изменения и отстраненность от гражданских институтов.

Таким образом, в настоящее время эмо-культура выполняет функцию «нишевой социализации», эффективно воспитывая нравственную личность, но одновременно ограничивая ее реализацию в социуме. Социальная активность ее представителей остается в рамках микросоциальной этики, не находя выхода в широкие общественные практики. Выявленный потенциал высокой эмпатии и солидарности оказывается нереализованным на уровне общества, что указывает на целесообразность поиска механизмов вовлечения такого рода нравственных ресурсов в институты гражданского общества. Необходимо учитывать темпоральный аспект современной культуры, оперативно, по историческим меркам, подвергающей апробации и критике аксиологические установки, поначалу находящиеся в противопоставлении общепринятым, затем становящиеся приемлемой частью субкультур, и, наконец, занимающие место среди доминантных ценностей социума. Определенные ценностные константы эмо-культуры смогут в будущем дополнить и разнообразить общепринятый этический ландшафт, а ее представители будут более комфортно чувствовать себя в современном обществе.

Библиографический список

1. Костина Е.Ю. Субкультуры современности и их влияние на несовершеннолетних // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subkultury-sovremennosti-i-ih-vliyanie-na-nesovershennoletnih>.
2. Hall S., Jefferson T. (Eds). Resistance through Rituals. Youth Subcultures in Post-war Britain. London: Routledge, 1976.
3. Шубрт И. Мир постмодерна в социологии Мишеля Маффесоли // Социологические исследования. 2018. № 10 (414). С. 24-32.
4. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York, 1973. 438 p.
5. Рындина А.С. Крупномасштабные исследования ценностей: возможности и ограничения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6. С. 63-69. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.6.9>.
6. Воробьева Е.Ю. Расширение социокультурного континуума: экзистенциальные вызовы будущего в контексте аксиологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25. № 1. С. 105-113. DOI 10.37482/2687-1505-V408. EDN: QFLIBI.
7. Железный Г.Л., Железная А.Б. Ценностные ориентации в структуре профессиональной направленности личности // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т.14. № 2-3. С. 136-141.
8. Беглова Е.И. Современные молодежные субкультуры «квадроберы», «стрейтэйджеры», «паркуры»... в номинативном, этимологическом и аксиологическом аспектах // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. №1 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-molodezhnye-subkultury-kvadrobbery-streyteydzhery-parkury-v-nominativnom-etimologicheskom-i-aksiologicheskom-aspektah>.
9. Абросимов В.В. Punk not dead? Ретроспективный анализ субкультур в России // Политика и общество. 2021. № 3. С. 48-54.
10. Panasiuk M. We All Shine Like Supernovas: Emo Revival, Digital Mourning, and the Aesthetics of Damage in Post-Soviet Online Cultures // Medium. URL: <https://mediaaesthetique.medium.com/we-all-shine-like-supernovas-emo-revival-digital-mourning-and-the-aesthetics-of-damage-in-45af5ce30350>.

11. Пименова А.А. Социологическое исследование «Современные молодежные субкультуры» // Обзор.НЦПТИ. 2024. № 1 (36). С. 31-41.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рамазонава Бибисоро Олтибойовна¹
Орина Лариса Владимировна²

В условиях стремительных социокультурных трансформаций, вызванных процессами глобализации и цифровизации, обращение к исторической памяти приобретает не только научное, но и практическое значение. Она перестаёт быть лишь формой сохранения прошлого и превращается в активный инструмент формирования общественного сознания. Именно через историческую память осуществляется передача ценностей, норм и представлений, определяющих самоощущение человека в социуме. В этом контексте особую значимость приобретает анализ её влияния на формирование идентичности, прежде всего у молодёжи, как наиболее восприимчивой к изменениям социальной среды группы. Как справедливо отмечает Я. Ассман, «культурная память обеспечивает непрерывность исторического опыта, соединяя прошлое, настоящее и будущее в единую смысловую систему» [1]. Следовательно, рассмотрение исторической памяти неизбежно выводит к более широкому понятию – идентичности, без которого невозможно полноценно осмыслить роль прошлого в жизни современного общества. Для стран Центральной Азии, переживших значительные исторические трансформации, проблема формирования исторической памяти приобретает особую актуальность.

Формирование исторической памяти в странах Центральной Азии имеет сложный и многослойный характер. Существенное влияние на этот процесс оказал советский период, в рамках которого формировалась единая историческая модель.

После распада СССР государства региона начали фор-

УДК 94(5)

¹**Автор:** Рамазонава Б.О., студентка, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия.
E-mail: bias.ramazonova@mail.ru

²**Научный руководитель:** Орина Л.В., канд. пед. наук, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия.

В статье рассматривается роль исторической памяти в формировании идентичности современной молодёжи стран Центральной Азии. Актуальность исследования обусловлена усилением процессов глобализации, цифровизации и трансформации социокультурной среды, влияющих на восприятие исторического прошлого и механизмы самоидентификации. Целью работы является анализ влияния исторической памяти на формирование ценностных ориентиров и идентичности молодёжи региона. Для достижения поставленной цели были определены следующие исследовательские задачи:

1. проанализировать основные теоретические подходы к изучению исторической памяти;
 2. определить ключевые механизмы трансляции исторической памяти в странах Центральной Азии;
 3. выявить влияние образовательной среды, медиа и цифрового пространства на формирование идентичности молодёжи;
 4. сопоставить особенности политики памяти в отдельных государствах региона;
 5. определить роль исторической памяти в формировании ценностных ориентиров современной молодёжи Центральной Азии.
- Исследование носит теоретико-аналитический характер и основано на междисциплинарном подходе, объединяющем элементы культурологии, социологии молодёжи и теории исторической памяти. Методологическую основу составили:

мировать собственные национальные исторические нарративы. В государствах Центральной Азии процессы формирования исторической памяти имеют как общие, так и национально-специфические черты. Например, в Казахстане особое внимание уделяется формированию национального исторического нарратива через концепции модернизации общественного сознания и переосмысления исторического наследия. В Узбекистане акцент делается на укреплении национальной государственности и культурного наследия эпохи Темуридов. В Кыргызстане значимую роль в формировании исторической идентичности продолжают играть устные традиции и эпос «Манас», тогда как в Таджикистане важным элементом политики памяти выступает обращение к историко-культурному наследию Саманидского периода. Это проявилось в изменении содержания учебников, переоценке исторических событий и формировании новых символов национальной идентичности.

Историческая память в современной гуманитарной науке рассматривается как форма коллективного осмысления прошлого. Она включает в себя не только фактические знания, но и их интерпретацию, закреплённую в общественном сознании. Переходя к осмыслению категории идентичности, следует подчеркнуть её многослойный характер. Идентичность представляет собой не только осознание принадлежности к определённой социальной или культурной группе, но и внутреннее принятие этой принадлежности как значимой части собственной личности. Национальная идентичность, в свою очередь, формируется на основе общего исторического опыта, культурных традиций, языка и символических практик, закреплённых в общественном сознании. В этом смысле историческая память выступает фундаментом, на котором выстраивается вся система ценностных ориентиров. Как указывает М. Хальбвакс, «коллективная память формируется в рамках социальных групп и отражает их актуальные интересы и представления о прошлом» [8]. В свою очередь, П. Нора выделяет «места памяти» как ключевые элементы, через которые общество сохраняет и передаёт исторический опыт [6]. Тем самым становится очевидным, что без устойчивой исторической памяти невозможно формирование целостной идентичности, особенно в условиях современной информационной среды, где конкурируют различные интерпретации прошлого.

Осмысление данной взаимосвязи приобретает особую актуальность в контексте государственной политики памяти, которая в современных условиях выступает одним из ключевых инструментов формирования общественного сознания. Нормативно-правовая база также играет важную роль. Законы об образовании и государственные программы культурного развития закрепляют необходимость сохранения историко-культурного наследия и формирования гражданской идентичности молодёжи. Обращение к нормативно-правовой

– анализ научной литературы по проблемам коллективной и культурной памяти;
– сравнительный анализ подходов к исторической политике в странах Центральной Азии;
– интерпретативный анализ образовательных, медийных и цифровых практик трансляции исторической памяти;
– обобщение современных исследований, посвящённых молодёжной идентичности и политике памяти в постсоветском пространстве.
Сравнительный аспект исследования реализован на материале Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана с учётом особенностей государственной исторической политики, образовательных программ и медиапространства.
Рассматриваются ключевые каналы трансляции исторической памяти, включая систему образования, государственную политику памяти, семейные традиции и медиапространство. Особое внимание уделяется особенностям восприятия исторического прошлого молодёжью в условиях множественности интерпретаций и расширения информационного пространства.

Ключевые слова: историческая память, идентичность, молодёжь, Центральная Азия, национальное самосознание, культурная память, глобализация, исторический нарратив, социальная память, постсоветское пространство

базе и публичным выступлениям политических лидеров позволяет увидеть, что сохранение исторической памяти рассматривается как стратегическая задача.

В современных государствах Центральной Азии политика памяти рассматривается как важный инструмент формирования гражданской идентичности и сохранения культурного наследия. Государственные образовательные и культурные программы ориентированы на укрепление исторического сознания молодёжи и поддержку национальных исторических нарративов.

Таким образом, обращение к исторической памяти как к ключевому фактору формирования идентичности современной молодёжи логично подводит к необходимости рассмотрения механизмов её практической реализации. Если на теоретическом и нормативном уровнях историческая память закрепляется как стратегически значимая категория, то на уровне социальной практики она требует системной и многоуровневой трансляции.

Во-первых, формирование исторической памяти осуществляется через систему гражданско-патриотического воспитания, в рамках которой она приобретает не только когнитивное, но и эмоциональное измерение. Участие молодёжи в памятных мероприятиях, приуроченных к значимым историческим датам, таким как День Победы, а также в акциях памяти, позволяет сформировать личностное переживание исторического опыта. Именно через такую вовлеченность формируется устойчивая связь поколений, обеспечивающая укоренение исторической памяти в индивидуальном сознании.

Во-вторых, важнейшим каналом трансляции исторической памяти выступает деятельность средств массовой информации и медиапространства. В условиях цифровизации медиа становятся одним из ключевых источников формирования исторических представлений, предлагая различные интерпретации прошлого. При этом цифровые платформы и социальные сети становятся пространством конкуренции различных исторических интерпретаций. Молодёжь одновременно сталкивается как с официальными государственными нарративами, так и с альтернативными трактовками исторических событий, что усиливает необходимость формирования критического восприятия информации и медиаграмотности. Современные исследователи также отмечают, что цифровое пространство становится одним из ключевых факторов трансформации коллективной памяти и молодёжной идентичности [11]. Это, с одной стороны, расширяет доступ к историческому знанию, а с другой – усиливает необходимость критического осмысления информации, поскольку именно в медиасреде формируется значительная часть исторического нарратива, воспринимаемого молодёжью.

В-третьих, системообразующую роль в формировании исторической памяти выполняет система образования, которая задаёт базовые рамки понимания прошлого. Через учебные программы, образовательные стандарты и научно обоснованные интерпретации исторических событий формируется когнитивная основа идентичности. В отличие от медиапространства, образование обеспечивает систематизацию знаний и их научную достоверность.

В-четвёртых, значимым механизмом выступают семейные и культурные традиции, в рамках которых историческая память передаётся на уровне повседневной жизни. Именно в семейной среде формируются первичные представления о прошлом, закрепляются ценностные установки и происходит эмоциональное осмысление исторического опыта, что обеспечивает преемственность поколений.

В-пятых, все перечисленные механизмы функционируют в контексте государственной политики памяти, которая задаёт общее направление интерпретации исторического прошлого. Нормативно-правовая база, государственные программы и публичные выступления политических лидеров формируют единое смысловое пространство, в котором историческая память выступает как инструмент укрепления национального самосознания и формирования и формирования ценностного единства общества.

Таблица 1. Основные каналы трансляции исторической памяти в странах Центральной Азии

Страна	Основные механизмы	Особенности
Казахстан	образование, госпрограммы, медиа	модернизация исторического сознания
Узбекистан	культурное наследие, образование	укрепление национальной государственности
Кыргызстан	эпос, устная традиция, медиа	высокая роль культурной памяти
Таджикистан	историческое наследие, образование	обращение к наследию Саманидов

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что историческая память выступает ключевым фактором формирования идентичности современной молодёжи стран Центральной Азии, определяя её ценностные ориентиры, мировоззрение и социальное поведение.

Установлено, что формирование идентичности молодёжи происходит в условиях трансформации исторического сознания, обусловленной влиянием глобализации, цифровизации и множественности интерпретаций исторического прошлого. В этих условиях возрастает значение системной и целенаправленной трансляции исторической памяти.

Доказано, что основными механизмами формирования исторической памяти являются гражданско-патриотические практики, система образования, медиaprостранство, семейные и культурные традиции, а также государственная политика памяти. Их комплексное взаимодействие обеспечивает целостное восприятие исторического прошлого и способствует формированию устойчивой идентичности молодёжи.

Показано, что ослабление исторической памяти может привести к утрате культурной преемственности, снижению уровня национального самосознания и усилению влияния внешних идеологических факторов, что представляет риск для устойчивого развития общества. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке образовательных программ по гражданскому воспитанию, медиаграмотности и формированию межкультурного диалога среди молодёжи стран Центральной Азии. Представленные материалы также могут быть применены при разработке молодёжной и культурной политики.

Таким образом, историческая память в странах Центральной Азии выступает не только механизмом сохранения культурного наследия, но и важным фактором формирования гражданской и культурной идентичности молодёжи. В условиях цифровизации и трансформации информационного пространства историческая память становится важным инструментом социального конструирования идентичности, в рамках которого взаимодействуют государственные, образовательные и медиадискурсы.

Библиографический список

1. Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Ахметова Г. Идентичность казахстанской молодёжи: влияние ценностных ориентаций на формирование идентичности // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 22. № 2. С. 105-117.
3. Биссенова А., Медеуова К. Память, идентичность и нациестроительство в современной Центральной Азии // Центральназиатское обозрение. 2020. – Т. 39. № 4. С. 487-503.
4. Мусаев О. Вопросы национальной идентичности народов Центральной Азии // Журнал права и устойчивого общества. 2023. Т. 3. № 5. С. 45-53.

5. Нассимов М. Этническая идентичность: исследования центральноазиатских учёных // Журнал исследований Центральной Азии. 2024. Т. 4. С. 32-53.
6. Нора П. Места памяти. СПб.: Издательство Европейского университета, 1999. 325 с.
7. Халид А. Центральная Азия: новая история от имперских завоеваний до современности. – Принстон: Princeton University Press, 2021. 576 с.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
9. Grant C.T. Reclaiming Historical Past and Collective Public Memory: The Case of Valikhanov in Kazakhstan // Central Asia Program Papers. Washington, 2021.
10. Nassimov M. Ethnic Identity: Research by Central Asian Scientists // Journal of Central Asian Studies. 2024. Vol. 4. P. 32-53.
11. Yasseri T., Gildersleve P., David L. Collective Memory in the Digital Age // Digital Society. 2022. P. 203-226.

АГРЕССИЯ КАК ТЕЛЕСНАЯ ЭНЕРГИЯ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ ГРАНИЦ

УДК 159.964.21

¹**Автор:** Русецкая К.Е., Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск, Россия.
E-mail: rusetskaya_k@mail.ru

Русецкая Каролина Евгеньевна¹

Введение

В современной психологии наблюдается устойчивый интерес к изучению феномена агрессии. Однако значительная часть как обыденного, так и профессионального дискурса продолжает рассматривать агрессию преимущественно как деструктивное, социально неприемлемое явление, связанное с насилием и враждебностью. Такой подход, несмотря на свою распространенность, существенно ограничивает понимание природы агрессивных импульсов и их роли в психическом развитии личности.

В рамках телесно-ориентированного и биоэнергетического подходов сложилась иная традиция понимания агрессии. Основоположник биоэнергетического анализа А. Лоуэн рассматривал агрессию как фундаментальную жизненную энергию организма, обеспечивающую активное взаимодействие со средой и защиту собственных границ [2; 3]. В. Райх, развивая идеи психосоматического единства, ввел понятие «мышечного панциря» — системы хронических мышечных напряжений, блокирующих свободное течение энергии и подавляющих, в частности, агрессивные импульсы [1; 5].

Современные зарубежные исследования также подтверждают, что подавление агрессивной энергии в детском возрасте связано с риском формирования тревожных расстройств и нарушений социальной адаптации [6; 7].

Цель исследования — на основе анализа теоретических источников обосновать понимание агрессии как естественной телесной энергии развития, играющей ключевую роль в формировании личностных границ, особенно в детском возрасте, а также рассмотреть феномен детского непослушания как поведенческого выражения агрессивного импульса в системе детско-родительских отношений.

Задачи исследования:

В статье рассматривается феномен агрессии в контексте телесно-ориентированного психологического подхода. В отличие от традиционного понимания агрессии как деструктивного поведения, в биоэнергетическом и телесно-ориентированном направлениях агрессивный импульс трактуется как базовая энергия действия, обеспечивающая взаимодействие организма со средой, регуляцию дистанции в контакте и защиту личностных границ. Особое внимание уделяется детскому возрасту, в котором агрессивные проявления, включая непослушание, могут рассматриваться не как поведенческая проблема, а как естественный механизм формирования автономии и субъектности. На основе системного подхода анализируется роль семьи и эмоционального состояния родителей в возникновении и закреплении агрессивных реакций ребенка. Автор приходит к выводу, что интеграция агрессивной энергии в индивидуальный опыт является необходимым условием психологического здоровья и развития личности. Статья адресована психологам, педагогам и исследователям в области возрастной и клинической психологии.

Ключевые слова: агрессия, телесно-ориентированная психология, биоэнергетика, границы личности, непослушание, детско-родительские отношения, системная семейная психология

1. Раскрыть содержание понятия агрессии в телесно-ориентированном подходе и показать её связь с регуляцией границ контакта.
2. Проанализировать феномен детского непослушания как формы поведенческого выражения агрессивной энергии.
3. Обосновать необходимость системного подхода к пониманию детской агрессии в контексте семейных отношений.

Агрессия как фундаментальная энергия действия

В телесно-ориентированном подходе агрессия рассматривается как одна из базовых форм жизненной активности организма, связанная с направлением энергии на действие, взаимодействие со средой и защиту собственных границ. В отличие от повседневного и воспитательного дискурса, где агрессия чаще понимается как разрушительное или социально неприемлемое поведение, в телесно-ориентированной психологии данное понятие трактуется значительно шире. Здесь агрессивный импульс понимается как естественная составляющая психического и телесного функционирования человека, обеспечивающая его активное взаимодействие с окружающим миром.

В рамках такого понимания агрессия не сводится к насилию, враждебности или разрушительным действиям. Она выступает прежде всего как энергия действия, благодаря которой человек получает возможность приближаться к объекту, отдаляться от него, удерживать контакт или, напротив, завершать его. Тем самым агрессия выполняет важную регуляторную функцию: через нее человек обозначает собственные границы, защищает личное пространство и отстаивает актуальные потребности. Следовательно, агрессивный импульс в телесно-ориентированном подходе рассматривается не как исключительно негативное явление, а как необходимый механизм адаптации и саморегуляции [2; 5].

Существенно, что агрессия в данном подходе неразрывно связана с телесными процессами. Возникновение агрессивного импульса сопровождается мобилизацией организма: изменяется мышечный тонус, дыхание становится более интенсивным, тело приобретает большую собранность и направленность. Одновременно усиливается готовность к действию, что проявляется в изменении позы, направленности движения и общем повышении уровня физической активности. Посредством этих телесных изменений организм подготавливается к ответу на внешнюю ситуацию, требующую реакции, тем самым обеспечивая возможность эффективного взаимодействия со средой [2; 7].

Границы контакта и регуляция дистанции

Особое значение в телесно-ориентированном понимании агрессии имеет категория границы контакта. Любое взаимодействие человека с окружающим миром осуществляется на границе между организмом и средой, и эта граница постоянно регулируется через телесные реакции. Изменение мышечного напряжения, направление движения, приближение, отталкивание или остановка позволяют человеку управлять степенью включенности в контакт. В этом контексте агрессивный импульс выступает как телесный механизм регуляции дистанции: он позволяет приблизиться к значимому объекту, остановить внешнее воздействие, защитить собственное пространство или завершить взаимодействие, утратившее актуальность и безопасность [3; 6].

Способность ощущать, распознавать и выражать агрессивные импульсы имеет принципиальное значение для формирования личностных границ. Когда агрессивная энергия интегрируется в индивидуальный опыт, человек приобретает возможность более четко осознавать свои потребности, выдерживать напряжение контакта и сохранять устойчивость во взаимодействии с другими людьми. В противном случае личностные границы оказываются нарушенными: они могут становиться либо чрезмерно жесткими, либо, напротив, размытыми, что затрудняет регуляцию межличностных отношений и снижает адаптивные возможности личности.

Агрессия в детском возрасте как энергия развития

Особую значимость данное понимание приобретает применительно к детскому возрасту, поскольку именно в этот период формируются основные способы взаимодействия ребенка со средой. Поскольку ребенок еще не располагает в полной мере развитыми речевыми и когнитивными средствами для выражения сложных эмоциональных состояний, значительная часть внутренних переживаний проявляется через телесные и поведенческие реакции. Протест, упрямство, вспышки гнева, отказ подчиняться требованиям взрослого или стремление настоять на своем в этом контексте могут быть связаны с переживанием агрессивного импульса и выступать способом обозначения собственных границ [4; 7].

Через агрессивные реакции ребенок постепенно осваивает способность отделять себя от другого человека. Опыт сопротивления, выражения несогласия и отстаивания собственных желаний становится важной частью процесса сепарации и формирования самостоятельности. Возможность переживать и выражать агрессивную энергию способствует развитию субъектности, поскольку позволяет ребенку не только реагировать на внешнее воздействие, но и переживать себя как активного участника взаимодействия. Одновременно на этой основе начинают складываться и первичные навыки саморегуляции, связанные с удержанием напряжения, выражением импульса в приемлемой форме и восстановлением контакта после конфликта.

Трудности возникают в тех случаях, когда агрессивная энергия систематически подавляется, игнорируется или не находит адекватных форм выражения. В подобных ситуациях она может либо накапливаться и проявляться в виде интенсивных вспышек гнева, импульсивных реакций и телесного перенапряжения, либо, напротив, приводить к снижению активности, подавленности и затруднениям в обозначении собственных границ. В обоих случаях нарушается естественный процесс регуляции взаимодействия между ребенком и окружающей средой, а сама агрессия утрачивает функцию гибкого приспособления и начинает проявляться в искаженных или дезадаптивных формах поведения.

Непослушание как форма контакта

В повседневном опыте родителей непослушание обычно интерпретируется как нарушение правил, отказ ребенка следовать требованиям взрослого или недостаточная управляемость поведения. Как правило, оно описывается через конкретные наблюдаемые проявления: игнорирование просьб, сопротивление указаниям, упрямство, демонстративный отказ выполнять договоренности, затягивание реакции на требование взрослого. Подобный взгляд фиксирует прежде всего внешнюю, дисциплинарную сторону происходящего и ориентирован на оценку поведения с точки зрения его соответствия установленным нормам. При этом психологическое содержание непослушания, его связь с внутренним состоянием ребенка и особенностями контакта со значимым взрослым нередко остаются вне поля осмысления.

Для более точного понимания данного феномена важно различать агрессию и непослушание как явления разного уровня. Агрессия, в рамках телесно-ориентированного подхода, рассматривается как базовая энергия действия. Непослушание же представляет собой не саму агрессию, а одну из возможных форм ее поведенческого выражения. Иначе говоря, агрессия относится к уровню внутреннего импульса, мобилизации и телесно-эмоционального напряжения, тогда как непослушание — к уровню внешне наблюдаемого поведения, посредством которого данный импульс реализуется в отношениях со значимым взрослым [1; 6].

Непослушание формируется и проявляется не изолированно, а в структуре межличностного взаимодействия. Оно возникает не просто как индивидуальная реакция ребенка, но как событие контакта, в котором участвуют обе стороны — ребенок и взрослый. В этом смысле непослушание выполняет не только экспрессивную, но и коммуникативную функцию. Через протест ребенок сообщает о переживаемом напряжении, обозначает границы допустимого, выражает несогласие, а также проверяет параметры взаимодействия: насколько устойчив взрослый, предсказуемы ли его реакции, сохраняется ли контакт в ситуации конфликта.

Системный контекст детской агрессии

Рассмотрение агрессии у ребенка исключительно как индивидуальной особенности оскудняет понимание данного феномена. Агрессивные и протестные проявления не возникают вне контекста взаимодействия, поскольку развитие ребенка изначально осуществляется в системе значимых отношений, прежде всего в пространстве семьи. Именно в повседневном контакте со значимыми взрослыми формируются базовые способы эмоционального реагирования, переживания напряжения, выражения импульсов и регуляции поведения. В связи с этим агрессия у ребенка может быть понята не только как характеристика самого ребенка, но и как форма выражения тех процессов, которые складываются в системе детско-родительского взаимодействия [4; 7].

Системное понимание семьи предполагает, что эмоциональные состояния, способы реагирования и поведенческие паттерны ее участников находятся во взаимной обусловленности. Изменения в состоянии одного члена семьи неизбежно отражаются на других, а устойчивые формы взаимодействия поддерживаются не отдельными действиями, а всей структурой отношений. С этой точки зрения агрессивное поведение ребенка может рассматриваться как элемент общего процесса регуляции семейного напряжения. Оно оказывается включенным в более широкий контекст эмоционального обмена, распределения ролей, способов установления границ и поддержания равновесия в семье.

В условиях нарастающего эмоционального напряжения именно ребенок нередко становится тем участником семейного взаимодействия, через которого это напряжение получает внешнее выражение. Подобная позиция ребенка обусловлена его высокой зависимостью от эмоционального состояния взрослых, недостаточной сформированностью собственных средств саморегуляции и повышенной чувствительностью к изменениям в атмосфере отношений. В данном контексте агрессивное поведение ребенка иногда приобретает функцию симптома автоматического проявления, через которое становится заметным общее напряжение семейной системы [4].

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, агрессия в телесно-ориентированном подходе понимается не как деструктивное явление, а как базовая энергия действия, обеспечивающая взаимодействие организма со средой, регуляцию дистанции в контакте и защиту личностных границ. Во-вторых, способность ощущать и выражать агрессивные импульсы является необходимым условием формирования здоровых личностных границ и психологической автономии. В-третьих, в детском возрасте агрессивные проявления, включая непослушание, могут рассматриваться не как поведенческая проблема, требующая внешнего контроля, а как естественный механизм развития субъектности, сепарации и освоения самостоятельности. В-четвертых, понимание детской агрессии требует учета системного контекста семьи: агрессивное поведение ребенка нередко выполняет функцию регуляции семейного напряжения и может быть симптомом дисфункциональных отношений в системе «родитель–ребенок».

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов в консультировании родителей по вопросам детского непослушания и агрессивного поведения, а также в психолого-педагогическом просвещении специалистов, работающих с детьми. Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическое изучение связи между способами реагирования родителей на детскую агрессию и формированием адаптивных или дезадаптивных паттернов поведения у детей.

Сведения об использовании технологий искусственного интеллекта: Автор использовал ИИ (ChatGPT) для структурирования текста, приведения в соответствие с требованиями журнала, редактуры и оформления ссылок.

Библиографический список

1. Лоуэн, А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела / А. Лоуэн. Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2000. — 256 с.
2. Лоуэн, А. Физическая динамика структуры характера / А. Лоуэн. — Москва : Психотерапия, 2008. 320 с.
3. Лоуэн, А. Голос тела: роль тела в психотерапии / А. Лоуэн. Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2012. 208 с.
4. Минухин, С. Семейная терапия: от симптома к системе / С. Минухин, М. П. Николс, В. Ю. Ли. Москва : Класс, 2018. 276 с.
5. Райх, В. Анализ характера / В. Райх. Москва : КСП+, 1999. — 528 с.
6. Siegel, D. J. The Developing Mind: How Relationships and the Brain Interact to Shape Who We Are / D. J. Siegel. New York : Guilford Press, 2020. 674 p.
7. Schore, A. N. Affect Regulation and the Origin of the Self: The Neurobiology of Emotional Development / A. N. Schore. New York : Routledge, 2016. 670 p.